

**ЯРОСЛАВСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ**

Владимир Колабухин

*Серия «Ярославский писатель»
основана по решению Экспертного Совета
при губернаторе Ярославской области
в 2012 году*

Редакционная коллегия

Г.В. Кемоклидзе (председатель)

Н.В. Абросимова

Е.А. Ермолин

М.Г. Китайнер

В.Ю. Перцев

В.А. Серов

ВЛАДИМИР КОЛАБУХИН

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Ярославль
ИНДИГО
2016

УДК 821.161.1
ББК84(2Рос=Рус)6-5
К 60

Колабухин В.Г.

К 60 Последнее звено: Повести и рассказы. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2016. – 280 с. – (Серия «Ярославский писатель»).

Основу книги ярославского писателя Владимира Колабухина составляют детективные повести и рассказы о работе сотрудников милиции в последние годы советского времени. В книгу вошли и другие остросюжетные произведения автора.

ББК84(2Рос=Рус)6-5

ПОВЕСТИ

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-91722-274-5

© Владимир Колабухин, 2016
© ИПК «Индиго», 2016

КТО СТРЕЛЯЛ В «БИРЮЗЕ»?

повесть

1

Говорят, понедельник – день тяжёлый. Не знаю, не знаю... Может быть. Но сегодня утро выдалось солнечным. Небо ясное – ясное! Майский воздух, освежённый коротким ночным дождём, удивительно душистый от расцветающей сирени...

Я живу неподалёку от райотдела милиции в новом девятиэтажном доме. Но там сейчас духота. А здесь, на улице...

И до чего же хорошо на душе, когда вот такое чудесное утро! Можно не спеша пройтись по бульвару, затенённому большими старыми липами, посидеть в укромном уголке на скамейке и помечтать о чём-нибудь заветном, пусть, может, и несбыточном...

Передо мной, дробно стуча по асфальту каблучками белых туфелек, идёт светловолосая стройная женщина.

Идёт быстро, даже торопливо, головы не повернет. Наверное, опаздывает на работу. Быть может, вечером она не станет так спешить. А вечер, конечно, тоже по-своему хорош. Особенно когда падёт тишина, и город расцветится сиянием радужных огней. Но воздух и зелень будут уже не те: цветочный аромат заглушат прогорклые запахи отработанных за день солярки и бензина, а сажа и пыль затуманят наряд затихающих улиц.

Нет, утро есть утро! И думается лучше. Недаром говорится, что утро вечера мудренее. Вот и ко мне сейчас приходит мысль о том, что не настолько уж я заостренел на своей следственной работе, как полагает моя соседка по квартире Леночка, если вдруг вспоминаю её гибкую фигуру, мягкий овал лица и большие зелёные глаза.

Сворачиваю с подсохшей дорожки бульвара к зарослям сирени и опускаюсь на сверкающую жёлтым гляncем, недавно выкрашенную скамейку. Лёгкий ветерок чуть колышет верхушки деревьев и кустарника, над головой громко чирикают воробьи...

Лена – учительница, ведёт в школе уроки русского языка и литературы. Я люблю слушать её. Голос у неё мягкий, приятный. К тому же она очень красива. Вместе со своей приветливой мамашей Екатериной Ивановной, весьма пожилой, располневшей седовласой женщиной, она занимает две смежные комнаты. Я – одну, с изолированным входом. Так уж получилось, что однокомнатных квартир райотделу не выделили, и меня просто-напросто «подселили». И ничего хорошего из этого, по-моему, не выйдет. Елена, судя по всему, не прочь завести со мной роман. А у меня он уже был, да лишь оставил в сердце боль. И я теперь уже не так наивен, чтобы таять от улыбок хорошеньких девушек, поэтому в обращении с Еленой, наверное, и впрямь суховат. Только что же вдруг сегодня её образ словно застыл перед глазами?..

Поднимаюсь со скамейки, направляюсь к выходу. Блондинка уже исчезла из виду. А я всё иду и иду не спеша. Время в запасе есть. Да и служба моя такая, что особой торопливости не терпит, требует внутреннего спокойствия и уверенности. А сегодня утро такое замечательное! Может, и день весь будет таким же?

Я покидаю бульвар, пересекаю по белым полоскам перехода залитую солнцем площадь и вскоре оказываюсь в вестибюле райотдела. На моих часах без четверти девять. Заглядываю в комнату дежурного, а там кроме его помощника – молодого широкоплечего сержанта Кандаурова –

никого больше нет, хотя обычно в это время здесь всегда бывает немало ребят из уголовного розыска. Значит, ничего существенного за воскресенье не произошло.

Подхожу к столу Кандаурова, громко здороваюсь и спрашиваю:

– Как дела? Где дежурный?

Он поднимает на меня припухшие от бессонной ночи глаза, устало говорит:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Пока всё в норме. Если до девяти не поступит заявлений, то вам сегодня лафа... А дежурный к руководству ушёл, докладывать.

– Твоими бы устами – да мёд пить! – говорю ему, улыбаясь.

Его широкое простодушное лицо тоже озаряется улыбкой. И в этот момент на пульте вспыхивает жёлтый огонек «02», а в соседней комнате телетайп начинает выводить трескучую дробь.

Кандауров хватает телефонную трубку.

– Милиция!... Что? А кто говорит?..

Подхожу к телетайпу. На ползущей бесконечной бумажной ленте одна за другой появляются тревожные строчки, переданные из других райотделов и областного управления внутренних дел.

«Начальнику..... районного отдела..... 20 мая с. г. в 16 часов из дома № 3 по улице Крестьянской г. Бровки ушла и до сего дня не вернулась Золотова Наташа. Возраст – 15 лет... Предположительно может находиться у своей бабушки Золотовой Марии Егоровны, проживающей...».

«21 мая с. г. из пос. Поречье угнана автомашина «ВАЗ-2101»... красного цвета, принадлежащая гр-ну Белову. Примите меры розыска машины и преступников...»

А телетайп всё стучит и стучит.

Возвращаюсь к Кандаурову.

– Ну что?

Он прикрывает ладонью трубку.

– Муж у одной буянит...

И опять в телефон:

– Да-да... Успокойтесь, пожалуйста. Мы немедленно выезжаем.

Вот так... Ничего себе начинается денёк!

Выхожу в коридор, привычно поднимаюсь по крутой лестнице на третий этаж и иду в свой кабинет. В открытую форточку окна с улицы вливается всё тот же густой запах расцветающей сирени. Он снова возвращает меня к мыслям о Елене. Как любит она выискивать в её гроздьях «счастливые» соцветья!... Вот придёт вечер, и я опять пройду по бульвару, накоплю для неё сирени. Пусть порадуется!

Улыбаюсь своим мыслям и принимаюсь за работу: пишу представления, справки, запросы. Жду вечера. И дождался. Телефонного звонка дежурного.

– Демичевский?.. Срочно с опергруппой на выезд!

Оказывается, сработала сигнализация фирменного магазина «Бирюза», торгующего ювелирными изделиями.

Не проходит и минуты, а наш «уазик», включив сирену, уже летит по улице. Сидим и гадаем, что там, в «Бирюзе»? И самые худшие предположения оправдываются – разбойное нападение.

«Как же такое случилось?» – спрашиваем в магазине. И вот что выясняется.

За пять минут до закрытия «Бирюзы» кто-то позвонил со двора у служебного входа. Думая, что приехали инкассаторы, директор магазина Шляпникова, пожилая дородная женщина, собирающаяся уйти через месяц на пенсию, спокойно открыла дверь и... отшатнулась.

Высокий молодой черноволосый мужчина с пистолетом в руке, подтолкнул Шляпникову к её кабинету, рванул там со стола одну из инкассаторских сумок с дневной выручкой и перебросил сообщнице, такой же молодой особе, появившейся на мгновение за его спиной.

Ещё до того, как налётчик потянулся за второй сумкой, Шляпникова успела нажать потайную кнопку сигнала тревоги. Завыл «ревун». Преступник отпрянул, не целясь, выстрелил и выскочил во двор. Громко хлопнула дверца машины, заурчал мотор, и через несколько секунд всё стихло...

Шляпникова выглядит испуганной, но невредимой. Только губы белые и, не переставая, трясутся.

– Да вы не волнуйтесь, не переживайте так, – пытаюсь успокоить её и коротко передаю в райотдел по телефону первые сведения о случившемся.

– Как не переживать?! – расстроено всплёскивает она руками. – Ведь чуть всю выручку не унесли.

– И много взяли?

– Почти пятьдесят тысяч! Сорок девять тысяч девятьсот рублей.

Она тянется к графину с водой. Я опережаю, подаю полный стакан. Пока Шляпникова пьёт, вместе с экспертом Губиным осматриваю и фотографирую место происшествия. Собственно, осматривать и нечего. Её кабинет, где мы ведём разговор, находится напротив служебного входа. Налётчику действительно потребовались бы секунды, чтобы осуществить задуманное.

В воздухе ещё пахнет пороховой гарью. В помещении всего одно окно, забранное решёткой, и то без форточки. Нет и какой-либо вентиляции. Душно. Зато над столом, за которым сидит моя собеседница, ярко горит красивая хрустальная люстра. В кабинете лишь один простенький стол, небольшой сейф да несколько стульев. Без особых затруднений нахожу на полу у окна пулю, сколовшую кусочек бетона от удара в стенку, а за косяком двери – гильзу. Следов обуви – масса, но все затёртые, и разобраться в них практически невозможно. Лишь в коридорчике, у порога кабинета, Губину удаётся зафиксировать слабые отпечатки подошвы и каблочки женской туфельки.

Присаживаюсь к столу Шляпниковой и спрашиваю:

– Так вы говорите, преступников было двое?

– Может, и больше, – не сразу отзывается она. – Ко мне ворвались-то двое: – мужчина и женщина.

– Как они выглядели? – пытаюсь ещё раз уточнить их внешность.

Но Шляпникова, как и в начале разговора, не может описать их подробно: высокий, молодой, смуглолицый мужчина

да такая же молодая и смуглолицая его напарница – вот и всё. И она расстроено оправдывается:

– Испугалась очень. Какие уж тут подробности, особые приметы. Спроси, в чём были одеты – и то, наверное, не скажу.

– И всё же?

– Мужчина, по-моему, в тёмном костюме, а женщина... в синем платье, как будто бы, – смущённо пытается вспомнить Шляпникова, комкая в дрожащей руке и без того мятый цветастый платочек, которым то и дело оттирает потное лицо. – Как бы не струсил так!...

– Нет – нет, – возражаю я. – Не казните себя напрасно. В такой ситуации, что случилась с вами, кто не испугается. А вы действовали решительно, не дрогнули.

Мне и впрямь приятно похвалить эту пожилую мужественную женщину. Но она отмахивается:

– Да какое там решительно! Мне бы после звонка в «глазок» посмотреть, а не дверь сразу открывать.

– Действительно, а почему вы поторопились открыть дверь?

– Думала, инкассаторы за выручкой приехали. Они всегда в это время появляются у нас.

– Погодите, погодите, – останавливаю её. – Давайте уточним. Во сколько к вам позвонили?

– Я уже говорила – без пяти семь.

– А инкассаторы приезжают?

– В семь. Иногда на минуту-две раньше или позже. Вот что и подвело меня. Ведь звонок был почти в это же время.

Да, видел я инкассаторов. Нас дожидались. Даже говорил с ними. Поохали, посочувствовали директорше, и уехали.

Я задумываюсь. Интересная вырисовывается картина: рискованно действовали налётчики! Рискованно, но рассчитано, словно по секунсточкам всё выверили.

– Значит, вы считаете, что у преступников была машина?

– Но ведь кто-то сразу выехал со двора, кто же ещё?

«Конечно, – мысленно соглашаюсь я. – Без транспорта им в таком деле не обойтись. Нужно осмотреть двор – искать следы. Между прочим, выстрел могли слышать на улице.

Следовательно, кто-нибудь мог заприметить и машину. Теперь только бы найти очевидцев!»

Я знаю, что и другие члены опергруппы зря времени не теряют. Зевак на улице, когда мы подъехали к магазину, было немало, да и подворный обход ближайших домов, опрос их жителей может выявить ценных свидетелей. Кто-то из них, к примеру, в момент происшествия выходил из магазина или разглядывал его витрины, кто-то отдыхал на балконе своего дома или сажал там цветы... Короче, должны быть свидетели. И, поблагодарив Шляпникову, выхожу в коридор.

Как и ожидал, мне уже нашли свидетелей: узкоплечего веснушчатого паренька в линялых джинсах и пёстрой рубашке с отложным воротничком и тощую, как жердь, старомодно одетую старушку. Оба утверждают, что это было желтоватое такси, выскочившее со двора почти вслед за выстрелами. Номера машины старушка не приметилла. Зато парню запали в память цифры: «37-38».

Незамедлительно передаю эти данные дежурному по райотделу. Если в машине преступники и они попытаются выехать из города, им это теперь вряд ли удастся: дежурный известит о моей информации все постовые и патрульные наряды, инспекторов ГАИ.

Мы делаем всё, чтобы раскрыть дерзкое преступление, как говорится, по горячим следам, работаем до глубокой ночи, но... тщетно. Налётчики как в воду канули.

Домой возвращаюсь за полночь. Пытаюсь неслышно пробраться в свою комнату, но Елена тут как тут. На ходу застёгивает халатик и спешит на кухню.

– Я тебе чаю подогрею.

Отговаривать бесполезно, и я молча киваю.

На кухне Лена усаживается рядом со мной за столик, и, пока я чаёвничаю, не отрываясь, молча смотрит на меня зелёными, как виноградины, глазами. Только сегодня они кажутся мне чуть погрустневшими.

– У тебя что-то случилось? – спрашиваю.

– Что у меня может случиться... Пей чай, Демичевский, пей...

Она отводит взгляд и пытается улыбнуться. Господи! Так ведь я хотел принести ей цветы. Надо же, как всё нескладно получилось.

2

Утром просыпаюсь раньше обычного. Прохожу на кухню, а Лена уже сидит у окна, задумчивая и чем-то озабоченная.

– С добрым утром! – говорю, улыбаясь. – Что нос повесила?

– Здравствуй! – приветливо отвечает она. На лице её тоже появляется улыбка. – И всё-то замечаешь ты, Демичевский!

– Профессия такая! – смеюсь я и подхожу к плите. Осторожно трогаю чайник, а он уже горячий-прегорячий. Кладу в чашку ложечку растворимого кофе, сахар, заливаю кипятком.

– Сегодня опять поздно вернёшься? – спрашивает Лена.

– Пока не знаю, – говорю, отпивая из чашки маленькими глотками дымящийся душистый напиток. Смотрю на часы. Ещё четверть восьмого. Но дома делать нечего, так что лучше немного прогуляться. Допиваю кофе, поднимаюсь из-за стола.

– Ну, пока.

Лена рассеянно кивает. О чём это она всё думает?..

В прихожей поправляю перед зеркалом форму, галстук и выхожу на улицу.

Сегодня у меня не столь радужное настроение, как накануне. В девять часов предстоит присутствовать на оперативке у начальника уголовного розыска Белова, и вчерашнее событие в «Бирюзе» не выходит у меня из головы. Расследование поручено мне, а с чего начинать? Есть, конечно, несколько соображений, и, думаю, в уголовном розыске тоже подкинут что-нибудь существенное. Ребята там толковые, оперативники классные. И ниточка у нас есть. Хотя бы тот же след протектора с шербинкой, зафиксированный во дворе магазина.

Без пяти девять вхожу в кабинет Белова. Все оперативники уже в сборе. Опустив сидящую голову, Белов медленно расхаживает из угла в угол. Заметив меня, останавливается и, кивком ответив на приветствие, сухо говорит:

– Что ж, начнём, пожалуй. У кого какие версии по «Бирюзе»?

Присаживаюсь на единственный свободный стул у окна. Оглядываю собравшихся. Лица у всех озабоченные, глаза хмурые. Многие, наверное, не спали.

– Значит, неизвестные подъехали к магазину на такси? Чьё оно? Кто шофёр? – снова спрашивает Белов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Первым отвечает старший оперуполномоченный Сергей Наумов. Ему недавно исполнилось тридцать, он тремя годами моложе меня, а уже считается одним из опытейших розыскников.

– Такси принадлежит второму автопарку, – говорит Наумов, легко поднявшись с дивана. – За машиной закреплены два водителя – Власов Николай Григорьевич, старый кадровый работник, и его молодой сменщик Водолазкин Владимир Константинович, выпускник автошколы. Вчера вечером работал Власов. По его словам, такси просто-напросто угнали, когда он отлучился в столовую поужинать. Машину его мы пока не нашли.

Густые нависшие брови Белова опускаются ещё ниже:

– А не может он быть соучастником этого преступления?

Наумов задумчиво приглаживает свои русые волосы и не сразу, но возражает:

– Маловероятно, Александр Петрович. Человек он пожилой, передовик труда, вырастил двоих детей, имеет внуков. Маловероятно...

Белов подходит к окну, разглядывает улицу. С каждой минутой солнце всё ярче заливает своими лучами кабинет, всё громче нарастает шум города. Где-то там, в его необъятных недрах, скрываются от нас те, кого мы ищем.

– А что говорят свидетели? – спрашивает Белов.

Наумов садится, а с дивана поднимается рослый и плечистый, всегда щеголевато одетый оперуполномоченный Громов, мой хороший товарищ и ровесник. На его широком лице отражается глубокая задумчивость. Он достаёт из кар-

мана замшевой куртки небольшой блокнот, заглядывает в него и неторопливо начинает докладывать:

– Свидетелей, паренька и старушку, мы установили следующим образом...

Белов резко поворачивается к нему:

– Я не спрашиваю, как вы разыскали студента Бубнова и пенсионерку Малинину, – обрывает он Громова. – Что они рассказывают? У нас есть фотография Власова?

Громов растерянно поправляет сверкающий золотыми нитями галстук.

Я спешу на выручку Громову. Ведь опрашивать свидетелей пришлось мне, а не ему.

– И фотография есть, и показывали её, – говорю, поднимаясь. – За рулём такси сидела женщина. Разглядеть её свидетели не сумели, а вот мужчину, что находился в салоне машины, запомнили: молодой, смуглолицый... Словом, не Власов. Поскольку Бубнов учится в художественном училище, я попросил его набросать хотя бы приблизительный портрет этого человека. Бубнов сразу согласился, и вот – вот должен его принести.

Я сажусь, а Белов возвращается к столу, грузно опускается в кресло, задумывается. То, что он повысил сегодня голос, совсем не характерно для него. Да и Громов, несмотря на своё щегольство и многословие, отнюдь не пустозвон, зарекомендовал себя умелым и знающим работником. Но сегодня время не наш союзник, подхлестывает и Белова.

Он поднимает голову.

– У вас всё? – спрашивает Громова.

– Нет, торопливо отзывается тот. – Разрешите высказать свои соображения?

– Ну-ну... – смягчается Белов. – Выкладывайте.

– Полагаю, что преступники вели многодневное тщательное наблюдение за магазином, – оживает Громов, и сеточка мелких морщинок на его загорелом лице сразу исчезает.

– Почему вы так думаете?

– Уж очень чисто сработали, вернее – дерзко. Надо бы выяснить, кто в последнее время крутился у «Бирюзы».

«Ай да молодец Громов! С языка у меня сорвал».

– Резонно, – соглашается и Белов. – Вот вы с Наумовым и отработайте эту версию. Может, кто-нибудь из наших «крестников» отличился.

Да!... Представляю, каково придётся моим друзьям. В городе проживает не один десяток уже на практике познакомившихся с уголовным кодексом. Кто из них, где и как проводил вчерашний вечер? Выяснить это – задача не из лёгких. Очень даже не из лёгких!

Однако, как я смотрю, Громова она ничуть не смущает. Он переглядывается с Наумовым, приподнимает, чтобы не помять, стрелки светлых, хорошо отутюженных брюк, садится и быстро пишет что-то в блокноте.

– Та-ак... – продолжает Белов. – А теперь послушаем товарища Демичевского.

Он устремляет на меня пытливый взгляд и после короткой паузы спрашивает:

– В чем нужна помощь? Зацепок-то почти нет.

Я опять поднимаюсь, ещё раз оглядываю всех и говорю:

– Почему – нет? Взять, хотя бы, пропавшее такси. Оно как раз такое звено, за которое мы можем ухватиться... Надо подключить к нам в помощь патрульно-постовую службу и участковых инспекторов. Следует осмотреть все дворы, гаражи, тупики и переулки... Ведь где-то оставлена эта машина!

Белов кивает. Я уверен, эта мысль пришла и к нему.

– Теперь второе... Насчёт предположения Громова о том, что за «Бирюзой» велось наблюдение... В первую очередь, нужно ещё раз опросить работников магазина и жителей прилегающих домов. Может, действительно в последние дни кто-то мозолил им глаза.

Белов снова молча кивает и делает в «еженедельнике» пометку.

– И третье... Не мешало бы посмотреть дела о преступлениях, совершённых в городе с применением огнестрельного оружия. Сегодня я направляю для исследования пулю и гильзу, что нашли в магазине. Как знать, может, сопоставле-

ние данных проверок с материалами этих дел и выведет нас на след преступников.

Мы обговариваем с оперативниками ещё ряд вопросов и расходимся. Я с нетерпением жду Бубнова. Он обещал подойти в десять, а на моих часах уже двадцать минут одиннадцатого.

Ну вот, кажется, он и пришёл. Слышу негромкий стук в дверь и поспешно откликаюсь:

– Войдите!

В узкую щель двери сначала осторожно просовывается широколобая голова Бубнова, а затем и сам парень показывается на пороге. Стеснительно улыбаясь, подходит к столу и показывает мне небольшой конверт.

– Вот. Принёс... Как просили.

Он аккуратно вскрывает конверт, бережно достаёт из него листок бумаги, расцвеченный акварелью.

Первое впечатление – меня обманывают. Это не может быть рисованным портретом. Это цветная, мастерски выполненная фотография. Но шероховатость бумаги и некоторая расплывчатость красок на ней убеждают: портрет рисованный.

Но до чего живое лицо!... Плотно сомкнуты тонкие губы, сжаты крылья такого же тонкого носа, тревожно прищурены миндалевидные тёмные, словно маслины, глаза, нахмурены чёрные брови, невысокий чистый лоб и густые, с красивой укладкой волосы.

Мое долгое молчание, вызванное изучением портрета, Бубнов воспринимает как недоверие к его работе. Он смущённо бормочет:

– Может, не совсем точно изобразил... Вечер был да и видел-то человека мельком... Если бы он не в машине сидел, а в студии позировал, да при хорошем освещении.

В том-то и дело, а он ещё оправдывается! Если ничего не сочинил, то – завидная зоркость у парня. Я дружески обнимаю его.

– Всё хорошо. Этот портрет мы сегодня размножим, и... словом, спасибо!

Он краснеет, как девушка, вскидывает на меня повеселевшие глаза:

– Тогда пойду? У меня скоро занятия.

Прощаемся, и он уходит. Мне тоже не сидится в кабинете, хочется немедленно показать портрет оперативникам Белова: вдруг опознают в нём кого-нибудь из «крестников»? Вот было бы здорово!

Но... Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все восхищаются мастерством художника, крутят портрет так и сяк, однако признать в нём кого-либо не могут.

– И всё-таки, кого-то он мне напоминает, – мучительно раздумывает Наумов. – Кто это? Кто?..

Ничего, выясним! И выведем на чистую воду. Никуда теперь он от нас не денется. Для начала покажу –ка этот портрет Шляпниковой.

Достаю из сейфа специально приготовленные для подобных случаев два портрета других лиц, беру понятых, вызываю служебную машину и еду в «Бирюзу».

Шляпникова долго вглядывается в портреты, затем указывает на тот из них, что рисовал Бубнов, и чуть дрогнувшим голосом подтверждает: «Он! Очень похож».

Вот и отлично. Как положено, оформляю протокол опознания. Теперь бы пропавшее такси отыскать и его хозяина.

3

Домой опять возвращаюсь поздно. По улицам ещё снуют машины, и я невольно приглядываюсь к ним – не промелькнёт ли такси с номером «37-38»? Ох, как нужна мне эта машина! Твёрдо верю, что от неё потянется ниточка к раскрытию разбойного нападения на «Бирюзу».

Жёлтых такси проносится немало, но всё не те, не те...

Вот и мой дом. Лифт быстро поднимает меня на шестой этаж... Не успеваю вытащить из кармана ключ от квартиры, как дверь распахивается – и вижу счастливого, улыбающегося лицо Елены.

– Как хорошо!... Как хорошо, что ты всё-таки пришел, – порывисто восклицает она и втягивает в прихожую.

Недоумевая, замираю у порога.

– А что, собственно, случилось? Почему – «всё-таки»?

Глаза Елены радостно светятся.

– Потом, потом скажу. Давай переодевайся – и ко мне, в мою келью.

И тут замечаю на Елене нарядное тёмно-зелёное вечернее платье и лёгкий белый шарфик, что придают ей праздничный вид.

– Какое-нибудь семейное торжество? – догадываюсь, наконец.

Она молча кивает.

– И моё присутствие тоже необходимо?

Ещё кивок. И мне ничего не остаётся, как подчиниться и наскоро привести себя в порядок. Непонятно только, почему торжество не в гостиной и так тихо в квартире?

Снимаю запыхавшуюся форму. Умываюсь. Надеваю белую рубашку, синий галстук. Сдуваю с костюма пылинки. Вглядываюсь в зеркало: на меня смотрит кудрявый сероглазый, ещё молодой человек, прилично одетый и с не очень скучной физиономией... Так что вроде бы всё нормально, можно идти.

В комнате Елены чуть светится крохотное бра на стене. На полке горит зелёный огонёк магнитолы, слышится приглушенная мелодия блюза. На журнальном столике, придвинутом к тахте – вазочка с цветами, бутылка шампанского и торт.

Елена сидит на тахте. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Присаживаюсь рядом и спрашиваю:

– А-а... Екатерина Ивановна где?

И тут же в ответ слышу тихий серебристый смех:

– Разве со мной тебе не интересно?

Я окончательно теряюсь.

– Почему же... – И чуть не с мольбой снова спрашиваю:

– Но объясни, пожалуйста, что всё это значит?

Лена привычным лёгким жестом отбрасывает со лба волосы.

– Мама уехала к тётушке на денёк. Мы с тобой одни... Понимаешь, вчера мне исполнилось двадцать пять. Мы думали отметить это событие, но ты пришёл с работы очень поздно... Давай отметим его сегодня.

Обескураженный, молчу. Так вот почему вчера она была такой грустной... Милая, добрая моя Прекрасная Елена!

Машинально оглядываю комнату. Здесь я впервые. Всё здесь дышит чистотой и уютом... Но почему мне такая честь? А у меня и подарка нет.

Лихорадочно перебираю в памяти скудную обстановку моей комнаты.

Есть! Нашел! Тут же срываюсь с места:

– Я сейчас... Извини.

И мчусь к себе.

Лена – большая любительница книг, кое-что из них и у меня имеется. Недавно приобрёл по случаю замечательное издание романа «Русский лес». Леонов всегда привлекал меня своим глубоким философским мышлением, афористичностью речи, а тут вдруг – отлично изданный томик! Подписать его – дело одной минуты.

Увидев подарок, Елена вздыхает:

– Ах, Демичевский! Зачем это? Я же знаю, как тебе хотелось заполучить эту книгу.

Спешу развеять её огорчение.

– Ничего. Ещё достану. Лучше прочитай, что я там нацарапал.

Лена раскрывает томик и снова счастливо улыбается, неожиданно награждает меня лёгким поцелуем:

– Спасибо за «Елену Прекрасную» и такой дорогой для меня подарок.

Мы садимся на тахту. Всё также приглушенно звучит мелодия блюза, в бокалах искрится шампанское, нескрываемой радостью сияют глаза Елены.

– Расскажи мне о себе, Демичевский. Как ты жил, кого любил?.. Сегодня я хочу всё знать о тебе. Всё!

В голове моей чуть шумит от выпитого вина и поцелуя. Музыка расслабляет, вызывает на откровенность. Хочется

окончательно размагнититься и раскрыться, высказаться о наболевшем.

И вспоминается далёкий старинный город. Тенистый парк. И девчонка на скамейке... Красивая, русоволосая, с глазами, наполненными тревогой.

«Ты не забудешь меня, Владик?»

«Что ты, Катюша! Что ты...».

«Тебе там встретятся другие девчата».

«Я даже не взгляну на них».

«Два года – это так долго!»

«Я буду писать тебе каждый день!»

И писал. Все два года армейской службы. И ни на одну из девчонок не глядел. А Катюша не дождалась, вышла замуж за другого парня.

Нет! Об этом не стоит говорить никому. Это моё, пусть оно во мне и останется. Я прожил в том городе почти тридцать лет. И никогда бы не покинул его...

– Ну что ты молчишь? – спрашивает Лена.

А я не знаю, что и сказать.

– Тогда потанцуем? – терпеливо предлагает она, видимо, догадываясь о моём состоянии.

И мы медленно плывём в полумраке. Рука Елены легко лежит на моём плече, глаза, не отрываясь, смотрят в мои глаза.

– Ты всё ещё любишь её, – тихо то ли спрашивает, то ли утверждает она.

И опять не нахожу, что ответить. Врать нельзя и правду сказать сегодня язык не поворачивается.

– Знаешь, давай не будем говорить обо мне. Всё-таки героиня вечера – ты! Расскажи о себе.

Елена натянута смеётся.

– Ох, Демичевский!... Он, оказывается, ещё и плут.

Она ненадолго умолкает, потом с расстановкой начинает рассказывать.

– Мы ведь тоже не местные. Переехали из Тулы. Папа был лётчиком. Его перевели сюда по службе. Ну и мы за ним... А через неделю, при испытании нового самолета, он погиб. Мама в один день поседела... Мне шёл тогда всего второй

годик... А теперь уже – двадцать пять! Окончила школу, институт... Вот, собственно, и всё.

– Извини за нескромность. – говорю. – А почему ты не замужем?

Лена опять смеётся.

– Потому что таких плутов, как ты, не встречала!

Она останавливается.

– Но если серьёзно – были предложения. Да душа ни к кому не лежала. Почему-то все лишь о себе и думают, о своём «я». А мне, Демичевский, не рабыней, а царицей быть хочется!

– Клеопатрой, что ли?

– Нет! Такой, как Суламифь. В любви своей – царицей.

Понимаешь?

Бестолково киваю, и мы возвращаемся за столик. Елена спрашивает:

– Хочешь кофе?

– Хочу.

Лена уходит на кухню и вскоре по всей комнате разносится его горьковатый аромат.

– Почему ты вчера так поздно вернулся? – спрашивает она. – Что-нибудь случилось? Говорят, машину угнали. К нам в школу приходили сегодня работники ГАИ. И участковый по квартирам прошёлся.

Я улыбаюсь. Так-так... Скоро весь город будет знать, что разыскивается такси жёлтого цвета, номер «37-38». Это хорошо. Уж кто-нибудь да расскажет нам о нём.

– Да, – говорю. – Ищем пропавшее такси.

И не вдаваясь в подробности, коротко рассказываю о вчерашнем «ЧП».

– Ужас какой, – передёргивает плечами Елена. – Ну, у вас и работка!

– У тебя она разве легче?

– Сравнил тоже! Как ни тяжело с моими шумными ребятами, но они – дети. Я вижу, как они взрослеют, становятся умнее и добрее.

– А если не все такими вырастают? Как тот брнет, что стрелял в магазине. Кто-то должен и с ними разбираться.

К тому же, я закончил юридический. Так что, не будем больше об этом. Хорошо?

– Хорошо. – Соглашается Елена. – Расскажи мне веселенькое. Уж сегодня ты обязан развлекать меня.

Начинаю вспоминать. Но в голову лезут одни лишь криминальные истории. Лена смеется.

– Ладно, не мучься.

И берёт мои руки в свои ладони.

– Какие у тебя красивые, тонкие пальцы, Демичевский.

Я весь напрягаюсь, чувствуя нежность её рук.

– Что ж в них хорошего...

– Не скажи... Глаза или лицо могут обмануть человека.

А вот руки... В них, по-моему, вся его душа... У тебя пальцы музыканта. Но ты ни на чём не играешь!

– Играю, – возражаю с улыбкой. – На гитаре играю. Да всё никак не могу купить – в магазинах они нарасхват.

– У тебя очень красивые пальцы, – задумчиво продолжает Елена. И неожиданно прикивает к ним губами.

У меня перехватывает дыхание. Это уже не тот мимолётный поцелуй, которым она наградила меня всего несколько минут назад... Руки мои сами тянутся к этой волнующей, удивительной девушке. И я почти не слышу страстный, срывающийся её шепот.

– Подари мне их, подари!...

Боже мой, как стучит в висках... С трудом отрываюсь от её губ и поднимаюсь, чтобы не видеть откровенных глаз Елены.

– Потанцуем, Лена... Давай потанцуем...

4

Утром Елена готовит для меня кофе.

– Спасибо за вчерашний вечер, – говорит она тихо.

Кусок бутерброда застревает в моём горле. Хорош вечер! При первой возможности, удрал, как мальчишка. А она ещё благодарит!

Лена словно подслушала мои мысли.

– Не переживай так, Демичевский. Я сама вела себя глупо... А пальцы свои мне всё-таки срисуй. Срисуй, Демичевский.

– Будет сделано, – шутливо обещаю я, лишь бы что-то ответить. – Потом можешь поместить рисунок в рамку, раз они так тебе понравились.

Пью кофе и никак не могу разобраться в себе: стыжусь, что не ответил на вчерашний порыв Лены, или сожалею об этом?

– Я провожу тебя, – говорит Лена. И я замечаю, что одета она по-дорожному.

– Куда-то собираешься ехать?

– Да... Ненадолго.

Мы выходим на улицу. Лена провожает меня до бульвара. Идём и молчим. Молча и расходимся, лишь смущённо улыбнувшись друг другу.

Честное слово, на работе легче! Там и самое запутанное дело не кажется таким уж неразрешимым. Даже «ЧП» с магазином.

Расстроенный, сворачиваю к райотделу. Не успеваю подняться в кабинет, как на пороге возникает возбуждённый Наумов.

– Лебедев звонил. Насчёт пропавшей машины. Нашлась, говорит!

Лебедев – наш лучший участковый. Его слову я верю, как своему.

– Где? Где эта машина?

– Дачная, 15.

– Начальству докладывал?

– А как же! Дана команда выезжать. Все уже в сборе.

В нашем «уазике» и впрямь не повернуться: оперативники, эксперт Губин, кинолог с собакой... «Уазик» срывается с места и мчится по улицам за город, в дачный посёлок.

– Как нашли? – спрашиваю Наумова.

– К Лебедеву мужичок с утра пришёл, местный плотник Егоров. – Так, мол, и так. Слышал, милиция машину ищет. Не она ли за его сараюшкой стоит? Лебедев сразу туда. Действительно, там за сараем – такси, жёлтого цвета, номерной

знак – «37-38». Он и позвонил нам... Интересно, почему преступник оставил машину именно там?

Шофёр, хорошо знающий дачный посёлок, без особого труда отыскивает нужную улицу. Вдоль обочин тянутся стройные тополя, и кажется, что сквозь их густую сочно-зелёную листву лучи солнца никак не могут прорваться к земле, яркими бликами застревают в пышной кроне.

Узкая дорога с кусками выбитого асфальта вьётся по посёлку и за одним из поворотов неожиданно обрывается у небольшого, в два окна по фасаду, кирпичного дома с палисадником и сараем, за которым стеной стоит густой и тёмный лес.

Из-за сарая показывается коренастая фигура Лебедева. Он одёргивает китель, поправляет сбившуюся набок фуражку, неторопливо подходит к нам и коротко докладывает обстановку. Теперь можно приступить к осмотру.

Жёлтая «Волга» сиротливо стоит в тени за сараем. С улицы её не увидишь. Наверное, поэтому и оставил её здесь преступник. И знакомый, очень знакомый рисунок на земле от протектора «Волги». С той же характерной щербинкой...

Я даю команду, и начинается привычная работа, без спешки и суеты. Каждый делает, что положено. Мы фотографируем, чертим план местности, в поисках следов изучаем почву, внимательно осматриваем салон такси. Позднее разберёмся во всём, что получим. Сейчас главное – не упустить малейшей мелочи, которая – как чаще всего и бывает, может оказаться самой существенной для дела. Решаю спросить Егорова: когда увидел здесь эту машину, не заметил ли, кто оставил её?

Мы сидим за грубо сколоченным столиком в цветущем палисаднике дома. Все товарищи по работе остались на улице и продолжают заниматься своими делами. Я слышу настойчивый голос кинолога: «След, Альма, след!». Вижу, как сосредоточенно ходит от дома к дому на противоположной стороне улицы Наумов...

Егорову за пятьдесят. Он несколько неуклюж и грузноват. Его чуть набрякшие веки и грушевидный нос с синими

прожилками наводят на мысль, что их хозяин частенько прикладывается к рюмке.

Егоров вздыхает, услышав мои вопросы, и низким хрипловатым голосом начинает рассказывать:

– У меня, понимаешь ли, доски в сарае оторвались. Ну, вот и пошёл я вечером-то. Часов около восьми. Дай, думаю, взгляну: подлатать стенку, или новые доски приспособить. Обошёл сарай-то, а там, понимаешь ли, – машина. И никого в ней нет. Ну, постоял, постоял... Подождал. Опять – никого. А к стенке-то из-за машины и не подойти. Плюнул и ушёл в дом.

– Это когда было – вчера?

– Нет. Как раз накануне. Вчера-то я снова за сарай глянул. Опять стоит! Весь день простояла. А тут слышу от соседей, что милиция какую-то машину ищет. «Не она ли? – подумал. – Чего ей здесь стоять-то. Непорядок это». Но решил подождать чуток – вдруг, понимаешь ли, хозяева объявятся. Ну, а сегодня – всё! Пошёл к участковому. Взгляни, мол, не ту ли машину ищете. Который день без дела стоит!... Вот так-то всё и вышло, мил человек.

В палисаднике цветут вишни, осыпают нас нежными лепестками. Земля от них – белым – бела!...

– А вы с соседями о машине разговаривали? Из них, случайно, никто не видел водителя?

– Да кому до неё дело-то было. И что в ней для нас такого, чтобы приглядываться? Никто ничего не видел.

Егоров встаёт и уходит в дом. Через минуту возвращается. В одной руке – высокий глиняный кувшин, в другой – широкая глиняная кружка.

– Может, выпьешь со мной, капитан? У меня такая медовуха осталась!

– Нет, Степан Кондратьевич. Спасибо. Да и вам не советую прикладываться. Хозяйка, наверное, не рада будет.

Лицо Егорова мрачнеет. Он глухо кашляет, ставит кувшин и кружку на стол, садится и стискивает лохматую голову руками.

– Нет у меня хозяйки... Бобыль я, понимаешь ли. И рад бы, чтоб поругал кто, да некому. Такая тоска... Умаялся один-то, спасу нет.

Он поднимает на меня потемневшие глаза.

– А ты – женат ли?

Отрицательно качаю головой.

Он умолкает, задумчиво почёсывая затылок, а через минуту опять спрашивает:

– Что так? Аль, разборчив очень?

Над моей головой гудят то ли шмели, то ли пчёлы. Весна в самом разгаре!

– Эх, капитан, – словно издалека, снова доносится хриплый голос Егорова. – Нельзя нам одним-то. Нельзя. Для чего тогда и жить-то, а? Ты, понимаешь ли, не мудри, если что. Я вот немало почудил, теперь – один мучаюсь. Неужто, у тебя так никого и нет на примете?

И мне сразу вспоминается Лена, наш вчерашний вечер. Как хорошо он начинался!...

Прощаюсь с Егоровым и иду к сараю. Там Губин продолжает колдовать над машиной. Обрабатывает химическим составом приборный щиток, рулевое колесо, дверные ручки... Никаких следов!

– Наверное, действовали в перчатках, – говорит он и устало опускается на траву. – Либо стёрли следы. Мастаки, видать!

Я невольно хмурюсь.

– Может, попросить в помощь экспертов УВД?

– Не надо. Сами управимся.

Губин вдруг резко поднимается.

– Все следы не уничтожишь!... Это они, «мастаки», думают иначе. А нас не проведёшь!... Что-нибудь, да осталось. Отгоним «Волгу» в отдел, и будем разбирать машину.

Так и решаем. К тому же, здесь нам больше делать нечего: собака след не взяла – слишком много времени прошло, а Наумов с Лебедевым тоже возвратились из домов ни с чем – никто из жителей не заметил пассажиров такси.

По дороге в отдел выхожу из машины у кафе, чтобы немного перекусить. Быстро разделяюсь с борщом и котлетой, запиваю освежающим березовым соком. Теперь опять можно и за работу.

– Передохнул маленько? – дружески обнимает меня за плечи Наумов, как только вновь появляюсь в отделе.

Я улыбаюсь.

– Что Губин? – спрашиваю.

– Разбирает с «гаишниками» машину. Уже демонтировали рулевое колесо, переключатель скоростей.

– Нашли что-нибудь?

– Пока не знаю.

– Пойду, посмотрю.

– Желаю удачи!

Я выхожу во двор и жду там результатов осмотра. Время тянется медленно, порой кажется, что оно остановилось. Наконец, слышу радостный возглас Губина:

– Есть пальчики!

– Где?-тороплюсь к нему.

– На обратной стороне руля. Да и на внутренних поверхностях рукояток ручного тормоза и рычага переключателей скоростей... Я говорил – найду!

Он снова ныряет в салон машины. Глубоко в складке сиденья находим шёлковую перчатку. Кто оставил её здесь? Преступник? Пассажир? Пока эти вопросы повисают в воздухе.

Зафиксированные отпечатки Губин уносит в лабораторию. Выясняется, что водителю Власову и его сменщику Водолазкину они не принадлежат. Но и установить по ним личность преступника пока не удаётся: в нашей картотеке идентичных отпечатков нет. А в небе уже зажглись первые звёзды... Усталые, мы расходимся по домам.

На улицах тишина, лишь редкие парочки беспечно прогуливаются по залитым неоновым светом тротуарам, да время от времени почти бесшумно проносятся полупустые троллейбусы. Мои шаги гулко звучат в застывшем тёплом воздухе... Как странно: те же дома, те же улицы, а вот утром такого резонанса нет. Вчера получил письмо от мамы. Пишет, что очень состарилась. А я понимаю: тоскует она. Давно похоронили отца, и с единственным сыном рассталась... Мама, мама!... Я тоже скучаю по твоей ласке. И так тоже надоедает одиночество, в котором даже сон не приносит успокоения. А сны

мне теперь всё чаще снятся беспокойные, не то, что, скажем, десять или даже пятнадцать лет назад, когда я, словно наяву, то восторженно парил над землёй, раскинув руки, то лихо отплясывал на вечеринках... Так что скорей бы утро!

5

Утром присоединяюсь к Наумову, занятому изучением дел, выделенных в отдельное производство в связи с розыском преступников. В горле першит от пыльных страниц многотомных дел. Яркий свет лампочки вызывает резь в глазах. Мы кашляем, чихаем, протираем воспалившиеся веки, но всё листаем и листаем страницы.

И вот, кажется, удача. Моё внимание привлекает дело о разбойном нападении в лесопарке, где на месте происшествия были изъяты гильзы, очень похожие на ту, что мы обнаружили в «Бирюзе».

– Ну-ка, ну-ка... Дай посмотреть, – просит Наумов и забирает у меня дело.

– Так ведь это Соловьёв, твой предшественник, по нему тогда работал! – восклицает он через минуту. – Преступников-то было двое, – какой-то «Эдик» и Пикулин. А взяли лишь Пикулина. Его одного и судили: не знает, мол, второго, и всё!

– Оружие изъяли?

– Нет, в том-то и дело. Якобы у второго осталось. Да и потерпевшие, супруги Ладыгины, говорили, что пистолет был у второго преступника.

Ещё раз листаю дело. С фотографии в профиль и анфас на меня смотрит молодой парень, никак не похожий на того, кто учинил налёт на «Бирюзу»: курносый, белобрысый... Записываю данные о его личности.

– Сколько ему дали?

– Семь лет.

– Проверь – не сбежал, не освободился ли досрочно.

Наумов кивает.

Читаю показания потерпевших: как выглядел второй

преступник? И замирает сердце: темные волосы, смуглое лицо... Хорошо разглядеть не успели, но полагают, что при встрече узнали бы. Глаза запомнились: чёрные, с густыми длинными ресницами. Показание дополняет композиционный портрет преступника. Похож! Очень похож на того, кто стрелял в «Бирюзе».

Наумов тоже разглядывает портрет.

– Слушай, а ведь это он – кого мы ищем. Помнишь, вспоминал, где я его видел? И вот, гляди-ка, снова этот мерзавец выплыл. Да по какому делу!

Выписываю домашний адрес потерпевших. Попробую поговорить с ними, показать портрет, что принес Бубнов.

А время уже за полдень. Дела все изучены, можно и перекусить.

Мы выходим на улицу и вскоре уже орудуем ложками, усевшись друг перед другом в небольшом светлом кафе, что неподалёку от райотдела.

К вечеру нам становится известно, что гильза, изъятая в «Бирюзе», и гильзы, проходившие по уголовному делу Пикулина, идентичны, и что преступник пользовался оружием калибра «7,65». Возможно, в лесопарке и в магазине действовало одно и то же лицо. Кто этот человек? Все первоначальные следственные действия мною проведены, вещественные доказательства собраны, свидетели по делу опрошены... Но пока мы никак не можем выйти на него. Короче, по горячим следам преступление нам уже не раскрыть.

В дверь моего кабинета стучат. Это Ладыгины. Я просил их зайти ко мне, по возможности, – сегодня же. И они с пониманием отнеслись к просьбе.

Супругам лет под сорок. Выглядят довольно интеллигентно, оба высокие стройные. Несколько взволнованны вызовом... Коротко объясняю им, в чём дело, и, пригласив понятых, предъявляю Ладыгиным дюжину портретных рисунков. В их числе и работу Бубнова.

Даже не разглядывая, сразу указывают на портрет брюнета:

– Он!

– А не ошибаетесь? Внешность его, конечно, примечательна, но всё же?

Первой отвечает жена Ладыгина. Волнуясь, объясняет:

– Понимаете, очень дерзко вёл себя. Другой-то, белобрысый, помалкивал, лишь сумочку у меня принял. А этот... Одну серёжку из ушей я быстро сняла, а с другой промешкала. Так он чуть не вырвал её из мочки.

– Я бросился к Людочке на помощь, – добавляет Ладыгин. – А этот бандит выстрелил в меня. Забудешь ли такое?

– А что делал в это время второй преступник?

– По-моему, он не ожидал такого поворота. Закричал: «Эдик. Эдик! Да ты что!...». Думается, он об оружии не знал.

Оформляю протокол и поднимаюсь из-за стола.

– Ну что же... Спасибо, что пришли к нам.

– А этого «Эдика», видимо, так и не задержали? – сокрушается Ладыгина.

– Задержим. Обязательно задержим, – заверяю супругов. – Можете мне поверить.

Говорю так не потому, что хочется успокоить и подбодрить их. Сегодня у нас действительно больше возможностей для его поимки и разоблачения.

Я прощаюсь с Ладыгиными. И как только они уходят, достаю из папки составленную мной справку о личности Пикулина.

«Пикулин Игорь Константинович, 1964 года рождения, русский. Образование – восемь классов. Холост. Родственников не имеет. Ранее не судим. До ареста работал на заводе «Метиз» слесарем. Занимался в секции бокса спортивного общества «Труд». Имеет первый спортивный разряд...»

Значит, не совсем потерянный человек. Почему же скрывает напарника?

Берусь за телефон, набираю номер Наумова. В трубке долгие гудки. Наконец, слышится щелчок и приглушённый от одышки голос Сергея.

– Здесь Наумов. Слушаю вас...

– Привет, Сережа! Что так загнанно?

– А-а, это ты, Владик... Дай дух перевести... Задержанного доставляли. Так вырывался – насилу с Громовым управлялись. Иду по коридору – слышу звонок в кабинете. Пока открывал дверь, пока к столу бежал...

– Запрос о Пикулине сделал?

– Да. По телетайпу.

– Ну и как? Что ответила колония?

– Жив – здоров. На месте.

– Это далеко?

– Да километров сорок. В Прибрежном... Уж не хочешь ли скатать к нему?

– Угадал. Хочу. Очень личность для меня интересная. Поговорить надо.

– Есть что-нибудь новенькое по делу?

– Да. Ладыгиных повидал. Убеждён теперь: в лесопарке и в «Бирюзе» стрелял один и тот же человек – Эдик.

– Что же Пикулин молчал о нём, как рыба?

– Вот и надо выяснить.

– Когда думаешь ехать?

– При первой возможности.

– Ну-ну... Желаю успеха.

– Салют!

Кладу трубку, задумываюсь. Почему смолчал Пикулин? Из чувства товарищества? Из страха перед Эдиком? Так ведь Пикулин – спортсмен. Боксёр!...

Да, да... Боксёр... А как личность? Что он за человек, кто скажет? Кто знает его лучше – мастер? Тренер? Надо бы встретиться с ними. В деле-то Пикулина о них – ни строчки. Эх, Соловьёв, Соловьёв! Как же ты мог обойти их вниманием?

Гляжу на часы. Время уже позднее. Пора двигаться к дому. А дома, после ужина, Лена стучит в мою дверь:

– Можно?

– Конечно, заходи!

Лена проскальзывает в комнату, и я с удивлением замечаю в её руках гитару.

– Вот, играй на здоровье.

Гитара на вид совсем новая. Даже струны не натянуты.

– Где ты взяла?

Лена отводит глаза и как-то чересчур беспечно отвечает:

– У подружки выпросила. Всё равно валялась без дела. Так что владей и отводи душу.

Лена, Лена!... Вчера она неожиданно умчалась в Москву. Это же она за гитарой ездила! Сердце моё переполняется нежностью.

– Спасибо, – говорю. – Спасибо за царский подарок. И как хорошо, что у тебя такая отзывчивая подружка. Передай ей, пожалуйста, что отныне и я буду её самым верным и преданным другом.

Лена вскидывает брови, долго смотрит на меня, стараюсь понять, шучу я или говорю серьёзно. По-видимому, истинный смысл моих слов доходит до неё, потому что лицо её вспыхивает от смущения, и она торопливо отвечает:

– Хорошо, хорошо, передам... А ты сыграй мне что-нибудь.

– Прямо сейчас?

– Если не занят, конечно.

Я настраиваю гитару, тихонько трогаю струны. Начинаю с простенькой мелодии и негромко напеваю:

Живёт моя отрада
В высоком терему.
А в терем тот высокий
Нет хода никому...

Гитара в руках подрагивает. Дрожит и мой голос, пощипывают подушечки пальцев... Как давно я не играл!

Подперев ладонью голову, Лена, кажется, не столько слушает, сколько внимательно разглядывает меня, будто нашла во мне нечто такое, что ей доселе не было ведомо.

Беру новые аккорды и, стараясь развеселить, шутливо напеваю новую песенку:

А мне мама говорила,
Говорила, говорила!
Целоваться запретила,
Запретила, да!...

Чёрт ли с этим согласится,
Согласится, согласится?
Для меня же не годится,
Не годится, да!...

И Лена улыбается.

– А ты, оказывается, ещё и артист. Вот не знала!

Я откладываю гитару и, подражая Карлсону, продолжаю дурачиться:

– О! Я самый лучший в мире артист! Самый талантливый!

Лена смеётся, но в этот момент в прихожей раздаётся звонок. Она срывается со стула и выбегает из комнаты. В открытую дверь хорошо видно, как высокий молодой блондин с церемонной вежливостью протягивает Елене огромный букет цветов, а Лена, улыбаясь, проводит гостя в свою комнату. Через минуту она возвращается и говорит мне:

– Это Румянцев Славик. Поиграй без меня. Ладно?

Я пожимаю плечами: Славик, так Славик. Знаю, что в одной школе с ней работает... Лена снова улыбается и тут же исчезает. Мне почему-то неприятно слышать их весёлые голоса за стеной. А ведь опять как хорошо начинался вечер!...

6

...Вот и пятница. Думал, она что-нибудь прояснит в отношении «Бирюзы», но... И мне ничего не остаётся делать, как выправить командировочное удостоверение и ехать в исправительно-трудовую колонию к Пикулину. Решаю предварительно встретиться с его бывшим тренером Склярком и мастером слесарного участка завода «Метиз» Хлебниковым.

Созваниваюсь сначала с тренером. Отвечает неохотно, с тревогой. Почему? Ладно, выясним.

В большом просторном зале спортбщества «Труд» десяток здоровых, мускулистых парней с массивными боксёрскими перчатками на руках пружинисто кружат по полу и неистово лупцуют друг друга. Скляр поворачивается ко мне, отрывисто и нервно произносит, показывая золотые зубы:

– У меня, как видите, не детский сад... Я готовлю боксёров, вмешиваться в их личную жизнь мне, знаете ли, недосуг...

– И всё же, – говорю терпеливо. – Что можете сказать о Пикулине?

– Ничего, – резко отвечает он, видимо, стремясь поскорее закончить разговор. – Я прочил его в чемпионы республики. Ко мне-то какие могут быть претензии? Я в этом деле чист, как стёклышко. И в спорткомитете отчитался за него. Зачем снова воду мутить?

Мы сидим за столиком в углу зала, смотрим на «будущих чемпионов» и говорим как будто на разных языках. Этот коренастый, жилистый мужик с редкими волосами на голове, водянистыми глазами и с перебитым носом никак не может или не хочет понять меня.

Делаю последнюю попытку.

– Вам-то сейчас ничего и не грозит. Речь о Пикулине, вашем воспитаннике. Как всё-таки случилось, что он так сорвался?

Глаза Скляра становятся ледышками.

– Я ему не нянька, – говорит он тоном, не допускающим возражений. – Своих забот хватает. Скоро снова республиканские... Мне могут «заслуженного» присвоить. И я знать ничего не хочу об этом бандите.

Нет, не присвоят ему звание! Быть такого не может. Кто-нибудь да увидит, что он за человек. Вряд ли его подопечные добьются на республиканских соревнованиях каких-либо успехов: школа не та! Не та школа!...

Мы сухо прощаемся, и я ухожу, провожаемый гулким хлопаньем перчаток.

На улице ещё светло, хотя солнце почти скрылось за домами. Эх, была не была! Махну сразу и к мастеру. Без предупреждения. Чего тянуть? Пусть уж и с ним прояснится сегодня.

На остановке прыгаю в раскрытую дверь троллейбуса и через десять минут оказываюсь в уютной двухкомнатной квартире Хлебниковых. Хозяин – подвижный, хотя и немолодой, встречает без какой-либо тревоги и смущения. Радужно проводит в большую комнату и наказывает жене – симпатичной, улыбочивой блондинке – «быстренько сообразить что-нибудь на стол». Вскоре перед нами вьётся из красивых чашек душистый парок крепко заваренного чая, и беседа сама собой становится всё более непринуждённой и доверительной.

– Да, золотые у Игоря руки. Цены им нет! – восклицает Хлебников. – Он отодвигает недопитую чашку. – Бывало, что ни поручишь: штамп какой сделать или приспособление... ещё и чертежей нет порой, одна задумка – в момент справится. Посидит, покумекает, что-то прикинет, что-то примерит... Глядишь – готово уже!

– Значит, неплохой был парень. Как же тогда всё так с ним получилось?

Хлебников вздыхает, расстёгивает на волосатой груди рубашку, откидывается на спинку стула.

– Что скрывать – упустили мы его. Парень работал, что надо. А коль с заданием справлялся, не подводил, а порой и выручал коллектив, то особой тревоги за него не испытывали.

Хлебников наливает нам ещё по чашке чая и продолжает вспоминать.

– Как-то раз, правда, пришёл он на смену, словно после крепкого подпития. Глаза красные, веки опухли, голос сильный.

«Что это ты себе позволяешь!» – сказал ему. А он в ответ: «Извини, Пал Палыч. Так уж случилось». Ну, я и отстал. А зря. Надо было попытаться, что да к чему. Глядишь, и уберёт бы парня.

– Только раз так было?

Хлебников неторопливо прихлёбывает из чашки.

– Так-только раз. Хотя, ребята сказывали, – по ресторанам он хаживал

– Говорят, был чемпионом города по боксу?

– Да, славу имел. Но она ведь не только радость. Иных и отравить может. Не каждый перед ней устоит, особенно, когда ему ещё восемнадцать... Я потом с тренером его схватился. Как же, мол, ты допустил, чтобы споткнулся парень. Так ведь Скляр меня и слушать не стал. Мол, авторитет его подрываю. По-моему, дрянной он человек. Дрянной!...

Я помалкиваю, хотя полностью согласен с этой аттестацией.

– А вы, собственно, почему интересуетесь Игорем? Он что-нибудь опять выкинул?

– Нет-нет, – спешу успокоить Хлебникова. – Просто кое-что осталось невыясненным в его деле. Вот и хотелось бы поговорить об этом. Он ведь не один был в тот злополучный вечер. А вот назвать соучастника – не захотел. Как считаете – почему?

Хлебников отставляет в сторону чашку.

– Всяко, может быть... – говорит задумчиво – Парень-то он душевный, даром, что сиротой рос. Может, пожалел кого, вот и умолчал о нём. Я Игорька знаю: горе у кого, или забота большая – всего себя этому человеку отдаст. Уж очень отзывчивый. И помяните моё слово – здесь тоже что-нибудь такое случилось... Вы с ним будете говорить?

– Буду.

– Имейте это в виду. И привет от меня передайте. Скажите, Пал Палыч на него хоть и в обиде за «ЧП», но в любое время готов принять на участок. Да и ребята по-хорошему о нём вспоминают. Я, правда, писал ему об этом, да он на письма не отвечает. Верно, стыдится за себя. Только зря замыкается. Вы и это передайте. Мол, верим в него, в его рабочую струнку верим. Так и передайте, ладно?

– Так и передам, – улыбаюсь. – Спасибо вам, Пал Палыч.

– За что же спасибо?

– И за прямоту вашу, и за радушный приём... За всё!

Я допиваю чай, поднимаюсь из-за стола.

– Ну... Мне надо идти.

Он несколько растерянно протягивает руку. Крупную, жилистую... Я с чувством пожимаю её:

– До свидания!

– А, может, посидим?

Качаю головой и вдруг ловлю себя на мысли, что не выяснил ещё один вопрос.

– А с кем дружил Игорь?

Хлебников задумывается.

– Да вся бригада уважала его, – говорит он через минуту.

– А Эдик у вас на участке есть?

– Нет такого. Ни на участке, ни в цехе.

Ещё раз прощаюсь с ним и гостеприимной хозяйкой и покидаю квартиру.

На улице уже стемнело, стало прохладнее. Неторопливо иду к своему дому, медленно проигрываю в памяти сегодняшние встречи... Как хорошо, что на свете есть Хлебниковы! Обязательно скажу Пикулину, чтобы держался своего Пал Палыча.

Я иду и с каждой минутой всё во мне, прежде скованное заботами и тревогами напряжённого трудового дня, словно оттаивает.

На углу улицы, под ярким фонарём какая-то дородная тётя всё ещё торгует фиалками. Правда, в корзине осталось лишь несколько букетиков. Покупаю все. Для Лены. И делаю это с превеликим удовольствием. Давно хотелось осыпать её цветами. А тут – вот они!...

И снова в полнейшем радужном настроении шествую к дому. Несу фиалки, а вижу изумрудные глаза Елены, её нежные белые руки, милую улыбку... И вдруг замечаю у подъезда дома знакомую долговязую фигуру Славика Румянцева. Слоняется туда-сюда... Прячу фиалки за спину: только бы он не увидел их.

Румянцев тоже узнаёт меня, останавливается.

– Здравствуйте, – говорит он и почему-то счастливо улыбается.

– Привет, – нехотя отвечаю. – А где же опять ваши цветы?

– Цветы? Ах, цветы!... Они у Лены. Она всегда так радуется им.

– Значит, вы уже от неё? – Злость буквально распирает меня. – Тогда что же всё у подъезда топчетесь?

– Румянцев вспыхивает и, запинаясь, отвечает:

– Вот... Не хочется... Уходить не хочется...

– Ну-ну. Побродите под окнами, спойте серенаду...

В глазах Румянцева растерянность. Он озадаченно спрашивает:

– Зачем вы так?

А мне и самому неудобно за издѣвку. Парень он, как парень... Чего на него взелся? И какое мне дело, кто кому дарит цветы и почему их принимают.

– Простите, Славик... Всего вам хорошего.

Боком проскальзываю в подъезд и на своём этаже выбрасываю фиалки в мусоросборник. На душе делается так тяжело, будто вместе с цветами выбросил ещё что-то, дорогое-дорогое, без чего и жить нельзя, наверное. Осторожно, стараясь не греметь, вставляю ключ в замок, открываю дверь и почти на цыпочках крадусь в свою комнату.

Но не тут-то было. Стремительно распаивается дверь кухни, и в проёме возникает Елена.

– Добрый вечер!... Что такой пасмурный?

– Разве? Зато второй, у подъезда, млеет от счастья.

Весёлые искорки в глазах Елены гаснут. Она смотрит на меня непонимающим взглядом.

– О ком ты говоришь?

Кажется, она действительно не понимает, в чём дело. Но мне не хочется вдаваться в объяснения, и я молчу.

Лицо Елены становится задумчивым.

– Слушай, Владик, – тянет она слова, впервые называя меня по имени. – Уж, не ревнуешь ли ты? Вот не ожидала!

А ведь в точку попала. И для меня это ужасное чувство – полнейшая неожиданность. Ишь, какой Отелло выискался!

Порываюсь скорее ретироваться, но Елена сердито останавливает:

– Нет, Демичевский. Давай договоримся: мои друзья – это мои друзья...

Скрип двери заставляет её умолкнуть. В коридоре появляется встревоженная Екатерина Ивановна.

– Леночка, милая... Что тут у вас?

Лена бросает на меня обиженный взгляд и, не ответив, уходит. Смущённо смотрю на Екатерину Ивановну, она – на меня.

– Владислав Викторович, что случилось?

– Ничего. Так, поговорили... Вы не беспокойтесь.

Она недоверчиво качает головой и торопливо возвращается в комнату.

Мне делается совсем нехорошо. Ну что я за остопоп такой! Сам себе всё испортил.

Так и засыпаю с гнетущим чувством чего-то тяжёлого, почти непоправимого. С тем и просыпаюсь, весь в холодном поту от мучивших во сне кошмаров. В мыслях только Елена, её глаза, полные обиды... Что же это со мной? Неужели всё-таки опять втрескался? Всерьёз, по-настоящему. Разве такое бывает?..

Прохожу в ванную комнату, прислушиваюсь – кто на кухне? Если там Елена, лучше уйти из дому без чая. Ведь мне сейчас и не взглянуть на неё. Но на кухне тихо. А время – уже восемь... Быстро умываюсь, одеваюсь... На кухне по-прежнему ни шороха. А меня уже томит эта тишина. Прохожу туда, наливаю чай и как можно медленнее прихлёбываю из чашки. Мне уже не хочется быть одному. Хочется хотя бы на миг, всего на мгновение, но увидеть Елену, её лицо, её глаза: что будет в них – все та же милая улыбка, или... Об «или» и думать страшно. От «или» – свет будет не мил.

Словно угадав моё желание, появляется Лена. Уже одетая.

– С добрым утром! – говорит она, лукаво поглядывая в мою сторону.

– Здравствуй! – счастливо откликаюсь я. От этих её слов и взглядов у меня будто гора сваливается с плеч. Лена!... Моя Прекрасная Елена! Снова идёшь мне навстречу. Такому упрямому и бестолковому. За что мне этакое счастье?

Через час уже еду в колонию. За окнами вагона электрички сначала медленно, а потом всё быстрее плывут пристанционные постройки, жилые дома и деревья, мелькают зелёные поля и перелески, ручейки и речушки... Вспоминаю улыбчивые взгляды Елены и невольно улыбаюсь: спасибо тебе, спасибо!

За спиной слышится звон гитары, приглушённый шумок молодых голосов. От скамейки к скамейке бегают двое малышей-близнецов, кудрявые и озорные, одинаково одетые в матросские костюмчики... Всё это автоматически фиксируется в моём сознании, не вызывая каких-то особых эмоций, лишь уводит мысли к предстоящей встрече с Пикулиным: вдруг разговора не получится? И вообще – как он там, чем занимается?

Признаться, у меня не очень чёткие представления об исправительно-трудовых колониях. Ну, отбывают там преступники наказание. Конечно, работают... А что ещё? Ведь, как известно, многие из них, порой даже и матёрые, выходят на свободу совсем другими людьми, как говорится, – исправившимися. В чём здесь «секрет»?

Когда мне случайно приходится встречаться с работниками колоний, всегда интересуюсь этим. Но, как правило, они отшучиваются, переводя разговор на другое... Скромничают, что называется. И всё же я испытываю к ним чувство глубокого уважения. В самом деле, вот мы – сотрудники милиции-тоже занимаемся правонарушителями. И столько сил, нервов, жизненной энергии нам это стоит! Допрашиваешь какого-нибудь уголовника, а он волком смотрит, зубами на тебя скрипит. Думается, дай волю такому... И вот, попробуй, выведи в люди!...

Электричка замедляет ход и скоро останавливается у небольшого вокзала. Близнецы бросаются к окнам: «Прибрежный!». В вагоне зашевелились. Я тоже поднимаюсь, двигаюсь к выходу. У привокзального скверика сажусь в автобус и еду до самой окраины посёлка. Там, как объяснили мне попут-

чики, нужно выйти на просёлочную дорогу, и уж она-то приведёт к колонии.

И в самом деле, минут через двадцать передо мной предстаёт бетонный забор с вышками на углах, массивными железными воротами и небольшим помещением КПП – контрольно-пропускного пункта. В узком шлюзовом пенале КПП передаю в окошко служебное удостоверение. Молодой прапорщик охраны сначала внимательно рассматривает удостоверение, потом меня, затем спрашивает, к кому из сотрудников хочу пройти.

А к кому же ещё, как не к начальнику? Накануне ему уже сообщили о необходимости нашей встречи. Прапорщик снимает телефонную трубку, с кем-то говорит, просит меня подождать немного. Вскоре появляется пожилой седоволосый капитан и предлагает мне пройти за ним в «зону», в штаб.

– Я провожу вас к начальнику, – поясняет он.

– Как мне его называть? – интересуюсь по дороге.

– Майор Васильев. Николай Алексеевич.

Я слушаю, а сам всё невольно верчу головой. Я не робкого десятка, и по работе – где только не приходилось бывать. Но здесь, в «зоне», мне почему-то делается не по себе. Перед нами здание за зданием, и кажется, что вот-вот из-за угла одного из них кто-то из уголовников выскочит и бросится на тебя. Смешно, конечно, так думать. Однако – думается, чёрт возьми, не в пионерский лагерь приехал! И прибавляю шаг. А ни у зданий, ни на дорожках между ними – ни души. Вот, правда, показывается один человек. В тёмной спецовке. Поравнявшись с нами, сдёргивает со стриженной головы такой же тёмный картуз, отступает в сторону и негромко произносит:

– Здравствуйте.

Отвечаем на приветствие и идём дальше. Я по-прежнему выкручиваю шею, но, кроме пышных цветников и газонов, больше ничто и никто не попадает в поле зрения.

Капитан улыбается мне:

– Я тоже здесь сначала чуть не галопом бегал... Всё нормально!... Не беспокойтесь.

– Я и не беспокоюсь, – отвечаю. – Чудно только: колония, и вдруг – цветы.

– Нравятся?

– Красивые.

– Вот... Затронуло вас. Глядишь, и у осужденных при виде их в душе потеплеет, – замечает мой провожатый.

– А где другие-то? Пока одного лишь и встретили.

– Что ж им без дела болтаться. День только начался. Каждый на своём месте.

Так – так, посмотрим, что будет дальше, каким окажется начальник.

...А Васильев ещё относительно молод, лет сорока. Круглолицый, широкоплечий, по-военному подтянутый. Встречает меня в своём кабинете приятной, располагающей улыбкой. Энергично пожимает руку.

Выясняется, что Пикулин сейчас в школе, где учится в девятом классе. Так что встретиться с ним можно будет не раньше чем через два часа.

– А разве он ещё и учится? – задаю я наивный, наверное, вопрос, потому что Васильев смотрит на меня с удивлением.

– А как же! И не он один. Закон о всеобщем действует и у нас. – не без удовлетворения отзывается он после небольшой паузы. – Без образования – что делать сегодня на свободе?

– Значит, школа хорошо вам помогает.

– И школа, и ПТУ, – снова с удовольствием подтверждает Васильев. – Мы ведь здесь и профессию даём, у кого её нет. Готовим токарей, слесарей, фрезеровщиков... А как же иначе?

– Резонно, – соглашаюсь я и прошу рассказать о Пикулине: что он за человек, как относится к работе и учёбе, к своему преступлению?

– Ну, сейчас-то он не на плохом счету, – быстро откликается Васильев. – В передовиках, правда, не ходит, но и замечаний особых не имеет. А вот два года назад – и слово из него не вытянуть было. Учиться отказывался, работать не хотел. Отрешённый был, нелюдимый... Срок-то ему большой дали, вот и считал, что ему теперь ни до чего нет дела, вся жизнь, мол, мимо проходит. Так что поработать с ним пришлось из-

рядно... Да вы посмотрите его личное дело, почитайте характеристики.

Васильев пододвигает мне толстый том Дела. Листаю характеристики.

«Вспыльчив и дерзок, в коллективе ведёт себя обособленно. Ни с кем не переписывается, работать и учиться не желает. На убеждение и примеры о возвращении к честной трудовой жизни других таких же осужденных не отзывается, к администрации и наставлениям относится с недоверием...»

«Согласился учиться в вечерней школе. Успевает по всем предметам. Впервые за два года выполнил на производстве месячное задание, представлен к поощрению правами начальника отряда...»

Да... Тут всё, как в зеркале. Интересно посмотреть теперь на самого Пикулина. Как-то у меня с ним сложится разговор?

С Пикулиным встречаемся в этом же кабинете. В час дня Васильев вызывает дневального и просит привести Пикулина. Спустя несколько минут раздаётся негромкий стук в дверь.

– Войдите, – откликается Васильев. В кабинете появляется невысокий парень в тёмной хлопчатобумажной куртке и таких же брюках. Снимает с головы фуражку, вытягивается у порога и чётко докладывает, обращаясь к Васильеву:

– Гражданин майор, осужденный Пикулин Игорь Константинович, статья 146, часть вторая, срок – семь лет, по вашему вызову прибыл.

– Проходите, садитесь, – приглашает его к маленькому столику Васильев.

Прежде чем сесть, Пикулин бросает на меня быстрый взгляд. Видимо, сообразил, что его вызов связан с моим присутствием здесь. Озабоченно присаживается напротив. Снова окидывает меня быстрым взглядом. Чувствуется, его тревожит мой штатский вид, и он никак не может догадаться, кто я, и что мне от него надо?

– Вы тут без меня побеседуйте, – говорит мне Васильев. – А я вас пока оставлю. Понадоблюсь, – нажмите кнопку на столе.

И выходит, подбадривающе кивнув Пикулину. На мгновение в кабинете воцаряется тишина.

– Следователь Ильменского райотдела милиции капитан Демичевский, – представляюсь я Пикулину. – Мне нужно о многом поговорить с вами.

Он с ещё большей настороженностью вскидывает на меня свои светло-серые глаза и тут же отводит их в сторону. Весь его скованный вид подсказывает, что говорить ему со мной не очень-то и хочется. Нужен какой-то подход, чтобы вызвать его на откровенность. Но какой?

– Курите? – спрашиваю и придвигаю к нему пачку «Беломора».

Он поворачивает голову, молча вытаскивает из пачки папиросу, прикуривает. Закуриваю и я.

Пикулин не смотрит на меня. Часто затягиваясь, косит глазами в угол. Папиросу держит не между пальцев, а укрывает в кулаке, словно курит тайком или на ветру, в дождь. Кисти рук у него широкие, пальцы загрубевшие, по-настоящему рабочие. И тут мне вспоминается разговор с его мастером. Как же я забыл об этом?

– Вам привет от Хлебникова.

Голова Пикулина произвольна дёргается. Он недоверчиво смотрит на меня.

– От кого, от кого?

– От Пал Палыча, мастера вашего.

– Не может быть...

– Почему?

– А когда вы с ним виделись?

– Вчера.

– И он ещё помнит меня?

– Не только помнит, но и всей душой переживает за вас. Готов в любое время принять на свой участок. Считает вас первоклассным слесарем. Или ошибается?

– А вы-то к нему с какой стороны?

– Да тут вот как всё получилось... В связи с одним происшествием пришлось нам поднять ваше дело. Так на Пал Палыча и вышли. И разговорились о вас.

– А что за происшествие? Почему понадобилось изучать моё дело?

– Что за происшествие? – медлю с ответом. – Мы ещё к нему вернемся. Вы лучше вот что скажите: кто всё-таки был с вами в тот злополучный вечер 30 сентября 1982 года, когда двумя выстрелами из пистолета ранили гражданина Ладыгина?

Пикулин морщится, гасит в пепельнице окурочек.

– Я уже говорил на суде – не знаю.

– Ну, Пикулин... А мне здесь рассказывали, что вы, вроде бы, за ум взялись. Если так, зачем крутить старую песню?.. Вот выйдете из колонии, начнёте новую жизнь. И вас не будет тяготить, что человек, втянувший вас когда-то в грязное дело, всё ещё на свободе и, быть может, совершает новые преступления?

– Значит, он всё-таки не пойман.

– Пока – да. Ведь вы упорно покрываете его.

Пикулин отводит глаза.

– И всё-таки... Что он ещё натворил? – глухо спрашивает через минуту.

– Совершил разбойное нападение на один из фирменных магазинов.

В глазах Пикулина недоверие.

– Почему вы думаете, что он?

– Его опознали. И потом... В этом магазине и в Ладыгина стреляли из одного и того же оружия. Что это за оружие, Пикулин?

Он опускает голову:

– Не знаю.

– Кто этот человек? Как вы с ним познакомились?

Парень молчит, упорно смотрит в сторону.

– Да поймите же вы!... – начинаю я заводиться и останавливаю себя. Заводиться-то мне и нельзя. Ну, никак нельзя. Ради моего дела. Ради всех тех, кто вскоре может вновь оказаться жертвой «Эдика».

– Поймите, – приглушаю я свой голос. – Быть может, сейчас, пока мы с вами разговариваем, этот человек снова в кого-нибудь стреляет. В того же Пал Палыча, не дай бог!

– Разрешите ещё папиросу, – просит Пикулин. – Раньше-то не курил, здесь вот пристрастился.

Пододвигаю к нему «Беломор». Пикулин закуривает, жадно затягивается.

– Так кто этот человек? Как зовут его?

– Эдик, – тяжело вздыхает Пикулин. – А вот фамилию, где живёт и работает, не знаю. Честное слово не знаю.

– Когда и как вы с ним познакомились?

Он опять делает несколько глубоких затяжек.

– Три года назад. В августе. В ресторане «Солнечный». Не подрассчитал я маленько, оказался перед официантом банкротом. Девочек своих выпроводил, чем расплачиваться – не знаю. Тут он и подсел ко мне. Расплатился за меня и ещё заказ сделал. Мол, рад познакомиться с чемпионом. Расстались друзьями. Вот так всё и началось.

– Что – всё?

– Ну... моё падение, что ли... Поверьте, это вышло случайно. Как раз в тот вечер, 30 сентября, денег не оказалось ни у меня, ни у Эдика.. Договорились с официантом, что подождёт с часок. А сами нырнули в парк, как раз рядом с рестораном... Если бы я не так пьян был, домой скатал бы или занял бы денег у знакомых. А тут он всё подзуживал: у первых попавшихся спросим, скажем – потом, мол, отдадим. Опомнился, когда он уже стрелять начал. Как и куда я потом бежал – не помню. Только кто-то догнал, скрутил меня в бараний рог и сунул в «канарейку»... в машину, значит, вашу.

– Почему на следствии и на суде промолчали?

Пикулин грустно усмехается.

– Эдик как-то сумел переслать мне записку. Мол, дьявол попутал. По гроб будет обязан, если умолчу о нём. Свадьба, мол, у него скоро, зачем и невесте жизнь портить... Неужели всё заливал?

– А кто невеста? Видели её?

– Девчонок-то у него много было. Может, Светка? В сентябре он всё ней крутился. Фамилию, правда, не знаю... Маленькая такая. Где-то парикмахершей работает.

Вот так, слово за слово, и проясняется картина. Остаёт-

ся предъявить Пикулину рисованный портрет «Эдика». Нажимаю кнопку звонка и прошу появившегося Васильева вызвать понятых. В их присутствии кладу на стол рисунки.

– Может, узнаете кого... – говорю Пикулину.

– Вот. – Он указывает на портрет Эдика. – Если бы знал, что снова может на подлость пойти – давно бы показания дал.

Он опускает голову. И, пока разглядываю его, думает о своём. Я понимаю, что происходит в его душе.

– Что передать Пал Пальчу?

Пикулин поднимает голову, глаза оживают:

– Скажите... Пусть ждёт. Скажите, отхожу понемногу от нокаута. На другой такой не попадусь... Да я сам напишу ему.

– Вот это верно, – одобряю. – Таиться от него не надо. Золотой он человек!

– Это точно! – отзывается Пикулин. И смотрит уже заметно веселее.

8

И снова – электричка. Возвращаюсь домой. Опять стучат на стыках рельсов колеса поезда, за окнами вагона – уже знакомый мне пейзаж. В голове мысли о Громе, о Наумове: у них что нового?

И, конечно, думаю о Лене. Всего-то несколько часов не виделся с ней, а уже с нетерпением жду новой встречи. Но неприятно мелькает в голове одна и та же навязчивая мысль: почему Лена принимает ухаживания Славика?

А колёса всё стучат и стучат... И думы, думы, думы...

Сегодня уже суббота. Как быстро летит время!

Первый, кто попадается мне в отделе – это Наумов. Чуть не сталкиваюсь с ним на лестнице. Лицо у него усталое, напряжённое. Но, увидев меня, приветливо улыбается.

– Салют! Уже вернулся!

Мы обмениваемся крепким рукопожатием.

– Как съездил – с результатом или вхолостую?

– Нормально, – говорю. – Пикулин, в сущности, неплохой парень. Рассказал всё, что нужно... А ты куда торопишься?

Наумов хмурится.

– Да в больницу надо скатать. Тут, понимаешь, без тебя такое приключилось... Утром звонок по «02». И кричат в трубку: «Приезжайте скорее! Сосед разбушевался, по квартире с топором бегает, всё крушит, всё рубит...». Ну, мы с Кандауровым и выскочили по адресу. Короче, сержант удар на себя принял, тем и спас хозяйку.

Кандауров! Помощник дежурного!

– Сам-то он хоть жив? – спрашиваю, а горло словно сдавило стальными тисками.

– Второй удар я успел перехватить. А вот от первого ему досталось, – удручённо отвечает Наумов. – Всё плечо разворотило. Хирург говорит: если и будет жить, то служить – вряд ли... Вот, спешу узнать – очнулся ли?

– У него кто-то есть из близких? Мать? Жена? Невеста?..

– Одна мать. Жениться только ещё собирался. Девушка у него славная. Знаю её. Мы ведь с ним в один день в загс заявления подавали.

– Хорошо бы всё обошлось! Порадовал, что называется.

– А ты к Громову зайди. Может, утетишься. Он тебе ещё одного свидетеля откопал. А я побегу. Ладно?

– Давай, давай... Беги!

И Наумов исчезает. Настроение у меня – хуже не надо. Иду к Громову: что ещё за свидетель? И застаю щуплого рыжеволосого парня.

Увидев меня, Громов хмуро спрашивает:

– О Кандаурове слышал?

– В курсе, – отвечаю. – Наумов сейчас поехал к нему... А у тебя что нового?

Лицо Громова светлеет.

– Вот, знакомьтесь, – кивает он на паренька. – И с довольным видом продолжает:

– Бывший мой подшефный, а нынче – лучший таксист города Владимир Владимирович Бучкин.

Парень смущённо опускает глаза.

– Скажете тоже... Шофёр как шофёр.

Громов улыбается.

– А чья фотография в городском парке? Не твоя разве? Нет, Володя. Ты доброй славы не стесняйся. Её ещё не каждый заслужил. А твой портрет уже в галерее передовиков. – Он поднимается из-за стола, освобождая мне место, пересаживается в угол. – Лучше расскажи нашему следователю, товарищу Демичевскому, о Камилове, – где, когда и при каких обстоятельствах с ним встречался. Так же подробно, как мне сейчас рассказывал.

Бучкин с минуту молчит, собираясь с мыслями, потом спокойно и подробно начинает объяснить:

– Эдиком его зовут. Камилов Эдик. Я с ним года три назад познакомился. Я тогда шабутной был. Вот вместе пятнадцать суток и отбывали. Он мне всё анекдоты травил да разные байки о Чёрном море рассказывал, как там летом с девчонками развлекался. В общем-то, весёлый парень... И тут вдруг, дней десять назад, встречаю его вечером, часов около семи, у «Бирюзы». Прохаживается у дворика, покуривает, будто ожидает кого из магазина. Я к нему: «Здорово, Эдик!». Повернулся он и поначалу вроде как испугался чего-то. А когда узнал – заулыбался, подхватил под руку и давай выпытывать, как живу, да чем живу, вожу ли ещё машину... Настоящего-то разговора у нас с ним не вышло. Как сказал ему о моем анфасе в парке, он сразу поскучнел, заторопился прощаться. И больше уже я не встречал его. Так бы и не вспомнил о нём, если бы не вчерашний разговор с товарищем Громовым... Ушёл он от меня, а я и уснуть не могу, всё его вопросы и рассуждения о «ЧП» в «Бирюзе» из головы не выходят. И вдруг – как огнём меня ожгло: а чего это Эдик крутился у магазина, не он ли там нашкодил? От дружков своих прежних слышал, что на любое подлое дело пойти может, такой уж он парень заводной.

Портрет показывал? – спрашиваю Громова.

– А как же. Опознал его Бучкин. Камилов был в «Бирюзе».

Оформляем показания Бучкина и прощаемся с ним.

– Золото, а не свидетель! – восхищается Громов.

– Как ты вышел на него?

– Мы же договорились у Белова – ещё раз пройтись по квартирам в районе «Бирюзы». Бучкин как раз на той же ули-

це живёт. Дай, думаю, к «крестнику» своему загляну. Отец у него, к сожалению, пьяница. Дома никому житья не давал. Вот парень и закуролесил. Много мне с ним повозиться пришлось, пока на путь истинный поставил. А вчера захожу к нему и откровенно так спрашиваю: «Слышал, что в «Бирюзе» случилось?» – Слышал», – отвечает. «Ну и что ты обо всём этом думаешь? Кто мог там отличиться?» – Не знаю, – говорит. – Уж, очень дерзко действовали. У нас, вроде, таких громил и не водилось. «Но и чужой, – говорю, – не смог бы так подготовиться, время на это нужно – и магазин изучить, и подходы к нему...» Пожал он плечами, а сегодня утром и звонит мне: мол, вспомнил, что видел на днях у «Бирюзы» одного давнего знакомого.

Да, молодец Громов. Ну, теперь нам нельзя терять ни минуты.

– Где живёт Камилов, выяснил?

– Нет ещё.

– Как думаешь, сколько ему лет?

– Двадцать пять, не меньше.

Снять телефонную трубку и позвонить в адресное бюро – дело нескольких секунд, и вскоре в моём блокноте появляются два адреса: Камилова Эдуарда Каюмовича, 1969 года рождения, и Камилова Эдуарда Георгиевича – 1957-го. Первый проживает по улице Большая Садовая, 17, квартира восемь, второй – Заводская, 10, квартира двадцать восемь. Другие однофамильцы Камилова в адресном бюро не значатся. Кто из этих двух побывал в «Бирюзе»?

– Придётся проверять обоих, – озабоченно говорит Громов.

– Зачем обоих, – успокаиваю. – Интересующий нас Камилов, как ты слышал, отбывал пятнадцать суток. Надо поднять материалы, там его адрес тоже указан.

– Точно! – оживляется Громов. – И как это я не сообразил. Бывают заскоки – что ближе лежит, то и далёко!

– Ничего, ничего... Действуй! Доводи дело до конца? Лады?

– Лады!

– Белов здесь?

– Здесь. Тебя ждёт. Тут ему звонок за звонком из УВД. И всё по «Бирюзе». Мол, не требуется ли нам помощь? Белов, конечно, тактично заверил, что и мы тут не лыком шиты. Но, видно, там хотят подстраховать нас.

– Ничего, теперь и сами справимся.

Мы расходимся, и я отправляюсь к Белову.

– Прибыл? – приподнимается он из-за стола, отвечая на приветствие. – В 17 часов оперативка по «Бирюзе». Нужно рассмотреть всё, чем мы объективно на сегодня располагаем... С Громовым виделся?

Я улыбаюсь.

– И с ним, и с его «крестником», Александр Петрович. По-моему, мы уже выходим к финишу.

– Ишь, какой шустрый, – усмехается Белов. – А вообще-то, давно пора. Задержались мы на старте.

– Зато сейчас набираем темп.

– Ой, Демичевский, – качает головой Белов. Что-то мы с тобой на спортивный лексикон перешли. Скажи проще: выяснил – кто?.. Камилов?

– Он, Александр Петрович. Он! Остаётся продумать: когда, где и как брать его... если, конечно, он ещё в городе.

Глаза Белова заметно веселеют. Он хлопает меня по плечу.

– Продумаем! Это мы, Демичевский, продумаем. Теперь мы его и на краю света найдем.

К пяти часам все приглашённые на совещание один за другим собираются в его кабинете. Присоединяюсь к ним и я. «Наш» Камилов, проживает, как выяснилось, по Большой Садовой, 17.

Опять присаживаюсь у окна, оглядываю присутствующих: за столом – Белов, сосредоточенно перебирает лежащие перед ним бумаги, на диване в напряжённых позах ожидания застыли Громов и вернувшийся из больницы Наумов, на стульях, расставленных у стен, разместились другие члены следственно-оперативной группы.

Белов, наконец, поднимается, обводит всех долгим взглядом:

– Значит, предлагаете сегодня же брать Камилова? – Не торопитесь ли?

– Нет. Откладывать с этим не следует, – твёрдо отвечаю я.

– Однако нам неизвестна его сообщница. Задерживать, так одновременно обоих, – возражает Наумов.

Белов долго смотрит на меня, что-то соображает.

Поворачиваюсь к Наумову.

– Нам нельзя и часа тянуть с Камиловым. Пока будем искать его сообщницу, не преподнесёт ли он новое «ЧП»? Как тогда людям в глаза будем смотреть?

– Пожалуй, вы правы, Демичевский, – говорит Белов. – Где полагаете брать Камилова?

– Дома. Только дома. На улице опасно – кругом люди, вдруг заминка какая, и он за пистолет... Теперь-то ясно, что он на всё способен.

– За пистолет он и дома может схватиться, – замечает Наумов. – Переполошим людей, если хуже чего не выйдет... Что у него за квартира? С кем он живёт? Где работает или учится?

– У него только мать-портниха, – вступает в разговор Громов. – Я тут перед совещанием участкового опросил... Камилов уже давно – лишь на её хлебах. После десятилетки учился пару лет в инженерно-строительном институте – бросил, устроился барменом в ресторан и тоже не удержался там. А живут Камиловы в двухкомнатной квартире, на втором этаже.

– Значит, запросто в окно может сигануть, – вслух размышляет Наумов. Он морщит лоб и добавляет. – В коридор бы выманить его. Есть у них там коридор? Что собой представляет? – обращается он к Громову.

– Есть, – быстро отвечает тот и передаёт Белову лист бумаги. – Взгляните, это план дома и квартиры, участковый по памяти нарисовал. Может, и пригодится.

Мы поочерёдно изучаем план.

Да, коридор есть. А в нём щиток с автоматическими пробками. Можно отключить освещение квартиры. Кто тогда

выйдет посмотреть, в чём дело? Конечно, мужчина. А в данном случае – Камилов!

Я высказываю свои соображения на этот счёт.

– Дельно! – Загорается Наумов. – Вряд ли он в этом случае сунется в коридор с оружием.

– Значит, так... – говорит Белов. – Уточняем детали операции. В первую очередь устанавливаем за домом наблюдение, блокируем подъезд... На лестничной площадке и во дворе в главный момент не должно быть никого из детворы и жильцов! С ними надо сработать особенно аккуратно! Кому это поручим?

Наумов с Громовым с нарочитым вниманием опять принимаются разглядывать план дома, будто и не слышали последней фразы Белова. Он с пониманием усмехается:

– Что ж, возложим это на участкового. Как считаете, товарищи, справится?

– Да детвора в нём души не чаёт! – живо отзывается Громов.

– И весь народ к нему с почтением! – добавляет Наумов. – Справится, товарищ майор!

– Вот и отлично, – заключает Белов. – Значит, капитан, вам с Громовым быть у щитка.

Они как по команде поднимаются, в один голос громко отвечают:

– Есть, быть у щитка!

И я чётко понимаю, что Камилову уже не уйти от них, даже если он выйдет к ним с оружием.

9

Наше совещание затягивается. Вновь и вновь уточняются детали предстоящей операции, намечаются её участники, время проведения операции... Одни сотрудники войдут в группу захвата преступника, другие будут перекрывать пути его вероятного отхода, блокировать двор дома... Ну, а мне предстоит провести у Камиловых обыск.

К семи часам вечера оперативники Белова докладывают, что Камилов дома и выходит пока не собирается.

А на улице всё еще светло, как днём. И минуты тянутся мучительно долго. Пятнадцать минут восьмого, полчаса... Восемь часов... Двадцать минут девятого...

Выглядываю из окна кабинета на улицу: есть ли где огоньки? Ведь начало операции ровно в девять. Огней пока – ни в одном доме. Лишь полыхают в витринах и окнах домов оранжевые отблески заката.

В восемь тридцать – звонок Белова:

– Спускайся вниз – через пять минут выезжаем.

Снова выглядываю в окно: закат уже потускнел, на улице – серая дымка... Пожалуй, к девяти часам и стемнеет.

Спускаюсь по лестнице в вестибюль и ясно слышу, как сильно стучит сердце. Неужели так волнуюсь? Ведь всё продумано до мелочей...

У подъезда присоединяюсь к Белову. Садимся в машину. Все остальные участники операции уже давно на Садовой. По рации то от одного из них, то от другого поступают короткие сообщения: «Двор блокирован», «Подъезд блокирован», «Объект на месте, посторонних в квартире нет»...

На тихой улочке, у старого четырехэтажного дома с высокой аркой над въездом во двор машина останавливается. Читаю на доме табличку: «Большая Садовая, 17». Вдоль арки прогуливаются двое хипповатых парней. С трудом узнаю в них наших работников уголовного розыска. Во дворе – ни души, лишь за самодельным столиком у второго подъезда всё ещё стучат костяшками домино четверо чем-то мне знакомых доминошников. «И эти – наши!» – проносится в голове.

Гляжу на часы: без трёх минут девять. Пока войдём в подъезд, пока поднимемся по лестнице...

Вот и второй этаж. С площадки третьего нам навстречу бесшумно спускаются Наумов и Громов. Обмениваемся взглядами: «Пора!».

Наумов с Громовым ныряют в ярко освещённый проём коридора, и он тут же погружается во мрак. Озноб нетерпения прокатывается по моей спине. Представляю, как напряжены

сейчас нервы и у других участников операции... Кажется, будто прошла уже целая вечность. Слышится металлический щелчок замка, чей-то недовольный мужской голос, потом яростный хрип, и мы с Беловым бросаемся в темь коридора. Нащупываю щиток с пробками. Вспыхивает свет, и я вижу распротёртого на цементном полу полуголового темноволосого парня в шортах, с закрученными за спину руками, на ногах его – тяжело дышащего Наумова. Рядом с ним Громов – защёлкивает на запястьях парня наручники. Тот конвульсивно извивается, что-то мычит.

Всё! Дело сделано! В считанные секунды.

Громов рывком ставит Камилова на ноги. Теперь уже у меня нет никакого сомнения, что это он, Камилов: точный оригинал рисунка Бубнова. Заводим его в квартиру, приглашаем понятых.

А где же мать Камилова?

Нахожу на кухне. С полной отрешённостью на бледном, без кровиночки, старческом лице, она неподвижно застыла на табурете у стола и никак не отзывается на предложение пройти в комнату сына.

Но мы и без неё находим то, что искали: пистолет, патроны к нему, пачки денег в инкассаторской сумке, спрятанной за шифоньер. На столе и на книжных полках разбросаны затрёпаннные порножурнальчики, магнитофонные кассеты с записями передач западных радиостанций, видеокассеты фильмов ужасов...

Громов брезгливо поднимает за уголок один из таких журнальчиков и показывает Камилову:

– А это дерьмо в каких подворотнях выискали?

– А тебе что – завидно? Тоже на голых баб поглазеть захотелось? – истерично кричит Камилов. – Ну, гляди, гляди!

Понятые – две докучливые старушки – при этом всё охают и ахают: «Да как же так!... Да что же это!...» – и вразной торопятся заверить, что Эдик «всегда такой хорошенький, такой милый мальчик!». И что мать души в нём не чаёт...

А мать не плачет, лишь беспомощно и растерянно прислушивается к выкрикам сына, а когда его уведут из квартиры, провожает тоскливым взглядом.

Мы оставляем в квартире засаду – на случай, если сюда задумает наведаться его сообщница – и отправляемся в отдел.

На улице уже окончательно стемнело. В открытую форточку машины врывается прохладный ветерок... И так хорошо на душе, так хорошо, что невольно мысленно убегаю к Елене. Целый день с ней не виделся. Как-то встретит меня, что скажет?

А Лена ничего и не говорит. Лишь печально смотрит и молчит, молчит, молчит... В груди моей всё переворачивается от возникшей тревоги: когда так смотрит и молчит, значит, чем-то расстроил её. Но чем?

Топчусь в прихожей и не знаю, что сказать. В комнату уходить не хочется, и вот так в молчанку играть тоже. Тихо и осторожно спрашиваю:

– Что не весела?

Она грустно усмехается.

– Я так ждала тебя сегодня... Неужели и в выходные дни ты не можешь побыть дома?

Облегчённо перевожу дыхание.

– Почему не могу? Могу! Вот только разберёмся с «Бирюзой»...

Лена недоверчиво качает головой.

– Ой, Демичевский... Свежо предание...

– Знаешь, что? Выходи-ка ты за меня замуж, а? – Неожиданно для себя выпаливаю я и замираю в тревожном ожидании ответа.

Глаза Лены округляются.

– Ты это... серьёзно?

– Конечно!

Она некоторое время молчит, потом с запинкой отвечает:

– Спасибо тебе за лестное и столь дорогое для меня предложение. Но... замуж за тебя... я пока не пойду.

– Почему?! – вскрикиваю запальчиво.

Лена предостерегающе вскидывает палец к губам:

– Тише – маму разбудишь.

И вдруг берёт в ладони мои руки, как в тот недавний, памятный для меня вечер, и целует их.

Непостижимо!

Совершенно сбитый с толку, осторожно высвобождаю руки.

– Как же тогда понимать тебя?

Лена выпрямляется, задумчиво смотрит куда-то и сторону.

– Ты прости меня, Демичевский. Я и сама себя не понимаю.

Она переводит на меня свой взгляд.

– Хочешь откровенно?.. Когда ты появился у нас, показался мне таким молчуним, таким нелюдимым... И захотелось расшевелить тебя... А сейчас вот места себе не нахожу, если не увижусь с тобой хоть денёк. Вот ведь как всё получилось.

– Тогда почему... отказ?

– По-моему, ты поторопился со своим предложением. Разве обо мне думал в тот наш вечер?

– Много ты знаешь, о ком я думал, – бурчу с раздражением. – И не такой я сухарь, как ты считаешь, нашли бы общий язык.

– Да, ты не сухарь, – соглашается Елена. – Просто был замороженный какой-то... А душа у тебя чуткая, отзывчивая. Потому и прошу – давай пока останемся просто друзьями.

Друзьями? Просто – друзьями? Ну, нет. Такое мне не подходит!... А как быть с третьим? С тем же Славиком? Не зря он вокруг неё так увивается...

Лена выжидающе смотрит на меня. Прекрасное лицо её даже побледнело от волнения.

– Не хочу просто дружить, – говорю я и слышу, как предательски срывается мой голос, словно у обиженного мальчишки. – Я не могу без тебя, ясно?

На лице Лены появляется едва заметная улыбка. Она приподнимается на носки и целует меня в щёку. Потом быстро уходит к себе. Вот это выдался денёк! А что грядущий день готовит?

Ночь, а мне не спится. Все вспоминаю разговор с Еленой, думаю о тяжёлом ранении Кандаурова, перед глазами, словно в видеозаписи, мелькают цепи задержания Камилова... Не отпускает мысль: надо скорее задержать его сообщницу. С ней-то теперь, конечно, разбираться будет проще. Хотя, что в нашей работе даётся просто? Да, завтра новый день, новые заботы...

С тем и отправляюсь утром чаёвничать на кухне. Лена не показывается. То ли ещё не проснулась, то ли просто скрывается от меня... И тревога сковывает грудь. Томлюсь ожиданием, но Лены всё нет и нет. А мне надо в отдел. Следует выяснять, кто сообщница Камилова..

Пока шагаю по солнечным улицам к райотделу, всё больше склоняюсь к мысли, что необходимо срочно отыскать бывшую подругу Камилова – парикмахершу Светлану. Много ли в городе парикмахерских? За день – все обойдешь. Можно, конечно, справиться о Светлане, обзвонив все эти заведения по телефону, но стоит ли тревожить администрацию, пойдут ненужные разговоры...

А Светлана может знать о приятельницах Камилова. Вот захочет ли назвать их?

В райотделе наша следственно-оперативная группа уже в сборе. Наумов старательно опрашивает по моей просьбе соседей Камилова, Губин сличает пальцевые отпечатки Эдика с теми, что обнаружены в машине Власова, а всё так же элегантно разодетый Громов откровенно томится в своём кабинете, ожидая каких – либо распоряжений.

Первым делом интересуюсь у Наумова, что с Кандауровым? Может, ему уже лучше?

Сергей крутит головой.

– Врачи говорят, он в кризисной ситуации. И каким будет исход её – предугадать трудно.

– Но надежда есть?

– Лишь бы сердце не подвело.

«Может, и выдержит», – думаю я, иду к Губину.

– Ну, как пальчики? – спрашиваю. – Кто оставил их в машине?

Он вскидывает на меня свои всегда серьёзные глаза.

– Теперь сомнений нет – те, что в салоне – Камилова. Официальное заключение получишь позднее.

Я закрываю за собой дверь лаборатории Губина и отправляюсь к Белову.

– Ну? Что думаешь делать дальше? – спрашивает он.

Выкладываю свои соображения о парикмахерше и предлагаю:

– Пусть Громов займётся её поисками, всё равно пока ничем не занят.

– Добро, – соглашается Белов. – Передай ему моё распоряжение на этот счёт.

Вызываю Громова к себе, ставлю перед ним задачу, и он моментально преображается. Весело подмигивает и тут же исчезает из кабинета. А через час уже звонит по телефону:

– Светлану к нам привезти или сам подъедешь?

– А это она? Точно?

– Она, не волнуйся. Других таких девиц в этих заведениях не бывало.

– Где она – на работе или дома?

– Дома. Завтра собирается в отлёт. Отпуск у неё. И как только перехватили!

– Что она собой представляет?

– Впечатление производит девицы неглупой, но несколько вульгарной.

– Если не возражает, вези её в отдел.

И он привозит. Представляет мне высокую и весьма симпатичную блондинку:

– Изотова Светлана.

И исчезает.

Я предлагаю Светлане стул и с минуту разглядываю её: кремовое платье-джерси, красивая финифтевая брошь, в ушах бриллиантовые капельки-серёжки... Светлые волосы ак-

куратными локонами обрамляют такое же светлое продолговатое лицо с неестественно тонкими бровями. Веки голубоватых глаз чуть тронуты зелёной тенью, ярко-алой помадой подкрашены пухлые губы. Ноготки тонких, холёных рук отливают перламутровым лаком... Не о ней ли, как о своей невесте, Камиллов сообщал в записке Пикулину? Почему не женился – на другую глаз положил?

Решаю поговорить пока неофициально, чтобы не насто- рожить прямыми вопросами.

– Вы замужем? – спрашиваю.

– А что – хотите сделать мне предложение? – игриво от- зывается Изотова и закидывает ногу на ногу. – Тогда поторо- питесь, пока не улетела.

– И куда собираетесь лететь, если не секрет?

– У-у, далеко, – тянет Изотова. – Аж, в самые Сочи. И, между прочим, не одна, а с женихом.

– Это кто же такой счастливый? – говорю шутливо, что- бы не сбить её с избранного тона.

Изотова польщённо улыбается.

– Правда? Вот и я так считаю. Эдику просто повезло, что я согласилась составить ему компанию.

«Эдик?» – проносится у меня в голове. – Значит, все эти годы он продолжал встречаться со Светланой?

– Это какой же Эдик? – осторожно спрашиваю Изотову. – Камиллов, что ли?

Она с изумлением смотрит на меня.

– А вы откуда знаете?

И в самом деле – что ей ответить? Вести разговор на- прямую? Рановато, наверное. Ещё не ясны отношения сторон в этом загадочном треугольнике; Изотова, Камиллов и его со- общница по разбойному нападению на ювелирный магазин...

– Да вот уж, знаю. Вы давно с ним знакомы?

– Три года. А что?

– Говорят, он вам предложение делал... Было такое?

Изотова хмурится.

– Да вы объясните – в чём дело? Зачем меня пригласили сюда?

– Извините, – говорю. – Вы правы. Дело в том, что мы были вынуждены задержать Камиллова. Он совершил очень тяжкое преступление. А вы – считаете себя его невестой. Вот мы и пригласили вас кое-что уточнить.

– Что именно? – Изотова как-то сразу сникает, низко опускает голову. – Что он натворил?

– Мы ещё вернёмся к этому вопросу. Пока ответьте: де- лал он вам предложение о свадьбе?

Спрашиваю, а сам всё думаю: Если Камиллов никакого предложения не делал Изотовой, что му в этом помешало? Что, или – кто? Может, тае его чернявая сообщница? Знает ли о ней Изотова?

– Делал ли он мне предложение? – задумчиво переспра- шивает Светлана. – Нет, не делал. Это я, дурёха, об этом всё мечтала... Да не получилось.

– Почему? Не сошлись характером?

Изотова достаёт из цветистого продолговатого кошелёч- ка круглое зеркальце, бросает в него быстрый взгляд, поправ- ляет прическу.

– Как вы считаете – я представляю интерес для мужчин?

– Несомненно, – не кривя душой, подтверждаю я, уже догадываясь, в чём соль вопроса.

– Ну вот, – грустно продолжает Светлана. – А Эдика ув- лекла другая, чернушная, как цыганка.

– Такая же красивая?

– Что вы – с ревнивой злостью возражает Изотова. – Да на неё и взглянуть-то страшно. Тошная – кожа да кости!

– И кто же это вам дорогу перешёл? Откуда такая?

– Вам и это надо знать? Ну, пожалуйста – Нинка Завья- лова. Такая пигалица!

– Она учится где, или работает?

– Учится. В театральном институте... Тоже мне – артист- ка нашлась... Было бы на что поглядеть!

– И что же – давно она с ним?

– Да с год, наверное.

– А почему с вами он лететь надумал?

Изотова поднимает голову, горько усмехается.

– Надоела она ему. Да и я его от себя никогда не отталкивала. – Изотова нервно дёргает головой. – Вы Эдика видели? Глаза его, брови, ресницы? – неожиданно переходит она в наступление. – Нам, бабам, мужская красота вообще-то необязательна. Но у Эдика она особенная. Взглянешь на него и млеешь, как дурёха... Всё тогда готова простить ему, оправдать... Вы – мужчины. И то порой голову теряете из-за какой-нибудь куколки в юбке. Что же с нас, слабых баб, спрашивать?

– А где эта Нина живёт – знаете?

– Да зачем она вам? – теперь уже вяло отзывается Изотова. – Не знаю и знать не хочу. Эдик что натворил?

– Подозревается в разбойном нападении на фирменный магазин «Бирюза». Может, слышали что?

Изотова подавленно кивает.

– Эдик рассказывал?

– Ну что вы!... Он меня до своих дел и забот не допускает... Откровенно говоря, он лишь о себе высокого мнения, других и в грош не ставит. А что касается «Бирюзы»... Ходят же слухи по городу.

– Билет на самолёт он вам купил?

– Он.

– И эти серёжки?..

– Тоже.

– А вы и не спросили – отчего он вдруг такой щедрый? Где столько денег взял?

– Не спросила. Довольна была, что хоть с собой пригласил.

Изотова вдруг опускает голову на стол и заливается плачем. Бросаюсь к графину и, пока Изотова пьёт воду, вызываю по телефону Громова, отвожу его к окну и коротко, вполголоса бросаю:

– Я тебя вот о чём попрошу... Позвони-ка в адресное, узнай – где живёт некая Нина Завьялова, студентка нашего театрального, и живо к ней.

– Та самая? Что была с Камиловым?

– Она, больше некому.

– Что искать?

– Перчатку. Чёрную шёлковую перчатку. И туфли. Изъять надо все её туфли. У нас ведь есть один отпечаток. Вот и проверим!

– А разрешение на задержание и обыск?

– Я подготовлю. Ты живее давай, не медли...

– Ясно!

– Ну, действуй. Жду!

Громов исчезает, и я возвращаюсь к успокоившейся Изотовой. Теперь с ней можно вести и официальный разговор, закрепить, так сказать, её показания. Ведь всё, что мне нужно было узнать от неё, я узнал, и Изотовой уже нет смысла отмалчиваться.

Она это тоже хорошо понимает. Вскоре, внимательно изучив протокол допроса, без единого замечания соглашается с текстом и размашисто подписывает бланк.

– А что делать с серьгами? Наверное, придётся расстаться с ними? – грустно спрашивает она.

– Да, пожалуй... – отвечаю.

11

В пять вечера ко мне в кабинет Громов вводит Завьялову. Вот ведь как необъективны женщины к своим соперницам! Завьялова вовсе не коротышка, а нормального, среднего роста. Красивая, стройная, с большими чёрными глазами. Одета, правда, простенько – в джинсовой юбке и белой кофточке, в лёгких простых босоножках... Ей лет двадцать, не больше. Лицо, хоть и смуглое, но чистое, даже губы ещё не красит. Держится спокойно, уверенно. Или это – игра?.. Я узнаю её. Видел недавно на сцене студенческого театра. В «Живом трупе». Цыганку Машу играла. И хорошо играла! Будто и впрямь – цыганка. Будто и не на сцене вовсе и действительно готова жизнь отдать за Протасова.

Как же так? Как могла Завьялова опуститься до такой степени, что стала преступницей?

– Это ещё доказать надо! – с усмешкой отвечает она на мой вопрос.

– Конечно, – отвечаю спокойно, хотя в душе растёт злость на её залихватское упрямство. – И доказательств вашего участия в разбойном нападении на «Бирюзу» у нас более чем достаточно. Взять хотя бы то, что вы наследили в магазине. Если желаете, ознакомьтесь с заключением эксперта на этот счёт.

Я протягиваю ей бланк заключения, но она пренебрежительно отмахивается:

– Не надо. Чем ещё располагаете?

– Вашей перчаткой, отпечатками пальцев. Вы оставили всё это в машине – такси, на которой приезжали к «Бирюзе». Разве недостаточно?

– Тогда что же вы от меня хотите? Везите в тюрьму, если вам всё известно.

– В том-то и дело, что пока ещё не всё известно, – говорю опять как можно спокойнее. – Вот, скажем, ваш налёт с Камиловым на «Бирюзу»? Это была его идея?

Красивые глаза Завьяловой еще больше темнеют.

– Причём тут Эдик? Он – хороший парень! – запальчиво взрывается она и тут же умолкает, сообразив, что допустила промашку, признав своё знакомство с ним.

Удивительно! И она ещё покрывает Камилова. Хотя, как говорила Изотова: «Видели бы вы его!». Смазлив, что верно, то верно. Однако неужели Завьялова ничего не знает об Изотовой?.. Вот ненормальная! Ей бы, действительно, в театре играть, а не в тюрьму лезть.

– Хороший парень? – спрашиваю сердито, – А, не раз идёт на разбой, не задумываясь, стреляет в людей.

Завьялова в замешательстве замирает на стуле.

– Это уж у него так получилось в магазине. Он не хотел... – говорит она осевшим голосом. – Он, что, кого-нибудь там...

Выдержка окончательно изменяет ей, и крупные слёзы катятся по лицу...

– Это я! Я во всём виновата!

– Расскажите, как было дело.

Завьялова отирает ладонью слёзы, отрешённо смотрит в сторону.

– Расскажите, расскажите. Где и как вы познакомились с Камиловым?

– Три года назад, в Сухуми.

– Что там делали?

– В отпуске была. Приехала без путёвки, а Эдик... Он тоже там отдыхал. Заметил меня ещё в поезде, предложил свои услуги с устройством: «Будет тебе месяц райской жизни!». И устроил. В Сухуми у него повсюду знакомые. У ресторана иные часами в очереди стоят. А перед ним лишь подойдёт, швейцар чуть не расшаркивается. И потом... Вы видели Эдика?

Знакомый вопрос! Вспоминаю облик Камилова. Да, такие парни нравятся женщинам.

– Правда ведь, красивый? Все девчонки без ума от него. А он лишь со мной и со мной.

– У него что же, другой девушки до вас не было?

– Была. Какая-то парикмахерша. Но Эдик сказал, что расстался с ней навсегда.

– Так-так, продолжайте.

– А мне с ним всегда так хорошо! Когда он исчезает, дни тянутся бесконечно, кажутся серыми, пустыми. Думается, на всё могу пойти, лишь бы он не покидал меня... Да вам этого не понять, наверное.

– Почему не понять? Понимаю, – отвечаю не сразу. Потому что вдруг тоже стало тяжело на душе: отчего Лена не вышла сегодня проводить меня?

Завьялова недоверчиво усмехается и негромко продолжает:

– И вот, когда Эдик признался, что сидит на мели, то есть – без денег, сама напросилась чем-нибудь помочь ему. Он долго колебался, прежде чем доверился мне. Сказал, что давно приглядывается к «Бирюзе». Изучил маршрут, время прибытия инкассаторов. Но нужна машина. Можно бы угнать, да не умеет водить её. Вот если бы я посодествовала, ведь у нас дома была своя машина, знаю, как с ней обращаться.

– И вы согласились.

– Ну, коль уж напросилась...

– А оружие? У Камилова изъят пистолет «Вальтер». Где он взял его?

– Это пистолет покойного отца Эдика. Привёз с фронта.

– А как обстояло дело с машиной?

– Неподалёку от магазина есть столовая. Там все таксисты питаются. Мы и решили воспользоваться этим. Машина нам и нужна-то была минут на десять. Кто из шофёров хватился бы её за это время?

Завьялова умолкает. Я задаю ещё несколько уточняющих вопросов, составляю протокол допроса, подаю ей ознакомиться. Она старательно читает текст и с убитым видом подписывает протокол.

– Куда меня сейчас – в тюрьму? А что будет с Эдиком? Поверьте, я больше виновата. Он, может, и не рискнул бы...

– Вы лучше подумали бы о своей судьбе, – говорю я тихо. Понимаю, что читать нравоучения – пустое занятие, оно мало кому помогает. И всё же мне по-человечески жаль эту девчонку. Поражаюсь её слепой влюбленности и жертвенному желанию обелить Камилова.

– Вы же мечтали стать артисткой. Отличная и благодарная профессия! А вас куда потянуло? И это при ваших-то способностях!...

Завьялова поднимает на меня удивлённые глаза.

– Да-да, – говорю. – Видел вас в спектакле. Цыганку Машу играли. И очень даже отлично играли!

В глазах Завьяловой вспыхивает радость, но тут же гаснет.

– И вдруг такой срыв. А главное – ради чего?

– А, может, – ради кого? – снова сердито возражает Завьялова.

– Что ж, значит, разговор наш можно считать законченным. Снимаю трубку телефона и вызываю помощника дежурного.

– Уведите задержанную.

А в моей голове уже теснятся думы о Камилове: что-то он завтра мне расскажет?..

Камилов входит в мой кабинет, низко опустив голову. Что ж, на чудо в его деле рассчитывать ему не приходится, надо держать ответ. Камилов тяжело опускается на стул, бросает в мою сторону косою взгляд.

– Меня одного взяли?

Значит, ещё теплится надежда.

– Нет, – говорю. – И вашу сообщницу Завьялову-тоже.

Он удручённо качает головой.

– Надо же... Так долго готовились... Всё, вроде бы учли, всё по секундочкам вывели, и сорвалось!

– Рассказывайте, как было дело.

– Да ведь всё знаете, наверное, – отмахивается Камилов.

– А я вас хочу послушать... Говорите.

И он рассказывает. Так же подробно, как Завьялова. И всё сходится.

– Сколько мне дадут? – спрашивает Камилов. – Я ведь вам чистосердечно... Мог бы и промолчать... – А в тёмных глазах отчаяние.

– В салоне машины старались не наследить?

Он кивает.

– А следы всё равно оставили... Что ж вам не чистосердечно? Другого пути ведь и нет!

Камилов снова опускает голову.

– А насчёт срока наказания, – продолжаю, – так это не по адресу обратились. К тому же, у меня к вам ещё несколько вопросов. Постарайтесь ответить так же «чистосердечно»... У вас в квартире изъяты не все деньги, похищенные в «Бирюзе». Где остальные?

Камилов долго молчит, потом с трудом зло выдавливает из себя:

– На знакомую потратил.

– На кого именно? Как?

– Серьги ей бриллиантовые купил...

И он рассказывает об Изотовой. Догадывается, что знаем о ней.

– А Нину, значит, в отставку?

Камилов горбится от вопросов, весь взмок. Но мне ещё надо вернуть его к истории с Ладыгиными, и я снова спрашиваю:

– Ну а что же вы о Пикулине не вспомнили? Отбывает срок парень, а мог бы стать отличным спортсменом. Интересно, женились ли вы?

Лицо Камилова бледнеет...

– Вы и об этом узнали?

– О чём? Расскажите!

И он опять рассказывает. Всё рассказывает! Под давлением улик, очных ставок. Других доказательств его преступлений. Не успеваю записывать. А когда Камилова уведут, ещё долго с неприятным чувством вспоминаю его усмешки, недобрый взгляд.

Звонок телефона отрывает от невесёлых дум. Поднимаю трубку и слышу приглушённый голос Белова:

– Ну? Что у тебя?

– Всё в порядке, – говорю спокойно, – Завьялова и Камилов во всём признались.

– Вот и отлично! Теперь, что ж – домой собираешься? Восьмой час вечера!

– Иду, Александр Петрович, иду! Если бы вы знали, как мне сейчас надо быть дома!

– Тогда не задерживайся. Будь здоров!

В трубке раздаются гудки. Убираю в сейф бумаги и торопливо выхожу на улицу.

Ещё светит солнце, но воздух уже не такой жаркий, как днём. Взять бы сейчас с собой Елену и махнуть на реку. Вода, наверное, прелесть. А я ещё ни разу не искупался.

Но Лены нет дома,

– Пять минут, как ушла – говорит Екатерина Ивановна, – Надо же вам так разминуться!

– Одна ушла?

– Нет, со Славиком.

Жду Лену час, другой... И гнетущее чувство тоски и одиночества охватывает меня. В десять вечера осторожно при-

крываю за собой дверь квартиры, спускаюсь по лестнице. Куда я иду? Зачем?

На улице меня охватывает тревога: Лена – со Славиком! Неужели и впрямь снова теряю дорогого мне человека?.. Но я не хочу этого. Не хочу!...

Я шагаю, сам не зная куда, ловлю взглядом редких прохожих, стараясь угадать среди них Лену... Если бы встретил её сейчас, то уже не отпустил бы от себя ни на шаг!...

Тёмная беззвёздная ночь всё плотнее обволакивает меня, и я благодарен ей, потому что никто не видит, как тру глаза: разве могут быть слезы у мужчины, да ещё – сотрудника милиции? Так, соринка, наверное, попала.

ТАЙНА ПАНСИОНАТА «УЮТ»

повесть

1

Понедельник не порадовал погодой. Весь вечер на автостраду валил густой, липкий снег. Под его тяжестью прогнулись провода, опустились к земле ветви чёрных деревьев. Зыбкий свет луны едва освещал раскисшую от слякоти ленту шоссе и окоченевшую, с непокрытой головой фигурку девушки у придорожного столба. Девушка была в короткой тёмной шубке и полусапожках. Когда из-за поворота, ведущего в город, вспыхивали фары автомашин, она на миг ожидала и слабо вскидывала замерзшую руку. Но машины даже не притормаживали, и она вновь отступала в рыхлый снег, зябко жалась к столбу.

Глазунов – плечистый молодой репортёр областной газеты – увидел её, как только старенький «Москвич» редакции, вырвался на прямую дорогу.

– Костя, подбросим? – спросил он шофера.

Тот кивнул, но резко сбавить ход не рискнул: на холодном ветру асфальт леденел, покрывался скользкой коркой. «Москвич» промчал ещё добрых три-четыре десятка метров, прежде чем остановиться, а потом мягко покатыл назад.

– В чём дело? – вскинул кудрявую голову фотокор Губенко, до этого спокойно дремавший на заднем сидении. – Что это мы вдруг пятимся раком?

Глазунов кивнул в сторону спешившей к ним девушки:

– Возьмём попутчицей? Что с нас – убудет?

– Какая-нибудь «дальнобойщица», – недовольно буркнул Губенко. – Столько их развелось сегодня!... – Но всё же отодвинулся к левой дверце, освобождая место.

Девушка живо уселась рядом, умоляюще прошептала:

– Только быстрее, пожалуйста.

Губенко хмыкнул, толкнул шофёра в плечо:

– Поехали!

Машина дёрнулась, неуверенно заскользила по обочине, и хозяин «Москвича» в который уже раз подосадовал, что, несмотря на все старания, не смог раздобыть новую резину.

– Ничего, Костя – подбодрил Глазунов. – Как-нибудь доберёмся. – Но и сам в душе посетовал на непогоду. Весна в этот год пришла необычайно ранняя, дружная. Ещё в середине марта вскрылась ото льда Волга, прилетели первые грачи. И вот на тебе – в первых числах апреля опять сыплет снег.

Он обернулся.

Девушка жалась в угол. На вид ей было чуть больше двадцати. Впотьмах не рассмотришь. Не из-за любопытства, а чтобы успокоить её, спросил:

– Куда так торопитесь?

В этот момент дальний свет чужих фар ударил в заднее стекло «Москвича» и чуть не ослепил Глазунова. Он невольно отвернулся.

С полминуты в салоне висела тишина. И тут вдруг девушка вновь подала голос:

– Ребята, миленькие... Быстрее, если можно. Это, наверное, за мной.

– Ничего себе, заявочки! – заёрзал Губенко. – В чём дело-то, скажи?

– Только не отдавайте меня, если догонят, – жалобно прошептала она.

– Кому не отдавать – может, милиции? С представителями закона, милая, не спорят.

– Да не милиция это вовсе, – всхлипнула девушка.

– Тогда не отдадим, – заверил Глазунов, сидевший рядом с шофёром. Он повернул голову к водителю. – Так ведь, Костя?

Тот молча кивнул, включил «дворники» и вдавил педаль газа. Машина заметно прибавила ход.

А свет чужих дальних фар не ослабевал, лишь скользнул влево, и вот уже изящная, приземистая «девятка», настойчиво подавая сигналы, пристроилась рядом с «Москвичом», упорно прижимая его к обочине.

– Ну, наглецы, – возмутился Губенко и полез в чёрный кофр за фотоаппаратом. – Я сейчас тоже пугану.

Он придвинулся к стеклу, нажал кнопку спуска затвора камеры. Яркая вспышка осветила «девятку», и та сразу сбавила скорость.

– Порядок, отстали, – удовлетворённо пробасил Губенко, убирая фотоаппарат.

– Если бы, – пробормотал Костя, стрельнув глазами в зеркальце заднего обзора. – Вот они, опять рядышком.

– Что будем делать? – спросил Глазунов. Он взглянул на девушку. Она молчала, вжимаясь в угол.

«Девятка» и впрямь словно приклеилась к «Москвичу». Сидевший в ней парень в чёрной кожаной куртке озлобленно погрозил им кулаком.

– Пожалуй, Костя, по такой дороге мы эту гонку долго не выдержим, – озабоченно сказал Глазунов. – Чего доброго, загремим в кювет.

– Город на горизонте, – не сводя глаз с дороги, не сразу ответил тот. – Скоро пост ГАИ. Может, и отстанут.

Возникшая впереди разделительная полоса с металлической оградкой как-то незаметно раздвоила шоссе, и, действительно, чуть сбавив скорость, «Жигули» сразу оказались позади.

Мигнул, переключаясь на красный свет, жёлтый огонек светофора, но «Москвич» успел проскочить первый пригородный перекрёсток дороги, и трель свистка гаишника оставила лишь преследователей, увлётшихся погоней.

Глазунов посмотрел в боковое зеркальце: вышедший из постовой будки гаишник, покачивая жезлом, медленно двинулся к застывшей у края дороги «девятке».

– Кажется, оторвались, – облегчённо вздохнул Глазунов.

– Это точно! – повеселел Губенко. Он повернулся к попутчице. – Ну, милая, втянула ты нас в приключение. Как хоть зовут-то?

Девушка слабо улыбнулась.

– Наташа.

– Хорошее имя. Учишься где или работаешь?

– Учусь.

– В институте?

Девушка кивнула.

– В каком?

Она не ответила, отвернулась к окошку.

– Оставь её, Паша, – вмешался Глазунов. – Тебя где посадить?

– Да подвезите к дому, недалеко ведь.

В машине опять воцарилась тишина. За стёклами уже светились фонари уснувших улиц, мелькали дома. Снег перестал валить, вместо него сыпалась морось, усилилась гололедица... Вскоре машина свернула в тихий переулок, остановилась у одного из домов, и Губенко, повесив на плечо тяжёлый кофр, неловко выбрался на тротуар.

– Пока! – помахал он всем, обойдя заледеневшие лужицы, и скрылся в подъезде.

Глазунов повернулся к девушке.

– А вас куда?

Она повела плечами.

– Не знаю. В общежитие уже поздно...

Глазунов терпеливо ждал. Девушка мучительно раздумывала, и он только сейчас заметил, что её сапожки надеты на голые ноги, а под распахнувшейся шубкой на теле одна сорочка. Он нахмурился, соображая.

– Так куда поедет? – спросил шофёр.

– Давай ко мне, что уж теперь, – недовольно ответил Глазунов. Ситуация, в которой он невольно оказался, его конечно не радовала. «Вечно попадаю в истории, – подумал он, неприязненно взглянув на девушку. – Может, и вправду «челночница», а все эти байки об институте и общежитии – сказочки для таких вот, как я, простаков? Верно, не угодила чем-то своим «клиентам» или что-то спёрла у них, вот и заметалась... Тоже мне, студентка – в одной распашёночке!»

Но по тому, как Наташа благодарно улыбнулась ему в эту минуту, он понял, что ошибся, и уже веселей повторил:

– Гони, Костя, ко мне!

Когда он с Наташей уже поднимался по лестнице в его квартиру, девушка вдруг робко спросила:

– А вам от жены не попадёт?

Глазунов усмехнулся.

– Нам с вами повезло: холостяк ещё.

Она с удивлением подумала: «Такой клёвый... Душка!...

И вдруг – не женат? Но молча прошла за ним в квартиру.

В крохотной прихожей Глазунов зажгёт свет и стал раздеваться. Наташа смущённо переминалась у двери, плотнее запахнув на себе шубку, всю в мелких, искристых водяных капельках.

– Секундочку, я сейчас... – сообразил Глазунов. Он рванулся в комнату, достал из шкафа тёплый махровый халат, пару новых тапочек и вернулся в прихожую.

– Вот, облачайтесь.

Наташа покраснела, но протянула руку за халатом. Глазунов поспешил на кухню. И пока его гостя переодевалась, успел сварить кофе, приготовить бутерброды.

– Можете пройти в ванную, умыться с дороги! – крикнул он девушке.

– Спасибо, – донёсся из прихожей чистый, негромкий голос.

На кухне она появилась не скоро. Шлёпая тапками и кутаясь в длинный для неё халат, скромно присела за столик. Пригладила золотистые волосы, мило улыбнулась Глазунову. Теперь, на свету, эта девушка, с её ясным взглядом голубоватых глаз и открытой улыбкой, показалась ему очень привлекательной...

Он придвинул девушке чашечку с кофе, сахарницу, бутерброды. Наташа поднесла чашку к губам, тихо спросила:

– А вы кто? Спортсмен?

Глазунов вскинул брови.

– С чего вы взяли?

– Фигура атлетическая. Расскажите немного о себе. О вашей компашке, что была в машине.

– Я журналист, – немного помедлив, ответил он. – Репортер областной газеты «Голос Приволжья». Владимир Глазунов. Может, читали что-нибудь из моих опусов?

– Нет, – призналась Наташа. – Как-то не пришлось.

– Ну, и ладно. А шофёром у нас был Добряков Костя. Мировой парень! Классный и безотказный водитель.

– А тот, что сидел со мной рядом? По-моему, любитель поговорить.

– Это Губенко Паша, наш фотокорреспондент. Он и в самом деле весёлый, разговорчивый. Посидел бы рядышком ещё с пяток минут и очаровал бы вас... А возвращались мы из командировки. Вот, пожалуй, и всё. Теперь ваша очередь. Как вы оказались на шоссе? Кто и почему вас преследовал?

По лицу Наташи пробежала тень.

– Не стоит сейчас об этом. Потом поговорим, ладно?

– Как хотите... – приумолк Глазунов.

Он допил кофе, пошёл в комнату застилать диван. Наташа зашлёпала следом.

– Будете спать здесь, а я устроюсь в кухне на раскладушке, – сказал Глазунов.

– Давайте поступим наоборот. Зачем вас стеснять. Мне ведь только приютиться где до утра.

– Да что уж там, – возразил Глазунов. – Укладывайтесь удобнее и спите спокойно.

А сам ещё долго не мог уснуть. Почему-то навалилась досада, что утром придётся расстаться с Наташей и, наверное, навсегда. Что и говорить – интересная девушка, симпатичная. Только удивляли необычные обстоятельства их знакомства...

2

Бес и Длинный почти настигли Наташу. Но она уже сидела в чей-то старенький «Москвичок».

– Всё, приехали, – с досадой бросил Длинный, притормаживая свою «девятку». – Эту чувиху нам не вернуть..

– Гони, дурак! – фальцетом закричал Бес. – Попробуем остановить этот драндулет.

Длинный выругался, включил дальний свет и тут же придавил акселератор. «Девятка» стремительно рванулась в погоню, «Москвич» тоже прибавил скорость, но расстояние между ними быстро сокращалось.

- Прижимай его к обочине, – процедил Бес.
- Не даётся, гад!
- А ты впритирку. Или долбани разок в задницу.

Внезапно яркая вспышка света вырвалась из салона «Москвича». Бес даже зажмурился на мгновение, а Длинный от неожиданности выжал тормоз. С натужным визгом «девятка» чуть не развернулась и встала.

– Сволочи!... Так это ж они нас снимают! – догадался Бес и разъярённо снова заорал Длинному:

- Ну, что вытаращил зенки? Гони на всю железку и жми их в кювет!... Бей по крылышкам.
- Сами обдерёмся.
- Жми, говорю!

Бес придвинулся к окошку, стал подавать водителю «Москвича» знак остановиться. Тот крутанул головой, и Бес погрозил ему кулаком.

А шоссе как-то незаметно раздвоилось от вклинившейся разделительной полосы, показались огни города, и Длинный был вынужден сбавить скорость. «Москвич» сразу вырвался вперёд.

- Не отставай, не отставай! – завопил Бес.

Но для нового манёвра было уже поздно, послышалась трель свистка постового, и Длинный, выругавшись, подрулил машину к обочине.

– В чём дело? – прошипел Бес, провожая бешеным взглядом стремительно удалявшийся «Москвич».

– На перекрёстке «красный» проскочили. – Длинный качнул назад головой. – Видишь, мент к нам топает.

Бес оглянулся: коренастый гаишник, покачивая жезлом, медленно шагал от постовой будки к их машине.

- Дурак! – снова зло прошипел Бес, поворачиваясь к Длинному. – Надо было гнать дальше!
- А мотоцикл его видел? – хмуро отозвался тот. – Приклеился бы с ходу.
- Оторвались бы!
- Так ведь у мента «пушка».

Пожилой сотрудник ГАИ с сержантскими лычками на погонах медленно обошёл сзади машину, потом открыл дверцу водителя. Козырнув, представился, попросил у Длинного документы. Тот молча протянул ему водительские права и паспорт. Сержант, всё так же не торопясь, внимательно изучил их.

- Почему нарушаете?
- Да вот, торопились... – сипло буркнул Длинный.
- Молоды ещё. Помните, как у Высоцкого: «В гости к богу – не бывает опозданий», – улыбнулся сержант, доставая квитанции о штрафе.

Длинный вяло кивнул, полез за бумажником.

Бес сидел тихо, не вмешиваясь в разговор, хотя внутри у него всё кипело от раздражения, насупившись, поглядывал на удаляющиеся сигнальные огоньки упрямого «Москвича».

Сержант возвратил документы, снова козырнул:

- Можете ехать.

И захлопнул дверцу.

Длинный повернул ключ зажигания.

– Ну, что дальше? – спросил он хмурого Беса. – Возвращаемся или как?..

– Едем в город. Иначе – что подумает сержант? Покрутимся по улицам, посмотрим. Должна же эта стерва – девка где-то выйти. Глядишь, перехватим.

Но улицы города были пустынные. Они покрутились по ним с полчаса, а потом Бес, скрепя сердце, дал команду возвращаться.

– Шеф будет расстроен, – угрюмо заметил он.

Длинный тяжело вздохнул. словно вспомнив о чём-то неприятном, тоскливо потёр левое ухо.

- Да уж, не хотел бы я сегодня встречаться с ним...

Подъезжая к злополучному перекрёстку, он на всякий случай снизил скорость, хотя на светофоре горел «зелёный», и гаишника у будки не было.

Длинный снова вздохнул.

- Говорить будем всё, как было?

Бес понял его.

– Конечно, если нам жить не надоело. Всё равно узнает.

– От кого?

Бес усмехнулся.

– Узнает!...

Прыщавое лицо Длинного вытянулось ещё больше. Он опять потёр ухо и прильнул к рулю.

Вскоре машина свернула на просёлочную, засыпанную щебнем дорогу, а ещё через пять минут «девятка» мягко подкатила к массивным железным воротам высокого глухого забора, за которым в глубине сосен скрывался добротный двухэтажный особняк старинной постройки.

Бес вышел к воротам, нажал на кнопку звонка. В переговорном устройстве раздался щелчок, послышался хриплый голос:

– Кто?

– Свои, Петрович, – ответил Бес.

Створки ворот с табличкой «Кооперативный пансионат «Уют» распахнулись, и «девятка», прошуршав по гравии, остановилась у подъезда. Бес вяло приплёлся следом, также нехотя прошёл за Длинным в дом.

В большой уютной гостиной, освещённой лишь настенным светильником над журнальным столиком, их встретил сам Шеф – лет шестидесяти, крупный, начинающий полнеть мужчина с глубоко посаженными глазами. В добротном свитере, с неизменной дежурной улыбкой на моложавом лице, он легко поднялся из кресла.

– Ну что, мальчики? Привезли беглянку?

Голос его был тих и спокоен.

– Простите, Шеф... – первым заговорил Бес. – Девчонка успела сесть в притормозивший «Москвич».

– И что? Вы не смогли остановить его?

Длинный тревожно засопел. Бес жалостливо посмотрел на него и продолжил:

– Помешал постовой.

– Постовой? Вы засветились?

Лицо Шефа по-прежнему оставалось спокойным, но улыбка исчезла, а голос поledenел.

За два месяца, проведенные в «Уюте», Бес хорошо узнал характер Шефа. С виду всегда спокойный, обходительный, в действительности он был человеком жёстким и безжалостным.

Длинный тоже знал об этом и потому засопел ещё громче.

– Так получилось, – виновато промямлил он. – Я не заметил светофора.

Шеф переместился к нему, задумчиво похлопал верзилу по щеке, потом привычно и всё также задумчиво стал выкручивать его ухо. Длинный страдальчески съёжился.

– Оставь его, Жоржик, – послышался из глубины комнаты глухой раздражённый голос.

Бес бросил взгляд в затенённую глубь гостиной. В правом дальнем углу, за другим столиком, с бокалом в руке устроился в кресле и внимательно их рассматривал компаньон шефа. Средних лет, худощавый, с чёрной, клинышком, бородкой, с проплешиной на круглой голове «Тишайший Профессор», как его здесь все называли и не любили за всегда холодные, влажные руки.

Шеф послушно отпустил ухо Длинного, и Бес поразился тому, как постоянно безропотно выполняет все указания Профессора этот весьма своенравный человек.

– Пускай говорят, – закончил свою мысль Профессор, пригубив из бокала.

Бес и Длинный переглянулись. У обоих противно засало под ложечкой: «Что там сотрудник ГАИ – их даже сфотографировали!»

Бес, запинаясь, рассказал и об этом.

Шеф внимательно выслушал его, молча отошёл к бару, плеснул в свой бокал вина.

Профессор слегка шевельнулся в кресле.

– Пусть мальчики выйдут, – сказал он тихо.

Шеф кивнул им на дверь. Они не заставили себя ждать повторения команды, мгновенно словно испарились.

– Плохо дело, – заключил Шеф, опускаясь в кресло.

– Хуже некуда, – согласился Профессор. – Но мне нужна эта девчонка.

– Мало тебе у нас других? Тискай любую!

Профессор поморщился.

– Да это так, блажь накатила. Мог бы просто заставить...

Короче, она мне нужна для дела.

– Новую найдём.

– Нет. Её, пожалуй, сегодня никто не заменит. Всё схватывает на лету. Не зря я заметил её. Да и время дорого – на-taskивать кого-либо другого. Надо вернуть её.

– Где ж искать? Вряд ли она вернётся в институт.

– А это твоя забота, Жоржик.

– Она будет молчать?

– Не знаю. Может, и будет. А вот другие, неизвестные нам сегодняшние персонажи... О них тоже следует позаботиться, ты понял?

Шеф кивнул и залпом осушил бокал.

3

Утром Беса разбудил стук двери. Он приподнял голову с подушки: его новой девицы, пышногрудой блондинки Риты, рядом с ним не было. Взглянул на часы: без пятнадцати восемь. И в ту же минуту из ванной комнаты послышался шум душа.

«Чистюля», – с усмешкой подумал Бес о девушке и вспомнил ночные игры с ней в постели. А вспомнив, сладко потянулся: «И откуда берутся такие страстные тёлочки?»

Лёгкое потрескивание из переговорного устройства на прикроватном столике, сменившееся на громкий, но как всегда спокойный, голос шефа, подействовал на Беса как удар хлыста. Он застыл, ловя каждое слово.

– Хватит нежиться, парень. Пора приступать к работе... Зайди ко мне поговорим.

Бес рывком поднялся с кровати и как был нагишом, так и бросился в ванную.

– Мотай отсюда! – заторопил он блондинку, сладострастно шлёпнув ладонью по её упругому влажному заду. – Меня хозяин вызывает.

Блондинка недовольно фыркнула, но всё же выполнила

команду – легко выскользнула из ванны и, прикрывшись широким махровым полотенцем, шмыгнула в комнату.

Бес в пять минут привёл себя в порядок, оделся и отправился к Шефу. Тот ждал его в своём кабинете: в прищуренных глазах холодок.

– Да, вчера оплошали вы, мальчики, – негромко заговорил он, поднимаясь из-за массивного письменного стола. – Надо исправлять положение.

Бес преданно вытянулся у двери. Рад был: хозяин не только, вроде бы, не гневается, что было бы для него, Беса, весьма опасно, но всё ещё, вроде бы, доверяет ему. В сознании парня мгновенно пронеслась вся его короткая жизнь...

Основной причиной, побудившей его поступить на службу к этому «вежливому троглодиту» была жажда «пожить красиво». С детства мечтал выделиться, стать личностью первой величины среди сверстников, но, по природе хрупкий и хилый, долгое время получал от них только тычки и насмешки. Он стал обидчивым и злопамятным. Бросив школу, записался в секцию восточных единоборств. Себя не щадил в изнурительных тренировках, как не щадил на соревнованиях и соперников, в результате чего теперь мог одним движением руки сбить с ног любого обидчика, а из-за своей вспыльчивости и мстительной жестокости заработал кличку «Бес».

Но для красивой жизни этого было мало. Нужны были деньги. Много денег! Пришлось согласиться с предложением Шефа, заметившего его в одной из уличных стычек, подработать «пиастры» на службе в «Уюте». Как и мечталось, работа оказалась не пыльной и денежной. Правда, не дай бог не угодить Шефу, у которого под началом было ещё несколько круглых парней, тоже бывших спортсменов...

«Вчера я и впрямь оплошал, признался он себе. – Теперь только бы опять не опростоволоситься»

– Узнай, – продолжал говорить Шеф, – чья была та машина, кто был в ней. А далее действуй по обстановке. Не торопись, но и не затягивая.

Он вплотную подошёл к Бесу, потрепал его по щеке, отчего тот испуганно задёрнулся.

– Короче: девчонка Профессора должна быть здесь, пассажиры «Москвича»... – в другом надёжном месте, ну а мы с Профессором – спокойно занимались бы своими делами, – твёрдо закончил Шеф.

Бес кивнул, хотя и не понимал, зачем из-за какой-то девчонки поднимать такой «кипиш».

– Я понял. Можно идти?

– Валяй. И держи меня в курсе, не стесняйся.

Бес ещё раз кивнул, а выходя из кабинета, осторожно прикрыл за собой тяжёлую дубовую дверь.

Выпроводив блондинку, он первым делом сел за телефон. Старательно прокашлялся, набрал в грудь больше воздуха и расстроенным голосом попросил дежурного отдела ГАИ узнать, кому принадлежит «Москвич-407», номер «23-47 ВРА», что подвозил его вчера от железнодорожного вокзала к дому, и в салоне которого он забыл свою папку с важными документами.

Дежурный пообещал помочь и вскоре сообщил:

– Это служебная машина редакции газеты «Голос Приволжья».

– Большое спасибо! – искренно обрадовался Бес и положил трубку. Оставалось узнать, кто ещё был с водителем «Москвича». «Коль в будний вечер машина шла в город, – размышлял он, – значит, её пассажиры – сотрудники редакции. Возвращались, наверно, из командировки... И один из них – фотограф!»

Бес довольно потёр руки. «Теперь лишь бы опять не подкачал Длинный!»

А тот всё ещё валялся в постели. Бес рывком поднял его.

– Хватит дрыхнуть. Одевайся!

Длинный сонно заморгал.

– Зачем?

– Работа есть. А пока один вопрос: что нужно сделать, чтобы чья-нибудь «тачка» неожиданно угробилась на ходу?

– Садануть другой «лайбой».

– Нет. Всё должно быть шито-крыто.

Длинный зевнул, поскрёб лохматый затылок.

– Ну... тормоза вывести из строя.

– Шофер сразу заметит.

– Это как сделать...

– Ну и как?

– Аккуратно надкусить, например, трубочку подачи тормозной жидкости. Медная такая трубочка. Даже плоскогубцы возьмут.

– Перекусывать не надо – это заметно. Что ещё?

– Отвернуть не полностью штуцер тормозного цилиндра. Пока вся жидкость не выльется – машина будет в норме.

– Есть ещё ручной тормоз. Что с ним придумать?

– Порвать тросик. Но для этого надо залезать под машину, а не под капот. Так сложнее... Да и зачем? И в чем дело? – насторожился Длинный.

Бес коротко пересказал ему суть задания Шефа.

– Уберём шофера «Москвича», подумаем потом, как вывести из игры и других его вчерашних седоков.

Но Длинный неожиданно заартачился.

– Я – пас! Ищите другого лопуха. За такое дело нам – верная вышка! – ощерил он редкие жёлтые зубы.

Бес тоже сознавал это. Но понимал и другое – смертный приговор грозит им лишь в перспективе, и то, если они сами сработают не чисто, а вот в случае отказа выполнить задание Шефа им уже сегодня не уйти от расплаты. И он со злостью врезал Длинному в подбородок набитыми в карате костяшками пальцев. Тот грохнулся на пол. Бес рывком притянул его к себе, прошипел.

– Ну что – поживём ещё или сразу потопаем к молодчикам Шефа?

Длинный очумело замотал головой.

– Тогда кончай выпендриваться и трепать языком. Одевайся!

...Свою «девятку» они оставили за ближайшим углом, к редакции пошли по улице пешком. Длинный хмурился, время от времени украдкой потирал вспухший подбородок. Бес тоже помалкивал, лишь стрелял глазами по домам, отыскивая нужную ему табличку. Он увидел её на одном из новых высоток.

– Загляни во двор, – предложил он напарнику. – Может, эта тачка там.

Длинный возвратился скоро.

– Точно, стоит в гараже.

– Она, не ошибаешься?

– Я номер посмотрел.

– А хозяин?

Длинный пожал плечами:

– Не видно.

– Быстро сможешь всё проверить?

– Попробую...

– Давай!

Долговязая фигура Длинного снова нырнула во двор. Бес нервно пристроился под козырьком подъезда дома напротив.

Минута бежала за минутой, а Длинный всё не возвращался. Но вот он, наконец, появился, закрутил головой. Бес свистнул из укрытия. Длинный бегом пересёк улицу, тяжело выдохнул:

– Порядок!

– Подождём здесь, – сказал Бес. – Посмотрим, поедет ли...

Ждать пришлось долго, почти до полудня. Утомились, зато убедились: «Москвич» всё же выехал со двора, осторожно покатил по остекленевшей от ночного морозца мостовой.

– В машину! – скомандовал Бес и первым выскочил из укрытия.

До угла добежали в несколько секунд. «Девятка» рванула с места, ринулась за «Москвичом». Тот миновал одну улицу, другую, свернул на дорогу, ведущую к автозаправочной станции, и вдруг на крутом поворотном спуске завилал и врезался во встречный «КрАЗ». Сразу образовалась пробка.

Бес выскочил на дорогу, протиснулся сквозь толпу шоферов к месту аварии.

– Что с «Москвичом»? – спросил он одного из них.

– Почти в «гармошку» сложился.

– А водитель – жив?

– От такого-то удара? Погиб мгновенно.

Бес судорожно икнул, попятился к своей машине. А в голове мелькнула мысль: удастся ли так же ловко справиться с фотоаппаратом?

4

Утром Глазунов проснулся от щелчка дверного замка. Опустил на пол ноги, надел брюки, заглянул в комнату. Наташи не было. На застеленной кровати лежал листок бумаги, на котором было что-то начертано простым карандашом.

«Спасибо за всё!» – прочитал он и посмотрел на часы: без пятнадцати восемь.

«Потом поговорим» – вспомнил Глазунов слова Наташи и досадливо усмехнулся: «Вот и поговорили. Полный облом! Теперь ищи-свищи ветра в поле».

Он прошёл в ванную, побрился, умылся. Потом стоговил на кухне завтрак. А из головы всё не выходила мысль о Наташе: от кого убежала и почему?

В половине девятого он вышел на улицу. Дул холодный, пронизывающий ветер, а хмурое небо было по-прежнему почти сплошь затянуто тяжёлыми облаками. В такую погоду и в отпуск идти не хочется, но придётся: по графику ему гулять в апреле, а сегодня уже десятое число, пора подавать заявление.

С этой мыслью и переступил порог редакции. И почти полдня просидел за столом, набрасывая вместо радужного очерка о заштатном городишке черновик тревожного репортажа о разладе и сумятице в головах горожан в связи с внезапно наступившим в стране дефолтом.

А во второй половине дня у него состоялся крутой разговор с главным редактором. Тот ничего и слушать не хотел о подобном сочинении. Взгляд усталый, иронический. Упрекал в непонимании сложившейся в стране ситуации, в попытках очернительства. Однако, в конце концов, примирительно взглянул из-под густых бровей и сказал:

– Ладно, не ерпенься. Посмотрю на досуге... А тебе отдохнуть надо. Давай-ка, брат, в отпуск! Отвлекись от всей этой суеты. Договорились?

Расстроенный Глазунов тут же начеркал заявление об отпуске и молча вышел из кабинета редактора. К себе идти не хотелось, и он отправился к Губенко. Павел встретил его, как обычно, радушно:

– Привет, дорогой! Какие новости?

В его крохотной фотолаборатории, погруженной в алый полумрак, из водопроводного крана журчала вода, повсюду стояли бачки, ванночки, глянцеватели... Глазунов с трудом нашёл для себя свободное место у монтажного столика.

– Какие там новости, – раздражённо отозвался он. – Вот, в отпуск собрался.

– Что так скоро?

– Главный гонит. Отдохни, говорит, от забот и хлопот. Мой репортаж о Григорьевске зарубил.

– Какой репортаж? Мы собрались делать очерк.

– Не получается он, Паша, не получается. Ты забыл, с кого мы там снимки делали? Ни одного улыбчивого лица...

– Значит, зря старались.

Он убрал в шкафчик кассеты с плёнками, раздражённо выключил красный фонарь, поднял на окне чёрную штору. В комнатухе сразу стало светло.

Помолчали немного. Губенко снял с глянцевателя пару свежих снимков.

– Хочешь взглянуть?

Глазунов протянул руку.

На одном из снимков, тёмном и, как бы смазанном, было запечатлено прильнувшее к стеклу салона автомашины какое-то привидение.

– Кто это? – недоумённо спросил Глазунов.

– Не узнаёшь? А кто нам вчера грозил кулаком?.. Да-да, тот самый малый. Жаль, что снимок не получился. И всё же, хочешь – подарю?

– Зачем он мне?

– На память. О вчерашнем происшествии... Кстати, что с той девушкой?

– Исчезла...

– Куда? Говорят, ты приютил её вчера.

– Ну и что? Утром ещё и глаза не успел протереть, как она хлопнула дверью.

– И ты с ней так ни о чём и не поговорил: кто она, откуда, что с ней случилось?

– Вчера уже была ночь на дворе...

Губенко расхохотался.

– Узнаю!... Узнаю джентльмена!... Ну, ты даёшь! Приводишь к себе неизвестно кого и боишься рот открыть? Как же, побеспокоишь даму. Она хоть хорошенькая? Не разглядел я вчера, в потёмках-то.

– Девчонка как девчонка.

– И ты, чудак, не воспользовался случаем, не приударил за ней?

– Зачем? И без того не в себе была.

– Хорош!... Хорош!... Так ты никогда и не женишься. «Не в себе была»... А почему? Кто за ней гнался вчера?.. Не заявить ли об этом в милицию, как думаешь?

Глазунов поднялся.

– По-моему, не следует. Что там скажем? Может, поссо-рилась с дружкой, вот и... Лучше выйдем в коридор, покурим.

А в коридоре царил непонятная суэта. Чем-то встревоженные сотрудники редакции сновали по лестницам с этажа на этаж, слышались вздохи...

Глазунов остановил одну из сотрудниц.

– Что случилось?

– А вы и не знаете? Костя Добриков погиб.

– Как погиб?!

– Попал в аварию. Ехал на заправку и врезался в грузовик.

Глазунов нервно закурил сигарету. Костя Добриков, любимец редакции, всегда и во всём безотказный, старательный, выдержанный и аккуратный, и вдруг... его уже нет. Это не укладывалось в голове.

Губенко тоже стоял хмурый.

– Не нравится мне эта история, – сказал он тихо, как только сотрудница исчезла из коридора.

– Чем не нравится? – спросил Глазунов.

- Не мог он вот так-то... Шофёр, что надо.
- Позвоним в ГАИ?
- Давай.

Они прошли в небольшой кабинет Глазунова. Дежурный ГАИ сказал, что в случившемся, по всей вероятности, повинен водитель частной «Волги», допустивший неправомерный обгон «Москвича» Добрикова, в результате чего и создалась аварийная ситуация. Следовавший в противоположном направлении автомобиль «КрАЗ», чтобы не столкнуться с «Волгой», выехал на обледеневшую обочину, откуда его выбросило на встречную полосу к «Москвичу». Добриков, по-видимому, пытался уклониться от удара, но не справился с управлением и... Водитель «Волги» с места происшествия скрылся, ведётся его розыск.

- Вот так-то, – вздохнул Глазунов, положив трубку.
- Я этому частнику рожу намылил бы, попадись он мне при встрече. Такого парня загубил!... – вскипел Губенко.
- Наверное, пьяный был.
- Тем более. Хотя... не верится в это.
- Почему?
- Да из головы не выходят те, из «девятки». Не их ли работа?
- Ты с ума сошёл, Паша! С чего бы им такое?
- Вот и я думаю – с чего? Ну, взяли мы Наташу, не оставились...
- «Девятка» и «Волга» – как-то не стыкуется. Скорее всего, и впрямь случайность.
- Губенко искоса взглянул на друга.
- Ладно. Пойду, пожалуй... Хотя, какая уж сегодня работа.
- Губенко было двинулся к двери, но остановился.
- А ты всё же Наташу поищи, – добавил он, обернувшись.
- Зачем?
- Надо бы узнать, кто был в «девятке».
- Не веришь в несчастный случай с Костей?
- Не верю. Сейчас столько всякой сволоты развелось.

На другой день после похорон Добрикова, Глазунов отправился в редакцию оформлять отпуск. И хотя погода уже наладилась, настроение у него было не отпускное. Мысли вновь и вновь возвращались к трагической гибели товарища.

«Жил человек – и нет его... Как нелепо погиб парень, – с горечью думал он. – Что в его смерти – роковая случайность или действительно чей-то злой умысел?»

На улице было тепло и солнечно. Подсохли тротуары, самой настоящей весной веял лёгкий ветерок.

Глазунов ускорил шаг и уже через несколько минут был в редакции. Походил по кабинетам, распрощался с коллегами, получил в бухгалтерии отпускные, а напоследок зашёл к Губенко. В его лаборатории царил всё тот же алый полумрак, а сам он был непривычно хмур и немногословен.

– Может, всё-таки сходим в милицию? – предложил Губенко, обменявшись с другом двумя-тремя ничего не значащими фразами.

– Пойдём, сходим, – на этот раз согласился Глазунов, чтобы хоть как-то успокоить его. – Я теперь человек свободный, – с грустной улыбкой добавил он. – Могу и в милицию, и на край света махнуть – времени хватает.

– Да не о времени говорю! – взвился Губенко. – Ну, не верю я в случайность происшедшего с Костей, Что-то здесь не так, понимаешь?

– Понимаю, понимаю. И я не о времени. Когда пойдём?

– Сейчас сколько?

Глазунов посмотрел на часы.

– Всего одиннадцать.

– Вот сейчас и пойдём. С редактором я договарюсь. Посиди здесь минуту, я – мигом!

Губенко и в самом деле не задержался у редактора.

– Пойдём прямо в угрозыск, – возбуждённо сказал он, увлекая Глазунова на улицу. – Расскажем там о Косте, о той девчонке... Ты всё же думаешь поискать её?

– Попробую, если понадобится.

К городскому отделу милиции шли молча, хотя каждый думал об одном и том же: отнесутся ли там серьёзно к их сомнениям?

За стеклянной перегородкой дежурной части горотдела сидели двое: за столиком у окошка – пожилой, тучноватый капитан, за пультом – молодой младший сержант. Журналисты представились капитану, предъявив редакционные удостоверения. Капитан привычно – терпеливо выслушал просьбу встретиться с руководством угрозыска, с кем-то созвонился и предложил им пройти в комнату номер семнадцать к начальнику уголовного розыска Корнееву.

Корнеев – лет сорока широкоплечий крепыш в тёмно-синем костюме, встав из-за стола, встретил их зычным голосом:

– Здравствуйте, товарищи... Капитан Корнеев. Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь.

Они тоже представились.

Губенко первым прошёл к столу, уверенно сел. Глазунов последовал за ним.

– Итак, я вас слушаю, – сказал капитан.

Друзья переглянулись: кто будет говорить, и с чего начать? Глазунов по-прежнему не был уверен, надо ли вообще о чём-то рассказывать.

И тогда заговорил Губенко. Волнуясь, торопливо, словно боясь, что его вот-вот прервут. Но капитан слушал с интересом, плотно придвинувшись к столу, сложив на его тёмной, полированной крышке крепкие руки.

Когда Губенко, наконец, умолк, капитан задумчиво откинулся на спинку стула.

– М-да... История с этой девицей мне тоже не очень нравится. Но, с другой стороны... – он перевёл внимательный взгляд с Губенко на Глазунова, потом опять на Губенко – и закончил свою мысль: – Я пока не вижу прямой связи этой истории с гибелью Добрикова. Ведь если согласиться с тем, что аварию ему подстроили пассажиры «девятки», то возникает вопрос: чем для них он был так опасен? Другое дело,

например, – вы, товарищ, Губенко. Всё-таки сфотографировали их... Кстати, – встрепенулся Корнеев, – вы проявили пленку?

– Проявил, – безрадостно ответил Губенко. – Безнадёжное дело – одна чернота и расплывчатость. В каких условиях-то снимал...

– М-да, – опять протянул капитан. – Что же мне делать с вашей информацией?

Губенко вспыхнул:

– Без неё вам спокойнее? Не надо дело возбуждать, кого-то искать.

Капитан усмехнулся.

– У вас какое-то превратное мнение о нас. Нет, свой хлеб мы даром не едим. Работа есть работа!... Отмахнуться от вашей информации нам совсем не резон. Я о другом думал – как правильнее распорядиться ею.

Глазунов с облегчением перевел дух. Всё это время, пока шёл разговор, он чувствовал себя не очень удобно: побаивался, что здесь их примут за пустых фантазёров.

– Распорядиться надо так, – сказал он, – отыскать эту девушку, её Наташей зовут. Через неё и выйти на предполагаемых виновников гибели Добрикова.

Капитан перевёл на него взгляд и снова чуть заметно усмехнулся.

– А как найти её – вы знаете? Где она живёт, работает или учится?

Глазунов смутился.

– Где живёт – не знаю. Говорила – учится в институте.

– В каком? У нас с вами нет ни её фамилии, ни фото. А поискать Наташу, конечно, надо: может, и впрямь девушка в беду попала, коль её так настойчиво проследовали. Поможете составить фоторобот?

Глазунов кивнул и тут же с огорчением спросил:

– А что с Добриковым – никакой проверки по факту его гибели не будет?

– Почему же... Она и сейчас ведётся, но в ГАИ. – Капитан потянулся к телефону, снял трубку, набрал номер.

– Михеев? Это из угрозыска Корнеев говорит... Разъясника мне, пожалуйста, в чём суть дорожного ЧП с водителем Добриковым. Так... Так... Криминал усматривается?.. Нет?.. А автотехническую экспертизу проводили?.. Как для чего?.. Что значит – и так всё ясно?.. А мне вот, к примеру, неясно!.. Ну да, не справился с управлением... А почему?.. Возможно, тормоза отказали?.. А почему отказали?.. Сейчас трудно установить?.. Металлолом, говоришь? Вот и надо покопаться в нём. Кто ведёт дело?.. Ты сам?.. Ну, так что же ты, Вася! Короче, мне, как и тебе, конечно, срочно нужен акт автотехнической экспертизы. И водитель той частной «Волги»... Всё, желаю успеха!

Капитан положил трубку, о чём-то секундочку подумал. Потом взглянул на журналистов, улыбнулся и тихо сказал:

– С товарищем моим, из ГАИ, разговаривал. Толковый работник, и специалист хороший... Так что, не подумайте о нём плохо – просто сегодня запарился, вот в горячке и спорол чушь, потом сам всё равно до всего дошёл бы, выяснил истину. Он ведь тоже... – капитан взглянул на Губенко, – ужас, какой характерный.

Губенко с Глазуновым промолчали, лишь, как по команде, отёрли с лица испарину.

В кабинете, и в самом деле, было душно. Капитан поднялся, прошёл к окну, открыл форточку, и всем стало легче. Корнеев вернулся, снова склонился над столом.

– Так что же нам делать с вашей информацией? – без перехода повторил он свой вопрос и опять поочерёдно оглядел их. – У нас здесь пока нет оснований для возбуждения уголовного дела. Мало ли почему преследовали ту девушку: вдруг – просто приглянулась. Вы согласны?

Они нехотя кивнули.

– Ну вот, – продолжал капитан, словно не замечая их разочарования – оснований нет, хотя, сама по себе, как я уже говорил, эта информация заслуживает внимания и должна быть проверена. Значит, сделаем так... – он выпрямился. – Я сейчас запишу её как нашу с вами беседу и поработаю с ней. Не возражаете?

На этот раз кивки журналистов были живее.

Капитан выдвинул ящик стола, достал из него стопку листов чистой бумаги, положил один из них перед собой и принялся писать, уточняя у журналистов отдельные детали. Через полчаса процедура составления документа была закончена.

– А когда займёмся составлением фоторобота Наташи? – спросил Глазунов.

– Давайте прервёмся немного, – предложил капитан. – Сходите пообедать. Я тоже перекушу... Часам к трём и возвращайтесь.

– Значит, всё-таки будете искать Наташу? – не отступался Глазунов.

– Конечно. Девушку надо отыскать во что бы то ни стало. Ради её же безопасности, если Наташе что-то или кто-то угрожает, и... – капитан замаялся.

– И? – переспросил Губенко.

– Ради вас, товарищи, тоже, – твёрдо закончил капитан.

– Что имеете в виду? – насторожился Глазунов.

– Если следовать версии, что Добрикова убрали... – Капитан на секунду умолк, смущённо закашлялся.

– Извините, товарищи, за такое неприятное выражение, как «убрали», – заговорил он снова, – но это слово яснее отражает суть проблемы... Ну, так вот, если следовать этой версии, и если результаты автотехнической экспертизы, пусть даже косвенно, тоже наведут на это, то следующим кандидатом должен быть кто-нибудь из вас.

Капитан поднялся, задумчиво прошёлся по кабинету.

– Да, кто-нибудь из вас, – повторил он, остановившись. – Вот только... Почему? Из мести – что не послушались их? Не остановились? Невероятно!

Глазунов и Губенко тоже встали. Мысль капитана о том, что их жизни угрожает опасность, теперь, после трагического случая с Добриковым, не казалась им такой уж неправдоподобной, наоборот – вызвала беспокойство.

– Ну что же, – подошёл к ним капитан. – До встречи после обеда?

Друзья натянуто улынулись в ответ.

Как только за ними закрылась дверь, капитан возвратился за стол, крепко задумался. Он чувствовал, что всё больше подпадает под воздействие убеждённости молодых журналистов, что авария была подстроена их товарищу, однако оставалось и сомнение, казалось фантастичным само такое предположение. «Газетчики – народ, склонный к домыслу, – размышлял капитан. – Не попасть бы с ними в историю...»

Но привыкший не оставлять без внимания никакие, даже кажущиеся мелочью, факты, он не мог отмахнуться и от объяснений журналистов.

«А если Добрикова устранили как опасного свидетеля, способного опознать пассажиров «девятки», преследовавших Наташу, то какое или какие ещё страшные преступления скрываются за всем этим?» – подумал капитан и снова потянулся к телефону.

– Терентьев? – сказал он в трубку. – Это Корнеев. У тебя в НТО кто-нибудь из экспертов-криминалистов будет после обеда?.. Отлично, я подойду к вам с двумя товарищами. Надо срочно составить фоторобот. Ты не возражаешь?.. Ну, и лады. До встречи!

К вечеру фоторобот Наташи уже лежал у него на столе.

6

... Наташа! Где искать её? В городе немало институтов, и Глазунов решил обойти все, начав с педагогического, в котором, как и в медицинском, девушек больше. Прикинул и схему поиска: сначала поговорить с вахтёрами – они-то уж всех студентов знают и помнят, потом – побывать на кафедрах... Его расспросы не должны удивить или насторожить, ведь он репортёр, так и будет всем представляться. Мол, девушка прислала в редакцию интересную заметку, а не подписала её, да и адрес не указала. Глазунов допил свой утренний кофе, надел плащ и решительно вышел из дома.

Этот понедельник обещал быть тихим и тёплым. Ярко светило солнце, кое-где на газонах проклёвывалась нежная

зелень травы, а на тополях чуть слышно лопались почки... Всё это радовало, поднимало настроение.

Пожилая вахтерша пединститута тетя Фрося, внимательно выслушав его, наморщила лоб, пытаясь отыскать в глубинах своей памяти образ Наташи, но, через несколько секунд, вздохнув, вымолвила:

– Не припоминаю такой... Уж, не взыщите, товарищ корреспондент.

Глазунов отнёсся к этому спокойно. Он и не рассчитывал на скорый успех, молча разглядывал спящих по вестибюлю студентов.

Ничего утешительного не могли сказать и на кафедрах. «Отсутствие желаемого результата-тоже результат, – философски подбодрил себя. Глазунов – Теперь – в мединститут!»

Но и у медиков о Наташе ничего не было известно. День заканчивался, и Глазунов устало зашагал в редакцию: ему вдруг захотелось снова встретиться с Губенко. В душе почему-то возникла непонятная тревога.

Вот и знакомая девятиэтажка, где на первых двух этажах располагалась редакция. У подъезда приткнулся к бордюру тротуара сине-жёлтый «Уазик» милиции. Для Глазунова это было такой неожиданностью, что он на миг остановился. Сердце неприятно заныло: что ещё случилось? Он рванулся к подъезду, взлетел по лестнице на второй этаж. По всему его коридору невесело бродили чуть ли не все работники редакции. Даже Главный угрюмо расхаживал здесь же. Глазунов подивился его виду: плечи сторбились, под глазами мешки...

– Что случилось, Михаил Иванович?

Редактор кивнул головой в сторону фотолаборатории:

– Опять напасть навалилась... Губенко погиб.

На некоторое время Глазунов словно впал в прострацию, потом медленно пришёл в себя, лицо перекошилось, как от боли.

– Паша погиб?.. Не может быть! Как? Когда?

– Полчаса назад... Я всё же решил рискнуть дать в очередной номер твой репортаж. Попросил Губенко срочно подготовить снимки. Он ушёл от меня и... То ли фотоувеличитель

оказался неисправным, то ли Губенко сам оплошал... Словом, током ударило. Пашу уже увезли. – Редактор опять кивнул в сторону лаборатории – Сейчас там работники милиции.

Он скорбно махнул рукой и умолк.

Глазунов ощутил в груди пустоту, словно рухнул с высокой скалы в бездонную пропасть. Он обессиленно прислонился к стене. Разум отказывался верить в случившееся.

Дверь фотолаборатории открылась, и в коридор вышел Корнеев. Он окликнул редактора, и минуты две они о чём-то тихо поговорили. Затем редактор попросил всех сотрудников разойтись по кабинетам. «Так как, возможно, с вами захотят побеседовать работники милиции», – вяло добавил он и первым уныло поплёлся в свои апартаменты.

Корнеев развернулся, заметил Глазунова, тут же подошёл к нему.

– Здравствуйте.

Глазунов молча обменялся рукопожатием.

– Вижу, переживаете за друга, – продолжал капитан, понизив голос. – Что и говорить, грустная история.

– Опять несчастный случай? – глухо спросил Глазунов.

Капитан на секунду задумался.

– Пройдёте к вам в кабинет, – предложил он. – Там и поговорим?

Глазунов тоже помедлил с ответом.

– Вообще-то, я в отпуске... Но можно и ко мне.

– Так что же всё-таки произошло? – спросил он, как только они очутились в его кабинете.

– Пока гипотеза одна – несчастный случай, – немного помолчав, подтвердил капитан. – Губенко, видимо, погиб от контакта с включенным в сеть фотоувеличителем, внутри которого электрошнур оказался частично оголённым и соприкасающимся с корпусом аппарата. Вот ведь какая нелепость. – Он внимательно посмотрел на репортёра. – Или опять думаете иначе?

– Думаю, – коротко бросил Глазунов. – Электрошнур можно преднамеренно оголить.

Капитан вздохнул.

– Возможно, вы и правы. Посмотрим, что скажет электротехническая экспертиза.

– А каков результат автотехнической? Её провели в ГАИ?

Капитан ответил не сразу. Сначала попросил разрешения закурить. И лишь вдохнув дымок сигареты, сказал:

– Экспертизу-то провели...

– И что же? Или это следственная тайна?

– В какой-то степени – да... Пока могу назвать ещё одну из причин аварии «Москвича» – слабо закреплённый штуцер тормозного устройства... Вы что-нибудь смыслите в автоделе?

– Не очень, – признался Глазунов.

– Специалисты говорят, что это привело к утечке тормозной жидкости в цилиндре, и тормоза машины не работали.

– Но Добриков шофер экстра-класса! Он не мог бы не закрепить этот проклятый штуцер!

Капитан снова глубоко затянулся дымком сигареты. То, что Добриков был специалистом своего дела, он уже знал. Знали это и в ГАИ, поэтому там тщательно исследовали злополучный штуцер. Выявили на нем и на цилиндре отпечатки пальцев. Некоторые из них не были идентичны отпечаткам погибшего. Но вот об этом капитан был не вправе сейчас говорить. Он лишь уточнил:

– Кто-нибудь из сотрудников редакции или друзей Добрикова пользовался его машиной?

– Нет. Он берёт её пуце глаза. Машина, хотя и старенькая, но всё же, благодаря заботам Кости, ещё могла бегать и бегать. Он чистил, смазывал, следил за каждым винтиком.

– Ясно... А в лабораторию Губенко кто был вхож?

– Ну, знаете ли!... Уж не думаете ли вы, что кто-нибудь из нас, журналистов, причастен к его гибели?

Корнеев и бровью не повёл.

– Не там ищите, товарищ капитан, – запальчиво продолжал Глазунов. – Кроме меня, у него не бывал никто, незачем было. Паша и приборку сам делал.

– Да вы успокойтесь, – примирительно сказал капитан. И подосадовал, что не мог выложить собеседнику всю правду: в замке двери лаборатории эксперт НТО горотдела обнаружил свежую царапину, а это наводило на кое-какие мысли. Выявлены и чьи-то следы обуви, с ними тоже следовало бы поработать... По мнению же самого Корнеева, с детства увлекавшегося фотоделом, не поддавался объяснению отмеченный хаос в хранении фотоплёнок: кассеты с ними, несмотря на имеющиеся специальные ящички, были словно вытряхнуты из них, грудями и вразброс валялись на полках шкафчика, что не позволил бы себе ни один фотограф. Капитан загасил сигарету.

– Почему вас об этом спросил: порядок у нас такой – выяснять все обстоятельства, чтобы установить истину. Вы ведь в ней тоже заинтересованы, не так ли?

Глазунов опустил голову. Он уже не рад был своей вспышке: капитан добросовестно делал своё дело.

– Извините, – сказал он тихо. – Я погорячился. Что-то нервы за последнее время сдали.

– Ещё бы не сдать, – согласился Корнеев. – Подряд два таких происшествия. – А про себя с тревогой подумал: «Как бы не было вскоре и третьего». А подумав так, торопливо заинтересовался: – А те двое в «девятке», они могли видеть вас в машине Добрикова?

Глазунов сразу уловил смысл вопроса, невесело усмехнулся:

– Думаете, следующий на очереди в покойники я?.. Нет, маловероятно. В машине сидел по другую сторону товарищей. К тому же, было темно... Как обо мне узнают? А вот за Наташу беспокоюсь. Если всё это дело рук её преследователей, то, наверное, ей больше угрожает опасность, чем мне.

«Пожалуй, – мысленно согласился с ним капитан. – Но как они вычислили его друзей? И почему решились на такое?.. Побоялись, что те заявят нам об этой погоне? Что же опасного было в этом?.. Загадка!»

Он снова посмотрел на журналиста.

– Вы не пытались отыскать Наташу?

– А вы?

– Специально – нет. Но дополнительно к другим заданиям личный состав горотдела сориентирован о ней... Но вы мне не ответили.

– Да, искал. Пока – безрезультатно.

Глазунов на мгновение умолк, потом вновь поднял на Корнеева загоревшиеся глаза.

– Я вот о чём подумал!... Почему бы вам не опросить сотрудника ГАИ, о котором мы упоминали? В ту ночь он остановил эту «девятку». Может, и номер её записал?

«Молодец журналист, – похвалил его в душе капитан. – Голова работает». А вслух сказал:

– Это идея. Спасибо. И всё же мой вам совет – посидите пока дома, или поезжайте куда-нибудь на отдых. Вы же в отпуске! А мы тут сами постараемся во всём разобраться.

Глазунов вновь запальчиво отреагировал:

– Вот уж спасибо за заботу! У меня один за другим гибнут товарищи, а я должен дома отсиживаться? Нет! Вы делайте своё дело, а я... буду искать Наташу. Ей больше грозит опасность. А за мою жизнь беспокоиться не надо, я сам могу постоять за себя.

Капитан достал из пачки ещё одну сигарету.

– Хорошо. Поступайте, как хотите, Но давайте договоримся – звоните мне, если что. А я – вам. Дома есть телефон?

Глазунов молча подал ему визитную карточку. Капитан спрятал её в бумажник, закурил сигарету и стал прощаться:

– Что ж, до свидания... И всего вам хорошего.

– Вам тоже, – всё ещё сердито отозвался Глазунов. – Позвоните мне, как поговорите с постовым ГАИ.

Капитан кивнул, однако, твёрдо решил больше ни о чём не рассказывать этому закусившему удила журналисту и как можно быстрее, на всякий случай, прикрыть его своими оперативниками.

Похороны Павла острой болью отозвались в сердце Глазунова. Бросая горсть земли в его могилу, с трудом сдержал

готовые вырваться слёзы. Зато они обильно струились по серокаменному лицу вдовы друга, застывшей с двумя крохотными девчушками у края глубокой, чёрной ямы. Вспомнились и похороны Добрикова.

«Зачем и кому понадобились эти трагедии?» – подумал Глазунов.

Он стиснул зубы, мысленно поклявшись любой ценой отыскать и вытащить виновного на свет божий и на суд людской. «А путеводная ниточка к этому есть, – думал он, – только бы найти Наташу!»

Но побывал в следующем институте, химико-технологическом, лишь в четверг, после похорон. Бродил по коридорам, заглядывал в аудитории – Наташи не было нигде, и никто не мог ничего сказать о ней. Лишь однажды показалось, что мелькнул лучик надежды: встретившийся ему в коридоре института средних лет человек с аккуратной чёрной бородкой, в элегантном светлом костюме – заведующий кафедрой органического синтеза материалов Вячеслав Андреевич Верховский, словно в раздумье, замедлил с ответом.

– К сожалению, таковой не знаю, молодой человек.

Глазунов вышел на улицу. Куда теперь? Он взглянул на часы – было около двух, самое время где-нибудь перекусить. Решил заглянуть в ближайшее кафе. Посмотрел там меню и ахнул – цены небывалые! Возросли в два-три раза. Но в зале так вкусно пахло жареным мясом, а в желудке так противно посасывало от голода, что он махнул рукой и решительно прошёл в глубину зала.

Народу в кафе было немного: то ли заканчивалось время обеда, то ли отпугнули возросшие цены... Как бы там ни было, за столиком он находился в одиночестве, да и за другими сидели по одному – два человека. Он ел свой любимый борщ, жевал аппетитную отбивную, а сам всё думал о Наташе: где она может быть? И тут его взгляд упал на выходящую из соседнего зала золотоволосую девушку в голубом плаще: – «Да ведь это Наташа!»

Торопливо обтерев губы бумажной салфеткой, Глазунов рванул след за девушкой. Нагнал уже на улице.

– Наташа!

Она обернулась. Сразу было видно, что узнала. Однако брови её нахмурились.

– Подождите, Наташа. – Глазунов поравнялся с ней. – Вы мне очень нужны. Нам надо поговорить.

– Где, здесь?

Глазунов осмотрелся. Почти рядом, на другой стороне улицы, начинался сквер.

– Пойдёмте в скверик.

Увидев в глазах девушки замешательство, настойчиво взял её под руку, повёл через улицу.

В скверике были лишь молодые мамы с детскими колясками, да несколько старичков и старушек. Глазунов отыскал в глухом уголке свободную, тёплую от солнца скамейку.

– Так в чём дело? – сухо спросила Наташа.

Глазунов помедлил с ответом. Раньше думал, что увидит её, и тут же выложит все свои тревоги, горести и сомнения. А вот сейчас не знал, с чего начать.

Наташа глядела в сторону, ждала.

– Я искал вас... Все эти дни искал.

– Зачем? Разве дала к этому повод? Или жалеете, что не воспользовались случаем, когда я оказалась в вашей квартире, и теперь решили наверстать упущенное?

Глазунов покраснел. Но, справившись со смущением, грубовато сказал:

– Да, было и такое: я ведь не монах, да и вы не уродина. Но сейчас меня это уже не волнует.

Девушка с удивлением посмотрела на него. На миг ему показалось, что интерес, возникший было в её глазах, сменился разочарованием.

– А что же волнует?

– Погибли двое моих товарищей. Те самые, что были со мной, когда вы сели к нам в машину. Добриков и Губенко.

В глазах Наташи застыла тревога.

– Погибли?

– Да. Первый – на другой же день, в автокатастрофе, второй – вскоре после этого.

– И что же? Почему вы искали меня?

– Да потому, что их смерть вряд ли случайна! – взорвался Глазунов. – И вы, быть может, как-то причастны к этому.

Девушка вздрогнула. То ли от его тона, то ли от внезапного тяжкого обвинения. Губы её затряслись.

– Я не понимаю...

– Да что не понимать-то? – со вздохом приглушил голос Глазунов, уловив её обиду. – Как вы оказались на нашем пути? Почему те, в «девятке», преследовали вас?

В потемневших глазах девушки отразилось сильное волнение.

– Так вы считаете, что они... что из-за меня?..

Глазунов кивнул.

Девушка призадумалась.

– Не может быть, – с тревогой прошептала она. – Причём здесь ваши друзья?

– Вот и пытаюсь это выяснить. Я искал вас по всем институтам. Где вы учитесь?

Наташа горько усмехнулась.

– Уже не учусь... Сама себя вышибла.

– Как так?

– Прилип там ко мне один препод, не отвязаться...

Она снова задумалась.

– Да, чувствую, попала из-за него в болото, в грязь... Теперь и не выбраться, не отмыться, наверное.

– Это он вас преследовал в тот вечер?

Девушка крутнула головой.

– Нет... – Её голос дрогнул. – Если бы вы знали, какая я, оказывается, дурёха!

Глазунов пожал плечами.

– И вы правы, – сбивчиво продолжала она, – может, я и повинна в гибели ваших друзей. Эти парни, что гнались за мной, Бес и Длинный, они действительно способны на любую пакость. Им, наверно, приказали.

– Кто? Почему? Говорите ясней!...

– А что вы сможете? Нет уж, лучше нам расстаться. Не подводите себя, не допытывайтесь. О вас-то они, наверное, ничего не знают.

Она встала, полуобернувшись к нему. И вдруг её глаза испуганно округлились, лицо побелело, губы приоткрылись, готовые выплеснуть крик. Он уловил за спиной какой-то шорох. В тот же миг что-то тяжёлое обрушилось ему на голову и сбросило его со скамейки. Он попытался подняться. Всё плыло перед ним, как в тумане. Но успел заметить троих парней в рыжих кожаных куртках и фирменных джинсах, прежде чем новый удар сбил его с ног. Потом послышалась чья-то возня, глухие возгласы, попеременно с матом, топот ног...

Очнулся он от лёгкого похлопывания по щекам. Окажется, сидел прямо на асфальте, раскинув ноги, спиной к скамейке. Рядом, на корточках, пристроился незнакомый, средних лет мужчина, со свежей ссадиной на щеке.

Незнакомец облегчённо вздохнул.

– Как самочувствие? Сможете идти?

Глазунов осмотрелся. Старичков и старушек как ветром сдуло. Молодые мамы тоже торопливо увозили в колясках своих детишек. Ни Наташи, ни парней... Одни воробьи безмятежно шумели над головой. С помощью незнакомца, он с трудом поднялся.

– Со мной была девушка, – сказал Глазунов, едва шевеля разбитыми в кровь губами. – Что с ней?

Незнакомец поднялся, потёр ссадину.

– Они затащили её в машину... За штaketником стояла. Я не успел... Попридержали меня.

Глазунов стряхнул с плаща и брюк комочки земли.

– Спасибо вам.

– Вы в состоянии идти? Как себя чувствуете?

– Нормально.

– И куда теперь?

– Не знаю...

– Дуйте в милицию – расскажите там, как всё случилось.

Глазунов внимательно посмотрел на незнакомца. Тот спокойно выдержал его взгляд.

– Кто вы? – спросил Глазунов. – Как оказались здесь – случайно?

Незнакомец покрутил по сторонам головой.

– И всё же я советую вам побывать в милиции. Мало ли что... – уклонился он от ответа. Повернулся и зашагал к выходу.

Глазунов побрёл следом. Голова гудела, колени дрожали. Он шёл и думал о бесстрашном незнакомце. Случайно ли тот оказался рядом в нужный момент? Уж не Корнеев ли приставил приглядывать?

«А-а, всё равно! – решил он. – Жаль только, Наташу опять потерял».

Вспомнив о девушке, Глазунов остановился. «А с ней что теперь будет? Может, действительно, податься сейчас прямо к Корнееву?.. Нет, капитан замучает вопросами. А что он ответит? Даже ни адреса, ни фамилию Наташи не узнал».

Да, он не пойдёт к нему. Будет сам продолжать поиск, и уж если вернётся к капитану, то лишь с убедительными фактами преступной деятельности напавших на него парней. На то он и журналист, чтобы уметь добывать факты. В этом его работа мало чем отличается от действий любого детектива. А к опасностям и угрозам ему не привыкать – столько их было за годы работы в газете!...

С этими мыслями и вернулся домой, чтобы привести себя в порядок, наметить план новых поисков. Но только присел за стол, как навалилась усталость, и уже ни о чём не хотелось думать. Он направился к кровати, и тут послышалась трель телефона.

– Владимир Николаевич? – раздался в трубке голос Корнеева.

– Да, я. – Недовольно ответил Глазунов.

– С вами всё с порядке?

– А что со мной может случиться?

– И всё же?..

В голосе капитана звучала ничем не прикрытая тревога, и Глазунов решил сменить свой тон. Всё-таки человек беспокоится о нём, проявляет заботу, так зачем фанфарониться? Ещё немного подумав, признался, что попал сегодня в неприятный переплёт.

– А почему вы мне позвонили? – спросил он, закончив рассказ. – Есть новости?

– Да, – коротко ответил капитан. – Сможете приехать в горотдел?

– Я, собственно, хотел отдохнуть...

– Отдохните. Часа два хватит?

– Конечно.

– Ну, так буду ждать вас.

Два часа пролетели, как одна минута. Кажется, не успел он глаза закрыть, а уже затрезвонил будильник. Глазунов заставил себя подняться, встать под холодный душ. И через несколько минут, растираясь жёстким полотенцем, почувствовал, как силы вновь возвращаются к нему. Вскоре он уже был в кабинете Корнеева. Капитан внимательным взглядом окинул его с головы до ног.

– Смотрите ничего. Даже прилично. – Он указал ему на стул. – Нападавших запомнили?

Глазунов попытался представить их себе.

– Один – долговязый такой, рыжеватый, почти с лошадиным лицом. Второй – поменьше, симпатичней. Волосы, как у девицы – вьющиеся, длинные, до плеч... Тоже блондин... Третьего не разглядел.

Он умолк, заметив на лице капитана выражение удивления и тревоги, появившееся при описании парней. Но тот уже задал новый вопрос:

– А что рассказала Наташа?

Глазунов поскуцнел.

– Почти ничего. Не успела.

– Даже – где живёт, учится?

– Ничего.

– Жаль? Где вы встретились с ней?

– В кафе «Волна». Зашёл перекусить, а Наташа уже на выход шла.

– И её реакция?

– Занервничала.

– Вам так показалась или...

– Или! Потому и не удалось ничего выяснить.

– Но о чём-то всё же поговорили?

– Я рассказал о смерти Добрикова и Губенко. Не скрыл, что считаю её косвенно виновной в этом. Попросил Наташу объяснить, кто и почему преследовал её.

– И что же она?

Глазунов, как мог подробнее, пересказал содержание их разговора.

«Бес» и «Длинный», – повторил капитан клички парней. И по тому, как он потом озабоченно взглянул на него, Глазунов понял, что ранее они уже были известны ему.

– При случае, сможете опознать их?

Глазунов кивнул.

– А убегала Наташа, значит, от другого человека. И не только потому, что приставал, – задумчиво продолжал капитан. – Интересно! И в какое же болото затянуло её? Ни намеком даже?

– Даже...

Капитан коротко хмыкнул:

– Хорошо, хоть вы уцелели. Не послушались меня, вот и заполучили...

Глазунов вспыхнул, как спичка.

– А если вас слушать, то мы и Наташу потеряем! Что вы-то смогли? Ведь я предупреждал – не мне, а ей грозит опасность. И вот – я жив, а девушку похитили...

Капитан поднялся из-за стола, походил по кабинету. Сегодня он уже многое мог бы рассказать журналисту. Взять, хотя бы, Беса и Длинного.

В городе, где никогда не слышали о наркотиках, с конца прошлого года эта зараза вдруг выплеснулась на улицы. И ладно бы там гашиш или марихуана, которых могли завезти нахлынувшие с Юга продавцы экзотических фруктов и пряно-ароматных цветов. Ладно бы другая «дрянь», которую как-то можно приобрести или выкрасть в местных аптеках и больницах. Тут всё было бы ясно и не составило бы особого труда выявить поставщиков.

Но у задержанных парней и девчат, приобщившихся к наркотикам, изымались иные вещества, красноречиво име-

нуемые в их кругу «чёртом» и «крокодиллом» – вещества в десятки раз более сильные, полученные явно химического происхождения. Но государственная фармакология таких веществ не только не производила, но и не располагала для этого соответствующей технологией. Какой такой «химик» сумел наладить их производство и сбыт?..

Задержанные наркоманы называли в числе сбытчиков двух парней с кличками «Бес» и «Длинный», давали их приметы. И вот они всплыли снова. Да при каких обстоятельствах!...

Капитан мог сообщить и о том, что отпечатки их пальцев, ранее уже зафиксированные экспертами горотдела, сошлись с изъятymi с фотоувеличителя Губенко и тормозного цилиндра машины Добрикова. Факт, подтверждающий, что дорожная авария и неисправность фотоувеличителя были подстроены именно Бесом и Длинным.

«Но что подтолкнуло их на это? – размышлял капитан. – В чём причина?.. Возможно, им приказали, как сказала Наташа. Почему приказали? Не потому ли, что Бес и Длинный засветились, преследуя её, а засветившись, подставили под удар своего хозяина, таинственного разработчика синтезированных наркотиков? Видимо, так оно и есть. Не ясна пока в этом роль Наташи. Что её связывает с такой компанией? Может, просто сбытчица, решившая вырваться из грязного бизнеса, или – проштрафившаяся наркоманка, не сумевшая вовремя оплатить полученное зелье?»

Его мысли прервал нетерпеливый голос Глазунова:

– Я слушаю...

Капитан подошел к сейфу.

– Кстати, о Наташе. Есть у нас одна на примете.

Глазунов вскинул брови.

Капитан раскрыл сейф, снял с полки два больших конверта и высыпал на стол из одного из них фотографии девушек.

– Посмотрите внимательно – не признаете ли кого?

Глазунов впился в снимки. На одном из них улыбалась Наташа.

– Вот! – радостно воскликнул он, указав на снимок. – Это Наташа! Откуда он у вас?

Капитан усмехнулся.

– Пересняли в одном из институтов. Посмотрели личные дела студенток, сравнили имеющиеся в них фотографии с фотороботом Наташи... Всё очень просто. А вы говорите, что не можем...

Глазунов покраснел, а капитан рассыпал перед ним новые снимки – фотороботы парней.

– А среди них – есть кто знакомый?

Глазунов присмотрелся.

– Вот эти двое, – взял он пару снимков. – Очень похожи на тех, что были сегодня в сквере. Один, видите, как херувимчик, другой – длиннолицый, с чёлочкой.

– Всё правильно – Бес и Длинный.

– Так вам они известны?

– Отчасти.

– Я говорил вам – надо бы постового ГАИ спросить. Может, у него записан номер их машины.

– Уже сделано, – ответил Корнеев, убирая снимки в конверты.

– Номер записан. Но, к сожалению, на учёте в ГАИ не значится. Видно, поддельный.

– А что известно о Наташе?

Выражение лица капитана чуть заметно изменилось. Поколебавшись, он ответил:

– Знаем фамилию, где жила... Она ведь не местная, поселилась в студенческом общежитии. Но это – и всё. С того момента, как покинула вашу квартиру, ни в институте, ни в общежитии она не появлялась. Наверное, укрывалась у какой-нибудь подруги, чтобы избежать нового преследования. Теперь, конечно, если её похитили, отыскать Наташу будет значительно сложнее.

– Всё равно, – будем искать!

– Будем, но только мы – работники милиции, – поправил журналиста капитан. – И опять настоятельно прошу – не вмешивайтесь, не доставляйте нам лишних забот.

Глазунов насупился.

– У вас всё ко мне? – поднялся он.

– Да, всё, – сухо ответил капитан. – Но вам ещё вскоре предстоит разговор со следователем.

– В связи с сегодняшним событием?

– И с ним тоже. Так что, прошу никуда из дома надолго не отлучаться.

Глазунов молча кивнул и пошёл к двери. Капитан лишь с сожалением покачал вслед головой и потом ещё долго задумчиво стоял у окна, вглядываясь в затухающее зарево заката.

Вернувшись к столу, он поднял трубку телефона, набрал номер.

– Петров? Это Корнеев. Я по поводу той троицы в сквере. Почему Матвиевский не применил к оружие?.. Что? Рядом другие люди были?.. Понятно... Нет-нет, всё правильно. Я почему звоню, журналист опознал в нападавших Беса и Длинного, вот ведь кого мы упустили... Кто его сейчас прикрывает? Ну, этот тоже не подведет... И вот ещё что, принеси-ка план операции «Уют» и все к ней исходные материалы – появилась тут у меня в отношении Беса одна мыслишка, хочу проверить, не состыковываются ли?..

8

Утром следующего дня, плескаясь водой над раковиной в ванной, Глазунов мысленно вспоминал свой вчерашний разговор с Корнеевым.

«Эти детективы всё испортят, – подумал он, отправляясь на кухню варить кофе. – Пока стану ждать вызова следователя, пока буду объяснять ему что-то, столько времени уйдет! А что нового расскажу? Чем реально смогу помочь следствию?.. А Наташа мается где-то. Да и Бес с Длинным могут залечь на дно...»

Кажущееся ему бездействие работников милиции всё сильнее тяготило и раздражало. Его вновь охватило лихорадочное нетерпение.

«Нет! Нельзя терять ни минуты. Искать и искать их всех!»

Ещё накануне, возвратившись из горотдела, он уже наметил план поиска. План этот, по его мнению, был прост и ясен. Отправной точкой служил стыковочный выход просёлочной дороги на магистральное шоссе в районе двадцатого километра-то самое место, где он впервые увидел Наташу.

Ход мыслей был таков. В тот памятный поздний вечер она бегством спасалась от какого-то неприятного ей типа. На том же месте появились Бес с Длинным. Значит, где-то поблизости их логово. Именно туда они и могли возвратиться беглянку. Теперь ему надо как-то добраться до той просёлочной дороги, проследить за всеми курсирующими по ней «девятками» и таким образом выйти на похитителей.

Он, правда, не знал, как поступит дальше: то ли попытается выручить Наташу, а потом уж известит обо всём Корнеева, то ли сразу запросит его помощь... Однако намеченный план он одобрил.

К двенадцати часам Глазунов вышел на улицу. В район двадцатого километра ходили рейсовые автобусы: где-то рядом, по слухам, располагались Дом рыбака, санаторий и кооперативный пансионат «Уют». В рейсы автобусы отправлялись с автовокзальной площади, и Глазунов поехал туда, с трудом втиснувшись в переполненный троллейбус.

Ему не повезло: у касс автовокзала толпилось немало пассажиров, и он долго простоял в очереди за билетом. Когда же придвинулся к окошку кассы, оказалось, что его автобус уже ушёл, а следующий будет лишь через два часа.

Он слонялся по залу ожидания, не зная, куда себя деть. Поискал глазами буфет. Тот оказался поблизости. Он поднялся с жёсткого, деревянного дивана, направился к буфету. И тут заметил, что с другого дивана привстал ещё один человек, в такой же, как у него, надувной чёрной куртке, и этот человек последовал за ним. Он насторожился, но в буфете незнакомец с безразличным видом отвернулся к окну, и Глазунов успокоился.

Однако на перроне незнакомец вновь попал в поле зрения. Причём, заметив это, спрятался за ближайший ларёк. Глазунов задумался: «Неужели следят за мной?.. Не из компании ли Беса?»

Неторопливой походкой он возвратился в коридор автовокзала, там нырнул за дверь служебного входа. Взглянул на часы: через минуту отходит его автобус. Незнакомец мечется, наверное, где-нибудь в зале...

Глазунов решительно рванул на себя дверь и снова выскочил на перрон...

В автобусе место досталось удобное – в центре салона, у окна, в правом ряду. И ровно в 16. 00 автобус отправился в путь.

В салоне было тепло. Мерно, убаюкивая, гудел двигатель, за окном мелькали придорожные тополя, и Глазунов незаметно для себя задремал. Ему привиделось, что уже прибыл на место. Вокруг непроницаемая мгла и жуткая тишь. Вытянув руки, спотыкаясь на рытвинах, он насторожённо бредёт к мерцающему далеко впереди огоньку. Всё ближе и ближе... И вот уже из мрака выступают очертания деревьев, высокой ограды и прячущегося за ней огромного мрачного дома, чуть освещённого призрачным светом того самого огонька. Он ищет калитку – её нет. Ищет хотя бы какую-нибудь щель в ограде – и не находит...

«Вот и приехали. Уже двадцатый!» – слышит он громкий голос, и чьи-то руки трясут его плечо.

Глазунов с хрипом дёрнулся, приоткрыл веки.

– Гражданин, уже двадцатый километр,-тормошил за плечо сосед. – Вам, как будто бы, нужна эта остановка?

Глазунов перевёл дух, поблагодарил соседа и поднялся с сиденья. Лицо всё в поту, рубашка под пиджаком взмокла.

«Надо же, какая чертовщина приснилась, – подивился он, пробираясь к выходу. – Нервишки совсем сдали».

Он сошёл на обочину. Автобус обдал его жаром и покатил дальше.

Глазунов осмотрелся. Да! Вот слева знакомый съезд на просёлочную дорогу. Вот столб, у которого «голосовала» На-

таша. Она могла появиться здесь только с просёлочной дороги, потому что прямо по шоссе и в обратном направлении населенных пунктов нет. Значит, надо идти просёлочной...

Он достал платок, вытер вспотевшее лицо, распахнул куртку, чтобы хоть чуть-чуть охладиться и, не торопясь, зашагал по узкой щебёночной дороге. Прешёл не более полукилометра, как дорога свернула влево и повела к сосновому бору. Глазунов остановился в раздумье: что делать – идти дальше, или вернуться? Есть ли в этом бору какое-либо жильё? И всё-таки решил довести дело до конца, узнать – куда же ведет эта дорога. И вскоре сосны обступили его со всех сторон.

Глазунов прошагал ещё минут десять, прежде чем дорога сделала новый поворот, и он очутился прямо перед глухой высоченной оградой с железными створками ворот, за которыми высился потемневший от времени большой особняк.

Глазунов сошёл с дороги вглубь сосен, укрылся за массивным стволом одной из них, задумался: что за особняк?

Дом рыбака, как объяснили в автобусе, находился по другую сторону шоссе и много дальше двадцатого километра. Санаторий? Но за дощатой оградой ни звука.

Он стал ждать, не покажется ли кто на дороге. Если бы из ворот вышли люди, можно было бы организовать «нечаянную» встречу с ними, поговорить... Могли прибыть или выехать машины-тоже стоило бы понаблюдать за ними...

Так и простоял с полчаса, прячась за соснами. Но ни на дороге, ни за оградой особняка не было никакого движения. А уже начинало вечереть. Красноватые лучи солнца всё слабее освещали стволы сосен, удлиняли их тени...

Глазунов достал из пачки сигарету, закурил. Положение, в котором он по своей воле оказался, всё более смущало его: сколько можно чего-то ждать? Со стороны смешно, наверное, видеть его таящимся за деревьями. Не лучше ли вернуться в город, признаться Корнееву в своем поражении?

И всё-таки решил выждать ещё с полчаса. И был вознаграждён за терпение: железные ворота, наконец, открылись,

и на дорогу выкатилась машина. Он до боли напряг глаза: новенькие «Жигули» синего цвета – «девятка!» А за рулём Длинный, в шапочке – «петушок»...

Машина укатила, и Глазунов принялся размышлять, что же предпринять дальше. В груди волной поднималась радость: «Нашёл их логово!»

Лучи солнца совсем погасли, и он переместился ближе к оградке. За ней по-прежнему царила тишина, в которой, как он теперь был уверен, скрывался Бес.

«Может, лучше вернуться в город и обратиться за помощью к Корнееву?» – засверлила в мозгу прежняя мысль. Но Глазунов опять отбросил её, выругав себя за возникшую вдруг несвойственную ему прежде нерешительность. Нет, он проберётся в особняк и сам попытается выручить Наташу.

Он настолько ушёл в себя, что не заметил, как стало совсем темно.

Неожиданно яркий луч автомобильных фар, вырвавшийся с дороги, осветил ворота и небольшую табличку на оградке: «Пансионат «Уют».

Глазунов недоумевающе замер: «Пансионат?» В груди заныло от досады. Он-то считал, что нашёл убежище Беса, а теперь что же – возвращаться ни с чем? Вряд ли здесь прячут Наташу.

Чёрная «Волга» развернулась у ворот. Из машины вывалился круглый, как шар, толстячок в плаще и шляпе, нажал под таблицей круглую кнопку. Динамик на входной двери зашипел, потом выплеснул густой баритон:

– «Уют» слушает.

– Я на отдых, – радостным дискантом отозвался толстячок.

– Номер путёвки?

– Пятый.

– Проходите.

Дверь отворилась, и толстяк прошмыгнул за оградку. «Волга» тут же сорвалась с места.

Вся эта сцена заняла не более двух минут, Глазунов даже не успел осмыслить её как следует.

«Надо было остановить машину и двигаться к дому, — снова с досадой подумал он. — Когда ещё доберусь до города. Последний рейсовый автобус уже ушёл, наверное».

Он взглянул на часы. Поздновато, а до шоссе ещё топтать и топтать. Глазунов опять достал сигарету.

«А всё-таки, как здесь оказался Длинный?»

Он нервно закурил, проигрывая в уме варианты. Получалось, что не случайно. Именно отсюда убегала от своих преследователей Наташа, и именно здесь вновь появляется Длинный. Уж, не в «Уюте» ли разыгралось начало всей драмы?..

Глазунов придавил носком ботинка окурки сигареты.

«Будь что будет — попытаюсь пробраться в это гнездышко. Только бы найти в него щёлочку».

Он двинулся вдоль ограды, обходя её слева и старательно ощупывая крепкие тесовые доски. Прошёл метров пятьдесят до угла — все доски приколочены намертво. Направился вдоль следующего пролёта. Тот оказался ещё длиннее, а доски были всё так же прочно пригнаны одна к другой. Опять свернул за угол, и опять — доски не поддавались..

А небо вдруг затянуло тучами, и стало совсем темно. Притаившись на прежнем месте, он с унынием отмечал про себя, как всё новые и новые машины доставляли к воротам «Уюта» радостно-возбуждённых мужчин и женщин. Вернулся и Длинный..

Наконец, вокруг опять улеглась тишина. Она-то и подтолкнула его к очередным действиям. Ещё раньше, обходя ограду, он заметил с тыльной стороны груды строительного мусора: разбитые кирпичи, обрезки арматуры, обломки досок и брёвен... Теперь он решил воспользоваться этим хламом, чтобы проникнуть на территорию особняка.

Спотыкаясь на кочках и рытвинах, Глазунов осторожно двинулся в обратном направлении. Идти мешали кусты и деревья. Они цеплялись острыми ветками, царапали лицо... В крошечной тьме было трудно ориентироваться, и время от времени он прижимался плечом к забору, чтобы не сбиться с пути. Груда мусора должна была находиться справа от него и не дальше 25-30 метров. Кусты там редели, деревья отступали...

Он насчитал сорок шагов, прежде чем с трудом увидел то, что нужно. Подтащил к ограде доски. Пару наиболее широких и длинных приставил под углом к ограде, подпер их для прочности обрубками брёвен и принялся карабкаться вверх. Но ограда была так высока, что он никак не мог забраться, не раз срывался. Всё происходило, как в недавнем сне в автобусе!... Он весь взмок, пальцы саднили, кое-где на ладонях содралась кожа... И лишь последним усилием, в каком-то отчаянном рывке, ему всё же удалось зацепиться за козырёк ограды, подтянуться и забросить на него своё отяжелевшее от усталости тело.

С минуту он отдыхал, сидя на козырьке, как всадник на старой кобыле. Потом стал осторожно сползать по другую сторону ограды. Второго самодельного трамплина внизу, конечно же, не было, и он повис, как куль с песком. Но вскоре одеревеневшие пальцы рук разжались, и он мешком грохнулся оземь. Тотчас где-то злобно залаяла собака.

«А сон-то мой в руку» — с тревогой подумал Глазунов, растирая ушибленное колено. Он тяжело поднялся, осмотрелся. В темноте смутно угадывались очертания всё тех же кустов и деревьев, а за ними, там, где должен был находиться особняк, одиноким светлячком мерцал слабый огонёк.

Глазунов на некоторое время замер, чутко вслушиваясь в замирающий лай собаки. А потом опять стал пробираться. В установившейся тишине слышал каждый свой шаг. Под ногами мягко пружинила и шуршала опавшая с сосен хвоя. По спине катился холодный пот, в ушах звон, сердце билось так, словно стремилось вырваться наружу.

Он уже почти добрался до особняка, когда чьи-то грубые руки крепко схватили его за плечо.

«Всё, голубчик, приехал!» — раздался над ухом сиплый голос. Те же руки резко развернули его, в глаза ударил луч фонарика.

— Японский городской! Да это же наш старый знакомый, — протянул всё тот же голос, и Глазунов догадался, кому он принадлежит: Длинному.

– А мне-то сказали, что какой-то ханурик вертится у ворот. Спасибо собачке, помогла... Тащите-ка его, парни, к шефу!

Глазунов попытался вырваться, но получил такой удар под ложечку, что перехватило дыхание. Он переломился от боли и рухнул на жухлый пенёк

9

В этот вечер было его дежурство, и Бес привычно прошёл по этажам. В холле первого, лениво развалившись в креслах, перемалывали в зубах жвачку парни внутренней охраны, в номерах второго – похотливо посмеивались перезрелые «жеребчики» – клиенты, повизгивали снятые ими на ночь захмелевшие «девочки». В малом зале, где на столе с чёрными и красными квадратами игрового поля мерно крутилось колесо рулетки, среди гостей бесшумно сновали услужливые официантки с подносами.

Бес перехватил одну из них, блондинку. Взял рюмку с коньяком, махом осушил её. К нему мгновенно приблизилась другая девушка, брюнетка. На её подносе красовались бутерброды с чёрной икрой на белых ломтиках масла. Бес поморщился: не переносил сливочное масло.

– Мне бы с сыром.

Брюнетка исчезла.

Он перевёл взгляд на блондинку. Её зеленоватые глаза призывно улыбались, крутые бёдра под чёрной юбкой в обтяжку и полуоткрытые тугие груди, выпирающие из-под тесной белой блузки, невольно притягивали взгляд.

«Хороша девка» – отметил Бес. С этой блондинкой он ещё не был близко знаком, и, облизнув сразу пересохшие губы, коротко выдохнул:

– Жду у себя, в двенадцать.

Блондинка кивнула, неторопливо отошла.

Бес не стал дожидаться бутербродов, отправился осмотреть главный объект – отсек в подвальном помещении, куда абсолютному большинству обитателей особняка вход запре-

щался. Отсек был единоличной вотчиной Профессора и охранялся особенно строго, лишь однажды, одним глазком Бесу удалось заглянуть туда, когда пришлось устранять неисправность в сигнализации: небольшая квадратная комната с искусственным освещением, на двух столах – штативы, колбы, реторты, пробирки, вдоль стен – холодильные шкафы, какие-то диковинные механизмы, похожие на микроволновые печи...

И ему сразу стало ясно – это лаборатория, в ней проводятся химические опыты. Может быть, даже – по производству «Крокодила», потому что пахло там отвратительно. Да и сами наркотики, которые Шеф передавал ему для продажи, – откуда бы им взяться: Шеф никуда из «Уюта» не выезжал, никаких поставщиков здесь не замечалось... Понятно теперь, почему Профессор так цеплялся за эту беглянку Наталью. Она – из его лаборатории. Наверняка, в чём-то помогала, значит, и была допущена к тайне лаборатории. «Бес не дурак. Бес всё на лету схватывает!»

Он спустился в подвал.

И здесь всё нормально: над железной дверью отсека горит красная сигнальная лампочка, помигивает и синий глазок блока звуковой сигнализации, выведенной в коридор первого этажа...

Бес закурил, стал подниматься по лестнице из подвала. Не успел он выйти в коридор, как к нему подлетел раскрасневшийся, со включенной шевелюрой, Длинный:

– Чувака одного поймали!

– Где?

– Через ограду перелез.

– Кто такой?

– Сам увидишь. По-моему, вчерашний, что с Натахой был.

Глаза Беса сузились.

– Где он?

– С нашими парнями в холле.

– Пошли! Проверим, что за птица к нам залетела.

Глазунов с тревогой встретил их появление. Понимал, что по своей вине попал в такую пренеприятную историю,

из которой ему, наверное, не выкарабкаться. Связанного, его бросили прямо на пол, и теперь, полураздетый, он неудобно лежал на боку, привалившись к кадке с фикусом, ожидая расправы.

– Да! Старый знакомый, – приглядевшись к нему, язвительно усмехнулся Бес. – И зачем ты к нам пожаловал?

Глазунов тоже узнал Беса, хмуро отвернулся. Всё-то у него в последние дни шло через пень – колоду, думал он. «Полагаешь, что поймал, а смотришь – сам попался». И сейчас что-то сочинять, а тем более – говорить правду ему не хотелось. Пусть, думал, разбирается с ним кто-нибудь другой, кто волен решать не только его, но и их судьбы. Вот с ним, возможно, и объяснился бы, постарался бы найти выход.

Бес сообразил, что означает молчание пленника, в ярости закусил губу.

– Тащите его в подвал, – буркнул он Длинному. – А я пока доложу шефу.

– А куда в подвал? Там лишь одна подходящая клетуха – с его девчонкой.

– Вот пусть они напоследок ещё раз и поворкуют, – прошипел Бес и зло пнул журналиста носком ботинка. Длинный, оскалившись, заржал.

Глазунов скорчился от боли, но промолчал.

Парни волоком потащили его в подвал. Ступеньки пересчитали ему все рёбра, но Глазунов и тут не подал ни звука, лишь крепче стиснул зубы.

Комнатушка, куда его бросили на пол, была небольшой, с низким потолком и без окон. Тусклый свет пыльной лампочки в нише над дверью едва освещал помещение, в котором ни стены, ни дощатый пол не были даже покрашены. Из обстановки-только старый, обшарпанный стол, такой же стул, да в углу железная кровать с чёрным матрасом и подушкой. С матраса поднялась женская фигура и двинулась к Глазунову.

– Господи, это вы?! – присела она у его ног.

– Наташа? – с трудом узнал Глазунов. Девушка была в помятом, изорванном платье, лицо осунувшееся, в синяках, волосы спутаны...

– За что вас так?

Она смущённо потупилась.

– А вас?.. Как вы здесь оказались?

Теперь и ему пришла очередь горько усмехнуться.

– Хотел выручить одну приятную особу, да сам угодил в капкан.

Уголки губ Наташи разошлись в виноватой улыбке. Девушка наклонилась, легонько прижалась щекой к его щеке, чуть слышно благодарно прошептала:

– Спасибо...

Её волосы упали ему на лицо. От их прикосновения по всему его телу прокатилась тёплая волна. Он почувствовал неловкость. К тому же волосы мешали дышать, и он попытался повернуть голову. Девушка сразу отстранилась, участливо посмотрела на него.

– Вам больно? Давайте попробую развязать.

Но узлы прочной капроновой бечевы на руках не поддавались, и девушка огорчённо признала своё поражение.

– Попробую перетащить вас на кровать, – предложила Наташа. – Там вам будет лучше.

Она ухватила его за плечи, потянула на матрас. Её силёнок явно не хватало, чтобы перевалить его на кровать, но, в конце концов, ей это всё же удалось, и Глазунов расслабленно замер на тюфяке, даже зажмурился.

Наташа поправила подушку, приставила к кровати стул, утомлённо присела.

– И всё-таки, как вы здесь оказались? – снова спросила она.

Веки его глаз чуть заметно дрогнули, потом приоткрылись.

– Куда вас увезли – было не трудно догадаться. Сложнее оказалось отыскать это логово. – А когда нашёл, оставалось лишь перебраться через ограду...

Глазунов умолк, с горечью вспоминая о постигшей его неудаче.

– И вы перебрались, – грустно закончила за него Наташа.

Он повернулся к ней, увидел её сочувствующие глаза и недовольно сказал:

– А теперь вы мне объясните, наконец, что тут в доме за тусовка, и какое вы к ней имеете отношение?

Наташа вздохнула.

– Самое прямое.

Она встала, прошлась по клетушке.

– Не знаю, сколько времени нам с вами осталось, и осталось ли...

Их взгляды на мгновение встретились, и она расстроено опустила голову.

– Что, положение настолько плохо?

– Хуже не придумаешь, – остановилась у двери Наташа. Прислушалась к тишине в коридоре. – Знали бы вы, в какое осиное гнездо вас угораздило...

Она вновь присела на стул.

– Ладно, расскажу всё по порядку... Считается, что в особняке, обосновался кооперативный пансионат «Уют». Так оно поначалу и было. Хозяин «Уюта», Прохоров Георгий Эдуардович. Вы его ещё, наверное, увидите, – человек жёсткий, очень алчный тип, но плохой хозяйственник. Уже через полгода после открытия «Уюта» он почти разорился, и прогорел бы основательно, не загляни к нему на огонёк более хваткий делец. А дальше пошло-поехало! В пансионате появились девочки, игорный зал с рулеткой...

– Так это наказуемо! – заметил Глазунов.

– Конечно. А кто выдал бы? Всех, для верности, повязывают фотоиллюстрацией их оргий... Кому потом захочется обливать себя помоями? К тому же здесь можно не только хорошо погулять, но и завязать выгодные сделки, получить в долг большие бабки, заручиться поддержкой друг друга.

– Понятно, – зашевелился Глазунов, пытаясь сменить позу, чтобы отдохнули затёкшие руки и спина. – Но вы как здесь оказались?

Наташа помогла ему привалиться к стене.

– Я-то?.. По глупости и бедности, – не сразу отозвалась она. Снова прошлась к двери и прислушалась, прежде чем вернулась на место.

– Я ведь студентка, причём, – не местная. Попробуйте прожить в институте на одну стипендию, если и родоки помочь не могут... Жизнь сегодня, сами знаете, дорогая. А в нашей студенческой тусовке без «фирмы» и показаться стыдно. Хотелось и приодеться лучше, как другие, и... А на какие бабосы? Да что говорить!

Вы знаете, сколько сегодня стоят, например, самые обыкновенные колготки, а главное – где их взять? Только на рынке. А там – цены заоблачные, о духах уже и не думаешь. А ведь хотелось бы и в «Монтане» погулять, да на шпильках, в чулках ажурных походить – как все!...

– И что же, – нахмурился Глазунов, – ты решила «ночной бабочкой» сюда впорхнуть?

Он тут же ощутил на себе её протестующий взгляд, но стойко выдержал его, и тогда по лицу Наташи скользнула лёгкая улыбка.

– Нет, Володя. До такой жизни я ещё не скатилась.

Оба и не заметили, как перешли на более близкое обращение друг к другу.

Глаза Наташи потемнели.

– Да, не скатилась, – глухо повторила она. – А вот на другой лёгкий заработок клюнула. Второй-то хозяин «Уюта», его здесь у нас Профессором зовут, в своём отвратном деле действительно профессор. Он химик. И химик отличный. Вот и надумал организовать здесь лабораторию. Поначалу всё секс-пилюли, мази и кремы готовил для любовных утех клиентов «Уюта». Проглотят они пилюльку, и такая у всех страсть разыгрывается, не удержаться...

Наташа спохватилась, залилась румянцем.

– Ничего, ничего, не парься, – успокоил Глазунов, хотя почувствовал, что и сам покраснел. – Сыпь дальше, если нельзя без подробностей.

– Ну вот, – не сразу продолжила Наташа. – Доходов от всего этого Шеф и Профессор получали немало. Но велики были и расходы – на ту же охрану, например. Здесь ведь такие братки работают – в момент любому голову оторвут. Все – бывшие боксеры, борцы, каратисты...

И Профессор задумал заняться производством наркотиков. Да не из маковой соломки или опия – сырца, что тоже требует больших затрат на их закупку у торговцев. Он решил получать их из другой, более доступной органики путём её синтеза. Пришлось Шефу рискнуть всем состоянием. Ведь нужно было приобрести соответствующие компоненты и оборудование.

Профессор всё достал. На взятки не скупился. А когда понадобился в лабораторию помощник, выбрал меня, как лучшую его ученицу на факе.

Наташа вновь умолкла, словно вспоминая, как это случилось. Глазунов тоже молчал, чтобы не сбить её с мыслей.

– Это сегодня я так обо всём этом знаю, – продолжила рассказ Наташа. – А когда в конце прошлого года Профессор предложил поработать с ним в лаборатории, я и подумать не могла, к чему это приведёт. Обрадовалась, дурёха, что такой учёный человек остановил свой выбор на мне, и что дополнительно к стипе смогу получить ещё немалые деньги.

Глазунов снова вытянулся на матрасе.

– Но готовить наркотики... Как ты могла? – произнёс он с досадой.

– Сначала-только мазь и кремы. И то – лишь отдельные их компоненты, даже не догадываясь, для чего они Профессору. Окончательную доводку препаратов он всегда проводил сам. Так же обстояло дело и с наркотиками. Я лишь выполняла его указания: по одному ему известной рецептуре готовила растворы, смеси, порошки, да ещё промывала и стерилизовала приборы и посуду...

Это уже позднее догадалась, что к чему. Тогда, когда увидела, с какой жадностью собирает он каждую крупницу, каждый миллиграмм конечного продукта, с какой циничной расчётливостью подсаживает на него клиентов «Уюта» и с какой жёсткостью установил охрану лаборатории.

Когда всё поняла и многое узнала, попробовала объяснить с ним, но было уже поздно: он лишь усмехнулся, сказал, что обратной дороги у меня нет. С того дня он полностью изолировал меня. Так я и с институтом рассталась. А потом

стал кадриться с домогательствами. И однажды, а точнее в тот день, когда мы впервые встретились с тобой, он неожиданно появился в моей комнате. Видно было, что уже не владеет собой...

Я не стану рассказывать, как мне удалось вырваться от него и бежать... Мне очень повезло тогда, что встретила тебя с твоими друзьями на дороге. Но вот что будет с нами сегодня?..

Наташа потупилась, замолчала.

Глазунов, удивлённый её рассказом, тоже не мог вымолвить ни слова.

Она вдруг резко отвернулась, наклонилась и что-то достала из выреза платья на груди.

– Вот, проглоть скорей! – протянула она ему белую таблетку.

– Что это? – изумился Глазунов. – Зачем?

– Так надо. Иначе тебя здесь могут сломать.

– Лекарство от страха?

– Нет, от безволия. Профессор с Шефом, конечно, попытаются выведать всё, что тебе стало известно о них. Могут воздействовать психотропными средствами.

– Я просто не приму их зелье!

Наташа усмехнулась.

– А дышать ты будешь?

– ?!

– Профессор сумел изготовить такую аэрозоль, что любой человек, вдохнувший её, превращается абсолютно в безвольное, но чрезвычайно внушаемое существо. Говорил, что с помощью этой аэрозоли сможет, наконец, осуществить свою давнюю мечту – повелевать всеми, прийти к абсолютной власти.

– Бред какой-то! – снова подивился Глазунов. – Он что же – рвётся в диктаторы?

– Не знаю, не знаю... Но вот устроить тебе какую-нибудь гадость он может. Так что, проглоть таблеточку. Она из числа тех нейтрализаторов, которые Профессор изготовил специально для себя.

Наташа поднесла таблетку к его губам. Он уклонился.

– А себе? Есть ещё?

– Нет, и эта случайно досталась. Профессор как-то уронил флакон – таблетки и рассыпались. Одна закатилась за шкаф. Я заметила, потом и припрятала на всякий случай. Вот этот случай и наступил. Может, в нём наш последний шанс... Тебе-то будет легче выбраться отсюда, если уцелеешь. А я стану ждать тебя... Теперь знаешь, что надо сделать. В одиночку нам не справиться с Профессором.

– Ты мне о нём ничего толком и не сказала. Кто он в действительности?

Наташа собралась ответить, но в коридоре послышались торопливые шаги, щёлкнул замок, распахнулась дверь...

Глазунов не успел и глазом моргнуть, как его сбросили на пол.

10

В чём дело? – недовольно спросил Беса Шеф, отставляя в сторону бокал со своим любимым мускатным вином. Бес вытянулся у двери.

– Охрана задержала в парке одного типа. Перелез через ограду.

Шеф заёрзал в кресле, встревоженно перевёл взгляд на Профессора. Тот тоже, наконец, оторвался от шахматной доски, досадливо бросил:

– Что за тип – выяснили?

Бес на секунду замялся.

– У него удостоверение журналиста.

Он достал из внутреннего кармана френча тиснёные золотом красные корочки, шагнул к шахматному столику.

– Вот! – Бес осторожно положил удостоверение на лакированную крышку.

– «Голос Приволжья», – прочитал Профессор, нахмурившись, – Глазунов Владимир Николаевич, корреспондент...

Снова пошлёпал губами, призадумался, потом с интересом взглянул на фотографию хозяина документа.

– Занятно!... Не тот ли, что был с Наташей в сквере?

Бес кивнул.

– Он самый. Жаль, что там же не прикончил его. Может, сейчас проверить это дело?

– Нет, – протянул Профессор. – Мне интересно, что он здесь вынюхивал. Приведи-ка сюда.

Бес опять кивнул, вышел из комнаты.

– Ты думаешь, этот журналист для нас опасен? – спросил Шеф. – Может, просто влюблённый дурак, вот и примчался за Натальей.

– Когда он успел влюбиться? – Профессор потянулся за своим бокалом. – Не было у Натальи никого, я знаю.

– Тогда зачем он здесь?

– А ты и не понял? Он коллега тех газетных писак, которых нам пришлось убрать накануне. Видно, почуял неладное, вот и рыщет...

– Что же делать? По-моему, Бес прав – надо избавиться от парня! Так же тихо и чинно.

Профессор, не торопясь, пригубил вино.

– Ещё один труп?.. Это перебор – тишины не получится. В угрозыске не глупцы сидят... Попытаюсь сам поговорить с парнем, так вернее.

Шеф задумчиво склонил на бок голову, нервно почесал за ухом.

– Главное, надо узнать – зачем он к нам пожаловал и имеет ли связь с ментами.

– Понятное дело! – усмехнулся Профессор. – Это мы узнаем. А пока – оставь меня наедине с ним.

– Возьми хотя бы Беса за компанию. Для надёжности.

Профессор снисходительно усмехнулся.

– Сам справлюсь, Жоржик.

Шеф залпом осушил бокал, коротко буркнул:

– Ну что ж... Под твою ответственность!

Круто развернувшись, он пошёл к двери и на пороге чуть не столкнулся с Глазуновым. Посторонился, оглядел его с головы до ног, зло бросил Бесу:

– Развяжи мужика и топай за мной.

Бес недоумённо вскинул брови, но всё же поспешил выполнить приказ – ножом перерезал на запястьях пленника жёсткие путы, затем плотно прикрыл за собой дверь.

Глазунов с облегчением вывернул из-за спины затёкшие руки, потёр их и сразу почувствовал, как будто тысячи мелких иголок впились в онемевшие ладони.

– Проходите, молодой человек, садитесь.

Глухой, хриловатый голос, неожиданно ворвавшийся в уши Глазунова, заставил его насторожиться. И сразу увидел, что в углу большой продолговатой комнаты, где он оказался, в глубоком мягком кресле перед шахматным столиком сидел одетый с иголочки чем-то знакомый ему человек. Верхний свет в комнате был отключен, лишь переливалось огнём изящное хрустальное бра на стене справа от столика.

Глазунов прошёлся по ворсистому ковру, покрывавшему пол, опустился в кресло напротив этого человека и увидел его большие умные глаза за стёклами очков в модной оправе, крупный нос, чёрную, аккуратно подстриженную клинышком бородку... В первое мгновение он не поверил своим глазам: Верховский Вячеслав Андреевич, заведующий кафедрой химико-технологического института!..

Глазунов невесело покачал головой...

– Что, узнали? – усмехнулся Верховский. – Ну и как – нашли Наташу?

– Конечно, человек – не иголка.

Верховский с любопытством посмотрел на него.

– Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, – улыбнулся он.

Глазунов насторожился.

– Надеюсь, вы понимаете, что совершенно не случайно так обошлись здесь с вами. У нас не любят, когда чужие люди суют нос, куда не следует, – всё так же мягко продолжал Верховский. – Так что, давайте обо всём откровенно... О чём вы говорили с Любимовой?

– С кем? – удивился Глазунов.

– Я веду речь о Наташе... И вот вы нашли её. О чём говорили?

– Вообще-то, ни о чём.

– Не крутите, молодой человек, – угрожающе понизил голос Верховский. – Не пытайтесь оправдывать девчонку. Подумайте о себе. Ведь от нас вам просто так не уйти.

Глазунов и сам не обманывался в этом.

– Да! Потолковали о многом.

– И обо мне?

– В том числе...

– Что же она рассказала?

– Всё, чтобы считать вас преступником.

– Ну, вот... – расслабился Верховский. – Спасибо за откровенность. А в чём обвиняете?

Глазунов почувствовал, как от гнева закипает в его груди.

– У меня недавно погибли друзья...

– Да, знаю. И вы, конечно, не поверили в случайность такой потери?

– Не поверил.

– Связали её с теми автогонками, которые устроили для вас наши парни, и с тем, что обо мне рассказала Наталья?

Глазунов помедлил с ответом, понял, что является для Верховского главным. Но и Ваньку валять перед таким зубром было бы, как он понял, пустым делом. Поэтому ответил коротко и откровенно:

– Да.

– Похвально, похвально. Отдаю должное вашей сообразительности. Милиция тоже так считает?

Вопрос застал Глазунова врасплох. Он снова замешкался. Хитёр противник! Как мастерски ведёт допрос... Вот здесь уже нельзя раскрывать перед ним все карты, давать фору, чтобы тот успел предпринять контрмеры. Корнеев вроде бы, зацепился за клички похитителей Наташи. На него теперь вся надежда...

И Глазунов, как бы удивлённо, переспросил:

– Милиция? – Помолчал ещё секунду и добавил: – А что, милиция? Вы думаете, там все такие умные сидят? Меня даже не потревожили с расспросами.

– И вы не попытались там высказать свои подозрения? – усомнился Верховский.

– Пытался. Но меня не поняли.

– А что конкретно рассказала обо мне Наталья?

– Всё.

– Когда? До того, как вы пытались вступить в контакт с милицией, или после?

– Много позже. Всего полчаса назад, когда ваши молодчики бросили меня к ней в подвал.

– Как?! – Верховский чуть не подскочил в кресле. – Эти кретины...

Он не договорил, взял себя в руки и уже спокойно снова спросил:

– Так что же она вам рассказала?

– Всё, – повторил Глазунов. – Но я не понимаю, как вы, талантливый учёный, решились ввязаться в такое мерзкое дело, как сбыт наркотиков, убийство ни в чём не повинных людей?

– Вы имеете в виду ваших коллег из редакции? – спросил Верховский, откидываясь на спинку кресла. – Я не убивал.

– Попятно, что не вы, другие, – устало согласился Глазунов. – Но, наверняка, они действовали с вашей подачи... А наркотики? Или, без них мало зарабатывали?

– Мало, – подхватил Верховский. – В том-то и дело, что мало. Видите, что творится в стране? Развал! Полный хаос!... Вот вы сказали обо мне – талантливый учёный... А ведь отчего я занялся этим, как вы говорите, грязным делом? Не вкалывать же всю жизнь за нищенскую зарплату! Ну почему я, классный химик, должен получать меньше продавщицы из пивной палатки или заправщицы с бензоколонки? Я хочу получать за свои знания, опыт и работу настоящие деньги, а не гроши.

Кстати, о таланте. И с ним у нас сегодня не разгуляешься. Программы научных изысканий – примитивные, лишь на потребу дня. Приличных лабораторий для научных работ практически нет, соответствующего оборудования-тоже. Нищета – она и есть нищета!

Он снова чуть отпил из бокала и продолжил:

– А здесь мне удалось соорудить собственную лабораторию. Понадобились инструменты – достали финские. Оборудование, вплоть до электронного, приобрели в ФРГ, США, Японии... И вот теперь могу изготовить любые препараты!

– «Крокодил», например, – насмешливо и зло вставил Глазунов.

– А что? – загорелся Верховский. – Знали бы вы, какие в связи с ним я сделал открытия! Ведь из синтезированных материалов наладил его выпуск. Это переворот в науке! Ещё никто у нас в стране не смог получить препараты на основе органического синтеза. Только мне удалось проникнуть в тайну этого процесса.

– Зачем вы хвастаетесь передо мной?

Верховский озадаченно склонил голову, потом рассмеялся.

– И правда – зачем? Наверное, сработала вечная слабость любого учёного – поведать миру о своих открытиях. Вы – умный человек, журналист... Значит, сможете оцепить высокую значимость возможности получать указанным способом уникальные препараты. Ведь они исключительно биологически активны, настоящее чудо.

– Особенно для таких дельцов, как вы! – насмешливо сказал Глазунов. – Настоящая золотая жила!

Верховский не смутился.

– Правильно! Вы знаете, сколько стоит стакан марихуаны на чёрном рынке в России? А один килограмм опиасырца? Да и не Россия его основной производитель. С ним большие хлопоты и затраты немалые, оттого и цены на сырьё бешеные. А тут мы, с нашим, как вы говорите «Крокодилом». Производное сырьё – самое обычное, широко распространённое. Затраты на изготовление – минимальные, каких-либо кордонов по доставке потребителям преодолевать не надо. Действительно, золотая жила!

– А то, что этот «Крокодил» убивает людей, вас это не смущает?

– Ничуть. Кто такие наркоманы?.. Самоубийцы! Каждый из них, в конце концов, доходит до «золотого укола», после которого – смерть. Говорят, что это для них наивысший кайф – «войти в астрал!» Вы что же думаете, при сегодняшней-то невероятной информативности они не знают о трагических последствиях приёма «марифета» или легкомысленно отмахиваются от предупреждений?

И знают, и не отмахиваются. Это бегство. Бегство из нашего лицемерного общества, лишившего их надежд на лучшее будущее. Это уход в иные физические и душевные состояния, которые хотя бы на время снимают стрессы, доставляют пусть иллюзорные, но миры блаженства и спокойствия...

Да, потом наркоманы гибнут. Но это – потом!... А мы, то есть такие, как я, пусть на время, пусть за деньги, предоставляем таким людям хоть какую-то возможность наполнить их жизнь своеобразным счастьем, смыслом...

– Странная у вас философия, – возразил Глазунов. – Дикость какая-то! По-моему, вы просто безнравственны.

Верховский нахмурился.

– Ну что ж, один раз живём... Давайте пока прекратим наш разговор и лучше выпьем по чашке кофе. Да вы и голодны, наверное. Как насчёт бутербродов и кофе?

Глазунов сглотнул слюну. Есть ему хотелось. Но ведь этот маньяк, думал он, конечно же, не от доброты душевной проявил заботу о его желудке, наверняка в голове иное, что-то подлое...

– Бойтесь, что отравлю? – отгадал его мысли Верховский.

– С вас станется, сами дали понять, что дальше этого дома наш разговор никуда не уйдёт.

Бородка Верховского затряслась от смеха.

– Да вы и впрямь аналитик. Но я имел в виду то, что мы могли бы найти общий язык.

– Вряд ли. А кофе, что ж – можно. – Глазунов здраво рассудил, что чашка ободряющего напитка ему не помешает, наоборот – прибавит силы и уверенности в себе.

– Отлично, – обрадовался Верховский. Он потянулся к кнопке звонка на столе.

– Слушаю? – почтительно сказал появившийся Бес.

– Нам кофе и бутерброды, – пояснил ему Верховский и принялся освобождать столик от шахмат.

Глазунов взглянул на окна: за их стёклами всё такая же темень. Броситься бы сейчас в эту спасительную мглу, добрать-

ся бы до Корнеева!... Но – легче сказать, чем сделать, в дверях опять появился Бес, с усмешкой перехвативший его взгляд.

А кофе оказался горячим и крепким. Хороши были и свежие бутерброды с сыром.

Вскоре, однако, Профессор, отставил в сторону свою чашечку, выпрямился и немигающим взглядом впился в лицо собеседника.

– Итак, давайте вернёмся к нашим баранам... Надеюсь, вы хорошо понимаете, что представляете опасность для нас?

Глазунов тоже опустил чашку на крышку стола.

– Понимаю.

– Мы сможем договориться?

– О чём?

– В России скоро выборы. Я хочу выставить и свою кандидатуру. А вы поддержите меня выступлениями в газете.

– Метите в президенты? – съязвил Глазунов.

– Пока в местный парламент, – серьёзно ответил Верховский. – Ну, как – принимаете предложение?..

Глазунов крутнул головой.

– Я уже выразил своё отношение к вам.

– То есть – нет?

– Нет.

– Жаль!...

Верховский натужно закашлялся, потянул руку за платком в нагрудный кармашек костюма. Но вместо платка в ладони блеснул голубой эмалью небольшой баллончик. Глазунов ещё не успел ничего сообразить, как в лицо ударила горьковато – пряная струя газа. Он заморгал, попытался вскочить...

– Сидеть! – послышался властный голос Верховского. – Сидеть!

Сознание Глазунова помутилось, в голове зашумело, и он безвольно опустился в кресло.

Верховский усмехнулся, спрятал баллончик.

– Ну, вот и хорошо. Умница! Теперь всегда будешь слушаться меня. Я ведь зла не желаю, правда?

Глазунов вяло кивнул. Внутри себя чувствовал какую-то пустоту. Не хотелось ничего говорить, ни о чём думать.

– А ты и не думай, – словно издалека доносился до него голос Верховского. – Зачем тебе о чём-то думать? Забудь обо всём, что тебе здесь до этого говорил. Просто будешь выполнять то, что скажу. Я, а не кто-нибудь другой. Другие для тебя существуют лишь потому, что они есть на этом свете. Но их просьбы, приказы, мольбы или требования для тебя вовсе не обязательны. Ты можешь выполнять их лишь в случае, если они не расходятся с моими пожеланиями и наставлениями. Понятно?

Глазунов снова кивнул. Он пытался сбросить внезапно возникшую апатию, но его воля уже не поддавалась ему.

– А что ты понял?

– Выполнять только ваши пожелания, – запинаясь, ответил Глазунов.

– Правильно. Вот сейчас и спрошу кое о чём. А ты ответишь чётко и ясно, как на исповеди. О чём, всё-таки, шёл разговор в милиции?

В голове Глазунова словно прояснилось. Он взглянул на Верховского. Перед ним сидел добродушный, милый, чем-то очень близкий, простодушный человек. Этот человек потечески улыбался ему и терпеливо ждал от него такого же доброго отношения. Ему нельзя было соврать, не поверить...

– Я сказал Корнееву, что сомневаюсь в случайности гибели моих друзей.

Верховский удовлетворённо потрянул бородкой.

– Так... Корнеев – кто это?

– Начальник уголовного розыска.

– И что он ответил?

– Сказал, что у него есть основания полагать то же самое.

Верховский нахмурился.

– Почему?

– Он не вдавался в подробности.

– А кого подозревают?

– Беса и Длинного.

– Почему?

– Я сам указал на них, обрисовал внешность.

– От кого ты узнал, как их зовут?

– Наташа сказала.

Верховский ненадолго задумался.

– Корнееву тоже известны эти клички?

– Да, я назвал их ему.

– Та-ак, – протянул Верховский. – Занятно... Значит, личности наших мальчиков уже в поле зрения милиции... А Наташа? Корнеев и о ней знает?

– Знает.

– Что именно?

– Что числится в химико-технологическом.

– И всё?

– Всё.

Верховский вновь откинулся на спинку кресла.

– Ты сказал ему, что разыскиваешь Наташу?

– Да.

– И что, отправился искать её именно сюда?

– Нет, об этом не было речи. Он запретил мне какой-либо поиск.

– Почему?

– Мол, не моё дело.

Верховский усмехнулся, погладил бородку.

– Это уже лучше. Значит, положение ещё можно поправить.

– Что за положение?

– Ну, сам видишь, в какую историю тебя втянула Наталя. Это из-за неё всё так получилось. Глупая девчонка!... Сама напросилась на отдых в «Уюте», со всеми здесь перессорилась, а к ночи и вовсе сбежала. Что она наплела тебе в своё оправдание? Не было ничего этого, мой мальчик. Не было. Она всё сама подстроила с гибелью твоих друзей. У неё мания преследования. Вот и к тебе подбирается с рассказами. Надо избавиться от неё, мой мальчик. Надо! Я знаю, что она понравилась тебе, и всё же...

Глазунов захлопал ресницами.

– Да-да, понравилась. И ты ревнуешь её к Бесу и Длинному. А она смеётся над тобой, убегает, дразнит, а сама готовит новое злодейство. И ты сейчас возненавидел её. Ведь так?

Глазунов неуверенно кивнул.

– Так!... Сейчас ты пойдёшь в её комнату. Наталья будет сопротивляться, что-то доказывать. Но ты не станешь слушать её. Ярость клокочет в твоей душе, а в голове одна мысль – избавиться от этой подлой девчонки, ты и сделаешь так.

Верховский нажал кнопку звонка и, когда вошёл Бес, спросил его:

– У тебя есть нож?

Бес протянул ему свой клинок.

– Пойди к Наталье, отведи в её комнату, и потом возвращайся за нашим гостем. Проведёшь его к ней, оставишь вдвоём.

Бес опять недоумённо вскинул брови, но ничего не сказал, двинулся к двери. Минут через пять он возвратился.

– Ну, с богом, – обратился Верховский к Глазунову и подал ему нож.

Глазунов повертел в ладони клинок, медленно поднялся, медленно пошёл к двери. В голове снова зашумело, виски будто обручем сдавило. Ненависть к Наташе, неожиданно вспыхнувшая в нём, раздирала грудь, требовала выхода, но и что-то другое, необъяснимо тяжёлое, сковывало руки и ноги, вызывало в душе протест против этой ненависти и желания отмщения.

– Иди, иди... Не обращай внимания на свои чувства, – глухо донёсся до него повелительный голос Верховского. – Надо избавиться от Натальи. Надо, мой мальчик, надо!...

11

В дверь кабинета Корнеева постучали, и на пороге выросла фигура капитана Петрова.

– Что случилось? – спросил Корнеев своего заместителя, неохотно оторвав взгляд от бумаг, разложенных на столе.

– Глазунов потерялся.

– Как потерялся?

– Ушёл от наблюдения.

– Где? Когда?

– Два часа назад. На автовокзале. Купил билет и так неожиданно вскочил в отходящий автобус, что наш сотрудник не успел последовать за ним.

Корнеев взглянул на часы. Было уже 17 часов 50 минут.

– Растяпа он, а не сотрудник!... – в сердцах сказал Корнеев. – Какой маршрут автобуса?

– Сто десятый номер. До посёлка Черницыно, по дороге на Москву.

– Так, – помрачнел Корнеев. – Понятно.

– Что понятно?

– Отправился искать Любимову.

– Думаешь, тоже вычислил, где она может находиться?

– Конечно. Парень он смыслённый, настёрный, одно слово – журналист! Жаль только, нас не послушался. Теперь придётся форсировать операцию по блокированию «Уюта» и задержанию его обитателей.

– Но мы ещё не выяснили, на кого работает Бес, кто стоит за его спиной. А это самое главное.

– Сейчас самое главное для нас – спасти Глазунова и Любимову. А хозяина Беса уж как-нибудь вычислим.

– Как? Задержим Беса, и он, в лучшем случае, признается в сбыте наркотиков и в своей причастности к гибели журналистов. Тут у нас против него весомые доказательства. А вот где подпольная лаборатория, и кто её хозяин – он вряд ли выдаст... Может, всё-таки, повременим с операцией?

– Нет! Медлить нельзя. А что касается тех, кто стоит за спиной Беса, так у нас есть все данные об обитателях и клиентах «Уюта» – это, несомненно, кто-нибудь из них. Скорее всего, Верховский. Посуди сам – может ли настоящий учёный, интеллигент, связаться с такими гнилыми личностями, как шеф «Уюта» Прохоров и его гости. Не слепой же он, знает, что творится в «Уюте», да и сам там охотно всем пользуется. Значит, и его нутро с душком...

Это, во-первых. А во-вторых, я установил, что в своё время в одном из НИИ он работал над решением проблемы органического синтеза материалов. Но что-то там у него не заладилось... И вдруг – изготовленные на основе такого же

процесса наркотики в изобилии появляются у Беса и распространяются им в нашем городе. Кто мог изготовить их здесь?

– Думаешь, Верховский?

– Теперь почти уверен. Возьми случай с Любимовой... Студентка. Того самого института, где работает Верховский. Судя по всему, бежала-то она из «Уюта», доступного не всякому. Как она оказалась в этом вертепе, среди проституток и уголовников?.. Ответ ясен – кто-то заманил её, чем-то прельстил. Не Верховский ли?

– С какой целью?

– В «Уюте» он мог создать лабораторию? Далеко от города, от чужих глаз... Лучшего укрытия не найти. Теперь поразмышляем дальше... Верховскому, конечно же, понадобилась бы лаборантка. Он выбирает среди своих студенток девушку победнее, но умом и знаниями богаче других – ту же Любимову, кто так и характеризуется в институте, и хитростью или посулами привлекает её к работе в подпольной лаборатории.

– А почему в последние дни так охотились на неё?

Корнеев пожал плечами.

– Можно лишь предположить, что из пансионата она сбежала из-за конфликта с Верховским.

Теперь вот что... Мы с тобой всё гадали о мотивах убийства коллег Глазунова. Но если мои рассуждения верны, то становится понятным, почему их убили и почему охотились за Наташей...

Глазунов это раньше нас сообразил, потому и умчался спасать её. Но и нам нельзя терять ни минуты. Так что, готовь опергруппу на выезд, а я пока руководству доложу. Думаю, возражений на проведение операции не будет.

Корнеев еще раз взглянул на часы.

– В «Уюте» сейчас как раз самый наплыв гостей. Пора нам кончать с этими оборотнями.

12

...Глазунов вышел вслед за Бесом в коридор. Ноги сделались ватными, он едва передвигал их, и если бы не Бес, почти

тащивший его за собой, он, наверное, остановился бы и сел на пол. Бес пнул какую-то дверь, втолкнул его в небольшую комнату и тут же исчез.

Глазунов раскачивался у порога, как пьяный.

Наташа сидела за столом, уткнув голову в сложенные ладони. Услышав стук двери, она поднялась и радостно бросилась к Глазунову.

– Володя! Ты жив?!

И тут она заметила в его руке нож.

– Что это у тебя? Зачем?

Он не ответил. Тяжело дышал и, как безумный, ворочал помутившимися глазами. «Убей её, убей», – слышался в голове гипнотизирующий голос Верховского. Но руки словно свинцом налились. Он с трудом поднял ту, что была с ножом, и... застонал, не в силах выполнить дикий приказ.

Наташа изменилась в лице. Всё поняла. В глазах появилась тревога.

– Тебе приказали убить меня?

– Да... Ты – дрянь!

Горестная улыбка скользнула по бледному лицу Наташи, но девушка переборола себя, попыталась перехватить клинок. Глазунов оттолкнул её.

Наташа вскрикнула, ударившись об угол стола. Невольно обвела взглядом комнату в поисках укрытия. Его здесь не оказалось. Окно?.. Она не испугалась бы стёкол, но решётка окончательно опрокидывала и эту надежду на спасение.

А её неожиданный палач уже стоял рядом. Покачивался на нетвёрдых ногах, что-то невнятно мычал, и нож в его руке отбрасывал на стены зловещую тень.

В груди Наташи всё оборвалось, сердце защемило. Она попятилась, чтобы избежать удара, споткнулась о стул и без чувств опустилась на пол.

Безумные зрачки Глазунова закатились. Он выронил нож и тоже рухнул рядом с ней.

– Слизняк, – презрительно сказал Верховский, увидев представшую перед ним картину. – Подбери платком нож, –

обратился он к застывшему у порога Бесу, – и доведи дело до конца, прикончи девчонку.

– А что потом?

Заполни на неё и журналиста гостевые карточки, всех наверху гони в шею и звони в милицию: мол, вот до чего людей ревность доводит. Пальчики-то на ноже не твои останутся. Понял?

– Понял, – усмехнулся Бес. Он обернул носовым платком руку, осторожно поднял с пола нож, шагнул к очнувшейся девушке. В тот же миг дверь в комнату с грохотом распахнулась, и кто-то тяжёлый обрушился на него, выбив нож из руки. Падая, Бес ещё успел провести освобождающий от захвата сзади болевой приём, но уже в следующую секунду другой неизвестный ему противник ловко защёлкнул на его запястьях наручники.

Верховский попытался к двери.

– Позвольте, позвольте, – срывающимся голосом проборкотал он, ошеломлённый стремительностью случившегося, – я здесь случайно...

Но ему преградили путь.

– Разберёмся!

В комнату стремительно вошёл Корнеев.

– Кто вы такой? – обратился он к Верховскому, краем глаза поймав распростёртого на полу Глазунова и хлопотавшую над ним Наташу.

Верховский церемонно представился.

– Я уже объяснил вашим сотрудникам, – поспешно добавил он, – я оказался здесь случайно. – И протянул руку к нагрудному карману. Её тут же перехватили.

– Обыскать, – коротко приказал Корнеев оперативникам, – Быстро врача сюда и понятых.

Он шагнул к журналисту.

– Что с ним? – спросил Наташу.

– По-моему, обморок, – сквозь слёзы ответила девушка. – Вероятно, одурманили наркотиком.

Она похлопала Глазунова по щекам.

– Ну, очнись же, очнись!...

Веки Глазунова дрогнули, он глубоко вздохнул, застонал. Вместе с невероятной болью в голове и груди услышал шум борьбы, чьи-то злобные возгласы... Затем почувствовал, как кто-то осторожно приподнял его голову и положил её на что-то мягкое и теплое и тычет в рот какую-то таблетку. Потом ощутил на щеке что-то влажное-то ли капли воды, то ли слёзы...

Он попытался открыть глаза и сквозь мутную пелену скорее угадал, чем увидел, что лежит на коленях Наташи, и кто-то уж очень похожий на капитана Корнеева подносит к его рту стакан с водой.

– Володенька, милый... Ну, проглоти эту таблеточку, – словно издалека доносился умоляющий голос Наташи. – Проглоти, и всё будет хорошо!...

Он с трудом разомкнул губы, давась, проглотил таблетку. А в ушах, растворяя боль в груди и голове, продолжало звучать: «Всё будет хорошо... Хорошо!... Хорошо...»

БИЗНЕСМЕН ЛАДНОВ

повесть

1

Майский день давно клонился к вечеру, а Ладнов, генеральный директор торгово-промышленной компании «Надежда», – высокорослый, сорокалетний блондин, уже битый час всё ещё сидел за своим рабочим столом и внимательно изучал поступившие к нему в течение дня документы. В дверь кабинета постучали.

– Войдите! – чуть раздражённо отозвался Ладнов: ему не терпелось поскорей покончить с бумагами и приняться за другие неотложные дела, а тут кто-то отрывает...

Дверь осторожно приоткрылась, и в кабинет вошла молодая брюнетка – пресс-секретарь компании Нина.

– Разрешите, Сергей Васильевич? – замерла она на пороге.

Он сердито сдвинул брови:

– В чём дело? Что-нибудь срочное?

– Не очень, конечно. К вам опять просится на приём Виктория Соколова, журналистка.

– Зачем? Вроде бы, обо всём вчера поговорили.

– Вика хочет, чтобы вы прочитали и завизировали текст её интервью с вами.

– Могла бы переслать по факсу.

– Решила вручить лично, беспокоится: не упустила ли чего?

Ладнов расстроился: рабочий день подходил к концу, а ещё необходимо встретиться с партнёрами по бизнесу. Следовало основательно подготовиться к встрече, и вот на тебе – снова эта Вика!

– Как журналистка не вовремя, – хмуро заметил Нине. – Да что теперь... Она где – у вас?

– В приёмной сидит.

– Зовите. И предупредите, что у меня очень мало времени.

Нина облегчённо вздохнула, быстро выскользнула за порог: по опыту знала, что когда шеф не в духе, лучше не маячить у него перед глазами. Через минуту в дверь снова постучали. Не дожидаясь приглашения, в кабинет впорхнула среднего роста энергичная белокурая девушка в светлом брючном костюмчике. Её глаза радостно сияли, а тонкие пальчики крепко прижимали к груди жёлтую кожаную папку, словно боялись потерять

– Здравствуйте, Вика, – приветливо сказал девушке Ладнов. – Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь.

Он указал на кресло у низкого столика у окна.

– Давайте ваш текст, буду читать.

Вика бережно передала в руки Ладнова папку с текстом интервью, прошла к столику и ... утонула в глубоком кожаном кресле. Улыбнулась, радуясь тому, что Ладнов опять принял её: «Надо же, повезло. Просто не верится! А говорили, что он страшный бука...»

Ладнов прошёл к столу, опустился в кресло – вертушку, раскрыл папку, начал читать.

«В нашей стране полным ходом идут большие перемены. Она полностью перешла к рыночным отношениям. Появились первые миллионеры и даже миллиардеры. Такие крепкие бизнесмены есть и в нашем Приволжье. Среди них особо выделяется генеральный директор ОАО «Надежда» Ладнов Сергей Васильевич. Он сделал себе состояние на отходах производства. За последние два года заработал почти десять миллионов долларов. С ним и состоялся наш разговор.

– Сергей Васильевич, как вы пришли к решению создать компанию?

– Это был долгий путь. Сначала, окончив среднюю школу, поступил по настоянию отца в двухгодичную школу столяров – краснодеревщиков. «Учись, сынок, – наставлял отец, плотник по профессии, – столяр во все времена всегда работает на кусок хлеба». Затем заочно окончил Московский институт торговли.

Директорствовал потом в кафе, работал в потребсоюзе – там, кстати, познал азы кооперации, что помогло мне вскоре

начать своё дело. Понимаю теперь, что только тот добивается успехов в жизни, кто упорно движется к своей цели.

– А ваша цель?

– Быть независимым ни от кого – всего в жизни добиваться самому, стать богатым и сильным.

– И всё ж таки, когда и как вы стали предпринимателем?

– В 1986 году вышло Постановление Правительства, разрешающее создание кооперативов. Тогда я и организовал первый в нашем городе кооператив «Надежда» при одной местной конторе. Её директор, мой хороший знакомый, дал нам почти разрушенную хибару и сказал: «А теперь сам – как хочешь: крутись-вертись». Признался потом – думал, что у нас ничего с кооперативом не получится.

А у нас всё получилось! И здание отремонтировали, и работу наладили.

– Чем хотели заниматься? Какое налаживали производство?

– Швейное. Помните пословицу: «С миру по нитке – голому рубаха». Вот и у нас с компаньонами так было. Собрали денег, купили современные импортные швейные машины, и работа закипела: шили из отходов свиной кожи куртки – не хуже заграничных. Из отходов текстильной фабрики изготавливали, кепки, панамы, юбки, кофточки... Работники кооператива, да и его пайщики только радовались всё возрастающим доходам.

Ладнов одобрительно посмотрел на журналистку: «Умница девчонка. Самую суть ухватила».

А «умница-девчонка» тоже думала о Ладнове. Как полностью он оправдывает фамилию! Как прост, умён и демократичен этот фактический владелец компании, её швейной и обувной фабрик с их магазинами. Иные начальники надуются, как индюки, и тебе ни «здравствуй», ни «прощай» – руки не подадут...

– А знаете, Вика, – заговорил Ладнов, – не всё у нас так гладко было, как вы расписали.

– Например? – встревожилась девушка.

– Появились завистники. В прокуратуру и партийные органы полетели письма с требованием разобраться – откуда

у нашего коллектива большие деньги, так ли честно заработаны? В результате счета кооператива заморозили, с проверкой приехала обкомовская комиссия...

– И что же?

– А ничего! – с довольной улыбкой ответил Ладнов. – После проверки комиссия записала в акте: «Нарушений не выявлено».

Он вернулся к читке.

Интервью заканчивалось так:

«Потом кооператив «Надежда» преобразовался в успешную акционерную компанию с тем же названием. Она построила в городе большой «Торговый Центр», куда переместились многие уличные торговцы. Что ещё предложит этот предприниматель горожанам? Уверена – опять будет нечто! Успехов вам, бизнесмен Ладнов!»

Он сложил в папку листки с текстом интервью, встал из-за стола, подошёл к Виктории.

Она с надеждой устремила на него свой взгляд.

– Подойдёт?

Это интервью было для неё, вчерашней выпускнице МГУ, серьёзным редакционным заданием, и она очень беспокоилась – справилась ли?

– Подойдёт, – поспешил успокоить Ладнов, – Правда, я тут кое-что поправил и сократил, но в целом – подойдёт, – повторил он и вручил поднявшейся девушке папку с текстом интервью.

Виктория опять крепко прижала её к груди. На секунду задумалась...

– А почему кооператив и компанию назвали «Надеждой»?

– Это имя моей жены, – чуть помедлив, ответил Ладнов. – Она для меня, как в песне Пахмутовой – «Мой компас земной и награда за смелость». Без её поддержки и уверенности в том, что справлюсь, вряд ли решился бы заняться частным делом.

– Спасибо вам! – довольно улыбнулась Вика.

– За что?

– За то, что прочли мой опус, не отвергли его.

– Пустяки! – засмеялся Ладнов. Он взял протянутую ему руку, осторожно пожал пальчики девушки: «До свидания. Буду ждать газету».

Вика уже хотела уйти, как вдруг хлопнула себя ладошкой по лбу.

– Забыла! Редактор просил узнать о ваших рабочих планах.

– Хотим построить современный, как в Москве, физкультурно-оздоровительный комплекс для наших горожан – ФОК. С бассейном и концертно-зрелищным залом.

– И когда думаете сдать в строй?

– На дворе – май, к Новому Году. Обещаю!

– Берегите себя – вы у нас пока единственный такой заботливый меценат, иные дельцы всё казино открывают.

– Так уж и единственный, – смущённо возразил Ладнов и снова повторил:

– До свидания, Вика. До свидания!

***

Как только журналистка ушла, Ладнов вернулся за стол, нажал клавишу селектора.

– Кучеров, зайди ко мне.

Через минуту в кабинет грузно вошёл рыжеусый, с большими залысинами толстяк – бывший сокурсник по институту, верный товарищ Ладнова, а теперь и его первый заместитель, финансовый директор компании Кучеров.

– Слушаю тебя, Сергей, – сказал Кучеров, присел к столу и вопросительно посмотрел на озабоченное лицо друга.

– Борис, мне срочно нужна справка о ходе строительства ФОКа: что уже сделано в соответствии с проектом и календарным планом, какая ещё понадобится техника, строительные материалы, оборудование, во что, примерно, всё это нам дополнительно обойдётся?..

Кучеров недовольно шевельнул густыми усами:

– Почему срочно?

– Я дал слово сдать ФОК к Новому Году.

– Кому дал?

– Газете, значит – горожанам.

– Хорошо, к следующему четвергу сделаю. А пока подумай о себе – весь уработался, круги под глазами...Завтра суббота – выходной. Отложи-ка все дела, и махнём на Волгу порыбачить. Отвлечёмся немного от забот и хлопот. Идёт?

Ладнов на секунду задумался, потом с улыбкой ответил:

– Пожалуй. Да, принято. Будь здоров, дорогой. До завтра.

Кучеров тяжело поднялся со стула и с довольной улыбкой через минуту скрылся за дверью. Ладнов подошёл к раскрытому окну. Наступивший вечер ничем не отличался от предыдущего. Во дворе офиса проснувшиеся от зимней спячки берёзы уже примеряли нежно-зелёный наряд, закатное солнце золотило крыши соседних домов, лёгкий ветерок веял освежающей прохладой. Как хорошо!...

Он с сожалением вернулся за стол. В голове гудело от усталости, попросил секретаршу принести кофе.

Когда голове стало легче, он вызвал машину и отправился на встречу с инвесторами – предстояло провести ещё полтора-два часа тяжелейших переговоров о финансировании строительства ФОКа...

2

От переговоров с инвесторами голова Ладнова будто снова налилась свинцовой тяжестью, ослабли руки и ноги, всё тело. Он не вошёл – ввалился в квартиру. Жена, как обычно в такое позднее время, смотрела телевизор. Она торопливо поднялась с дивана, заботливо спросила:

– Есть будешь? Подогреть отбивную?..

– Нет, Надюша, я не голоден, перекусил у компаньонов.

Пойду спать, сегодня вымотался, как никогда.

– Что так? – расстроилась Надежда.

– Деньги на стройку ФОКа нужны, а где их взять? Инвесторы пока не очень-то щедры...

– Попробуй снова обратиться к нашим кредиторам-банкам.

– К кому, например?

– Крутилов может помочь...

– Обращался уже. Ещё сегодня. Не даёт!... Говорит, что постройка ФОКа не очень прибыльное дело для него. Пойду-ка я спать, – повторил он.

– Иди, иди. Я тоже скоро приду,

...Они познакомились в год Московской Олимпиады, когда сдавали вступительные экзамены в один и тот же институт. Ладнов ей сразу приглянулся. Она, его ровесница зеленоглазая блондинка, тоже была небезразличной ему. Время было весёлое, студенческое. Сами не успели опомниться, как расписались в ЗАГСе. Потом прожили вместе почти двадцать лет, успели вырастить двоих детей. Дочь уже замужем, сын дослуживает срочную в армии...

Окончив институт, Надежда ушла с работы, быстро дважды родила, да тогда так и осталась сидеть дома с детьми, благо Ладнов прилично зарабатывал. Но никогда, ни на один день не забывала поинтересоваться, как идут дела у мужа на работе, помогала, как только могла и умела. При этом тщательно следила за собой – каждый день накладывала на лицо маски, принимала омолаживающие кожу тела ванны, крутилась перед зеркалом: не пополнела ли, не появились ли морщины. Всё ещё хотелось нравиться мужу, боялась потерять его.

И всё шло хорошо. Но однажды она отметила, что муж стал очень поздно приходить с работы и всё реже обнимал её при возвращении. Тогда она не придавала этому большого значения. Однако, уже длительное время эти эпизоды повторялись всё чаще и чаще.

«Не завёл ли он на стороне другую женщину?» – с тревогой думала Надежда, укладываясь рядом с мужем в постель и пытаясь понять – спит он, или нет.

А Ладнов не спал, с тревогой ожидал: захочется ли ему, как бывало прежде, страстных объятий? Мужик он, или не мужик уже?

Надежда не шевелилась, дышала почти беззвучно. Вспоминала их студенческую пору. Тогда им было так хорошо!

Первые волнующие свидания, робкие прикосновения друг к другу, первые поцелуи.

...Её воспоминания тут же прекратились, как только она почувствовала на бедре горячую руку мужа. Надежда радостно откликнулась на его порыв. Но через несколько минут с разочарованием, ставшим уже привычным, отвернулась к стене.

Ладнов тоже чувствовал себя ужасно. Хотелось высечь себя за слабость.

Скверно было у него на душе и на другой день, на Волге, хотя утро выдалось тёплым и солнечным. Не было ни малейшего ветерка, река словно застыла в берегах, на глади её воды ни волны, ни ряби. Всё вокруг тихо, спокойно. И Кучеров всячески старался отвлечь его от неприятных мыслей – шутил, рассказывал новые анекдоты. Всё было напрасно – он так и не вышел из угрюмого состояния.

– Да что с тобой сегодня? – удивился Кучеров.

– Плохо мне, Боря, – с горечью и не сразу ответил Ладнов. – С нашими инвесторами вести дела что-то туговато стало, да и ничего уже не радует, даже интим с женой. У врача побывать, что ли?

– Наверное, ты просто уработался, – отмахнулся Кучеров. – Со мной тоже такое бывало. А на других баб глаз не загорается?

– Моя Наденька не баба, – обидчиво вскинулся Ладнов. – Она умница и прелесть. Я обожаю её!

– Знаю, знаю, примирительно сказал Кучеров, – И всё же – ты не ответил на вопрос о других женщинах.

– Бывает, и засмотришься на ту или иную красавицу, – нехотя и несколько раздражительно отозвался Ладнов.

– Ну, тогда и волноваться тебе незачем: просто утомился от хлопот и забот. Мой тебе совет: будешь уходить с работы домой – все проблемы сразу оставляй за порогом офиса. Иначе, и рехнуться можешь. Ты вот лучше жене уделяй больше внимания. А то, как однажды и моя половинка, обидится, и поминай, как звали...

Кучеров умолк, размышляя – удастся ли ему с шефом порыбачить сегодня от души: «Вряд ли – и настроение у шефа неважное, и поклёвок, как на грех, нет...»

Так и получилось, как в поговорке: «Везде вода, да не везде рыба».

– Может, зайдём в погребок к Гоше? – предложил после неудавшейся рыбалки Борис.

– В честь чего это? – Ладнов, в отличие от друга не был любителем выпивок. Но решил приподнять настроение обоим. – Хорошо, зайдём.

Он был наслышан о гостеприимном хозяине погребка – Гоше Чхеидзе – крупном, смуглом, горбоносом мужчине лет пятидесяти, который, как рассказывали, держит там лучшие вина Грузии. В белоснежной рубашке с короткими рукавами, из-под которых на мускулистых руках вились густые чёрные волосы, облокотившись о стойку бара, он лениво поглядывал на клиентов.

– Подскажите, уважаемый, что выбрать? Какое вино посоветовали бы – бочковое, или бутылочное? – обратился к нему Ладнов, когда Борис привёл его в погребок..

– Вай! – горячо воскликнул Гоша, оторвавшись от стойки. – У меня только Киндзмараули и Хванчкары пока нет, – заговорил он с лёгким кавказским акцентом, – а так, выбирай, что хочешь: Цинандали, Гурджаани, бутылочное, бочковое – у меня все вина отличные! Вот, он вам подтвердит, – кивнул Гоша на Кучерова, нетерпеливо посматривающего на красочные этикетки бутылок в витрине. – Он почти каждый вечер бывает здесь, – добавил Гоша. – Всё вина дегустирует!

Ладнов только изумлённо хмыкнул.

– Ладно. Налейте стаканчик красного, бочкового.

3

В понедельник, удручённый очередным разладом с женой, Ладнов вспомнил разговор с Кучеровым на рыбалке, и когда Нина после планёрки принесла ему газеты, впервые с особым мужским интересом обратил внимание на своего пресс-секретаря.

Нина выглядела довольно привлекательно: среднего роста, правильные черты лица, высокий гладкий лоб, чуть

изогнутые ресницы и брови, густые чёрные волосы, спускающиеся на плечи. Всё это очень гармонировало с удлинённым разрезом карих глаз, высокой грудью, узкой талией, словно точёными ножками.

«Как же раньше не замечал её»? – с невольным огорчением подумал Ладнов.

Ему захотелось поближе познакомиться с ней. Но ещё несколько дней не решался заговорить с Ниной. И всё же однажды, в порыве какого-то пыла, вызвал её в свой кабинет.

– Нина, подойдите ко мне, – мягче, чем бывало прежде, обратился он к ней, выжидающе застывшей в дверях.

Она удивлённо вскинула брови: ещё никогда шеф не называл её просто по имени.

Нина подошла к столу:

Слушаю вас, Сергей Васильевич...

Ладнов с удовольствием вдохнул тончайший аромат её духов, заметил, что она смущена его необычным обращением, и сам чуточку растерялся.

– Нина, – повторил он слегка осевшим голосом. – Вы сегодня вечером будете очень заняты?

– Нет, вечером я буду свободна.

Она всё поняла. Для неё Ладнов не был таким уж красивцем. Нравилось другое – уверенность в себе и внутреннее спокойствие. Он, конечно, мог и вспылить, повыситься голос, но это происходило лишь в тех случаях, когда подчинённые были в чём-то повинны. Но и тогда быстро брал себя в руки. К тому же, по её мнению, у него была светлая голова, что немаловажно для любого руководителя.

На своем жизненном пути она частенько встречала мужчин, окидывающих её сальным взглядом. Вот и муж оказался бабником, отчего и разошлась с ним. Ладнов же, считала она – пуританин. Многие сотрудницы компании тоже принимали шефа за «сухаря». И вдруг – этот его взволнованный голос...

«Значит, что-то во мне привлекло его! – обрадовалась Нина.

А Ладнов продолжал смотреть на неё всё с тем же нескрываемым интересом: «Надо же, какая прелесть обитает в его офисе! Наверное, ухажёров пруд пруди...»

– Можно пригласить вас составить мне компанию на прогулке? – снова обратился он к ней с вопросом.

– Можно. – Лицо Нины зарделось. – Сегодня вечером я свободна, – повторила она.

– Тогда после работы не уходите. Я позвоню вам. Договорились?

Нина согласно кивнула.

В шесть тридцать вечера, когда все сотрудники офиса разошлись по домам, позвонил её рабочий телефон.

– Слушаю, – задыхаясь от волнения, ответила она в трубку.

– Через пять минут выходите, буду ждать вас у подъезда, – услышала Нина мягкий голос Ладнова. Взглянула в зеркальце, торопливо поправила расчёской волосы. Подкрасила губы и вышла ровно через пять минут.

Ладнов выглядел элегантно. На нём был уже не будничный светлый костюм, а стильный тёмно-синий в полоску, с голубой сорочкой и синим галстуком в белый горошек.

Ладнов, в свою очередь, бросил на неё быстрый взгляд. Она тоже переделалась – сменила фирменный чёрного цвета костюм на лёгкое сиреневое платье, плотно обтягивающее бедра и грудь.

Ладнов пригласил её в свою «Волгу».

– Куда поедет? – спросила Нина.

– За драмтеатром есть чудный скверик. Мне он нравится ухоженными дорожками, клумбами и уютным кафе. Там всегда не так многолюдно и можно отведать отличный пломбир. Давайте прогуляемся в этот скверик?

– С удовольствием. Я тоже люблю его.

Когда они подъехали к театру и вышли из машины, Нина робко просунула ладошку под локоть Ладнова. На секунду он замер: не увидит ли кто из знакомых – что тогда?

Нина поняла опрометчивость своего поступка, мягко высвободила руку.

«Умница!» – успокоился Ладнов.

Они прошли сквериком в кафе, в тень веранды, где стояли несколько столиков из белого пластика. Сели в

уголок. К ним тотчас же подскочил юркий молодой официант.

– Что пожелаете?

– Мороженое, – попросил Ладнов.

– С клубничным вареньем, – добавила Нина.

Расторопный официант моментально исполнил заказ.

Ладнов щедро расплатился, с лёгкостью в душе откинулся на спинку стула. Из небольшого динамика под козырьком веранды лилась волнующая душу песня «Эти глаза напротив». Белые бутоны кустов цветущего жасмина дурманили пряным ароматом голову, а рядом с ним, Ладновым, сидела прекрасная женщина... Он заворожено смотрел на её чуть пухлые чувственные губы и лучших минут представить себе не мог.

– Нина, вы сегодня такая красивая...

– Только сегодня? – кокетливо улыбнулась Нина. Она знала, что шеф женат, не раз видела в офисе его симпатичную жену: видимо, та приходила проведать муженька. Но что-то в последнее время больше не приводилось встречать. Не разошлись ли? Может, поэтому шеф сегодня так необычен? Как бы там ни было, она, Нина – свободная, молодая женщина, имеет право и вольна себе позволить распоряжаться собой так, как сама того хочет. А сегодня она пожелала остаться с шефом наедине и рада этому.

...Они ели мороженое и с улыбкой смотрели друг на друга. Оба чувствовали, что между ними возникает волнующая душу связь.

– Ещё порцию? – предложил Ладнов, как только Нина отставила вазочку

– Боюсь, горло заболит.

Она достала из сумочки тюбик с помадой, круглое зеркальце, глянула в него, чуть подправила помадой губы, повернула голову к Ладнову:

– По домам?

– Я подвезу вас, не возражаете?

– Не возражаю.

***

У подъезда девятиэтажной коробки дома, где Нина попросила остановить машину, на скамейке о чём-то оживлённо разговаривали две старушки. Увидев Ладнова с Ниной, разом умолкли и с любопытством уставились на них. Нина и бровью не повела.

– Вот здесь я и живу, – обратилась она к Ладнову. – Теперь Я хочу угостить вас, приглашаю.

Он ещё накануне узнал, что она одинока, поэтому с лёгкой душой прошёл вслед за ней в квартиру.

– Пока поглядите, как я живу, – предложила Нина, остановившись в прихожей у зеркала. – Квартирка у меня маленькая.

Ладнов прошёл в комнату, осмотрелся: она оказалась хорошо обставлена мебелью и ухожена чисто с женским старанием. В ней было уютно, пахло хорошим парфюмом. На полу лежал зелёного цвета палас, а на письменном столе у окна красовалась хрустальная вазочка с живыми цветами.

Через несколько минут Нина внесла поднос с чашечками кофе и бутербродами. Потом они слушали магнитофонные записи концерта итальянской эстрады, Даже потанцевали немного.

Нина вдруг зябко повела плечами.

– Что, холодно? – спросил Ладнов. – Я форточку закрою.

– Не надо. Выйдите на минутку. Я позову.

Он вышел и вскоре услышал чуть дрогнувший голос Нины:

– Входите!

Ладнов вошёл, и кровь бросилась ему в голову: откинув одеяло, обнажённая Нина со странной улыбкой лежала в постели и жестом руки приглашала разделить с ней ложе.

Он оторопел. Противоречивые чувства охватили душу: отказать женщине – вроде, как обидеть, низко пасть в её глазах, но и вот так, с ходу, броситься к ней в постель – тоже не мог.

В комнате повисла тягучая пауза.

Нина нетерпеливо прикусила губу.

– Ну, что же вы?..

Он колебался ещё несколько секунд, но волна острого желания вдруг охватила всё его тело...

4

От Нины Ладнов выбрался в двенадцатом часу ночи. Ехал домой и пытался разобраться в себе. На душе было неспокойно. Мрачные мысли теснились в голове: «Всё – таки изменил жене. Что будет, если она узнает?»

Ещё никогда он не чувствовал себя так мерзко – как он мог так легко поддаться очарованию Нины?

Он потряс головой, отгоняя неприятные мысли. Заставил себя успокоиться: этот вечер показал правоту Кучерова. Выходило, что ему, Ладнову, не о чем и волноваться – он не импотент.

Жена встретила его насуплено. Обиженно кинула в лицо свою боль:

– Опять где-то пропал, гуляка!

– Почему сразу «гуляка»... С Кучеровым в шахматы играли, – протянул он, пряча глаза. Ему сделалось стыдно за свой обман. Он прошмыгнул в спальню, дав себе зарок – больше никогда не поддаваться чарам Нины. И слово держал крепко. Как она ни сталкивалась с ним будто ненароком в офисе, как ни старалась нежно улыбаться при встрече, он лишь сухо здоровался и не позволял себе никаких вольностей. Ему хотелось как можно скорей поставить точку в их недавней неслужебной встрече. При очередном заходе Нины в его кабинет Ладнов, подвёл, наконец, черту:

– Нина Николаевна, мы взрослые люди. Должны понимать, что тот вечер был для нас случайным. Я сам виноват, больше такого не повторится.

Нина попыталась было что-то сказать, но Ладнов остановил её:

– Я искренне извиняюсь перед вами, – твёрдо продолжил он, – надеюсь и на ваше благоразумие.

Нина растерянно поджала губы и с понуренной головой вышла из кабинета. Ладнов же впервые почувствовал себя

просто жалким и гадким. Однако разговор с Ниной был необходим ему ещё и потому, что их интрижка могла помешать не только его семейной жизни, но и работе: на него снова начали насаждать. Неизвестные ему люди требовали продать блокирующий пакет акций компании, ежедневно звонили с угрозами, давили на банки, чтобы те не предоставляли ему кредиты, столь необходимые для закупки сырья и оборудования. Вдруг зачастили с проверками работники прокуратуры и милиции, пожарники, налоговики...

Он почти начал терять самообладание. Понимал, что наскоки не случайны: организует и руководит ими какой-то хваткий заводила, видимо, желающий прибрать компанию к рукам... Но кто это, кто?.. Сейчас, когда строительство ФОКа шло полным ходом, такие нападки сильно мешали работе компании.

«Ничего! Мы ещё поборемся!» – успокаивал себя Ладнов.

Так было и в девяностых годах. Наезжали все, кому не лень: слишком хорошо был поставлен его бизнес. За счёт прибыли кооператива приходилось давать откаты. Зато он продолжал делать своё дело.

Так было. Он думал, что уж в наступившем-то новом тысячелетии его и других предпринимателей, наконец-то оставят в покое. Но всё повторилось и в этом году – две тысячи первом. На смену прежним рэкетирам пришли другие обираловщики: более матёрые, жадные и наглые рейдеры. Уже обанкротились некоторые частные фирмы, и даже государственные предприятия.

«Со мной такое не пройдёт!» – продолжал успокаивать себя Ладнов... Он решил пройтись по офису: всё ли у сотрудников в порядке, не появились ли проблемы?

То, что увидел, порадовало. Офис гудел как улей: менеджеры деловито обговаривали по телефону всевозможные сделки, уверенно стучали по клавиатуре компьютеров, принимали и отсылали факсы...

К исходу рабочего дня он повстречался и переговорил со всеми, кто был ему нужен и кому был нужен сам. Вернулся в кабинет. Устало рухнул в кресло. Задумался. Почему чи-

новники не помогают ему, а строят козни? В отличие от некоторых других компаний, желающих лишь продавать, а не производить товары, разве не его компания строит в городе новые объекты, где десятки горожан могут найти себе работу? Разве не помогает многим предприятиям избавиться от неликвидных остатков, использует, а не уничтожает отходы их производства? Тогда зачем воевать с ним, ставить препоны? Не лучше ли развивать партнёрство?

Он вызвал Кучерова. Тот не замедлил явиться – с мешками под глазами.

– Как идёт строительство ФОКа? – нервно спросил Ладнов.

– Чиновники одолели, мать их!... – в сердцах выругался Борис, рухнув в кресло. – Чинят препятствия на каждом шагу, требуют всё новых и новых согласований и всё новых документов. Без долларовых купюр не выдают простейшие справки.

– Кто тормозит?

Кучеров только усмехнулся в рыжие усы:

– Таможенники, например, совсем обнаглели, – сердито сказал он через минуту, – задерживают грузы в наш адрес.

– Давал на лапу?

– Давал. Только их аппетит растёт всё больше и больше...

Бандиты грабят фуры. Останавливают на подъезде к городу даже днём.

Ладнов помрачнел. Но заставил себя успокоиться.

– В милицию заявлял? – снова спросил он Бориса.

– Звонил, и бумагу соответствующую направлял.

– И что?

– А ничего! Глухо. «Работаем, – говорят, – не беспокойтесь».

– Понятно...-тоже с сарказмом протянул Ладнов. – И всё же, Борис, ты руку с пульса строительства не снимай. – твёрдо наставлял он друга. – Мы должны сдать ФОК городу точно в срок. Так что, не приму никаких отговорок. Подготовь мне справку – что уже сделано по этому объекту, в том числе подрядчиками, в чём нужна помощь, нужны ли дополнительные инвестиции, если «да», то сколько?

– Это опять срочно?

– Да, хочу убедиться, всё ли идёт так, как надо... Справка должна быть у меня сегодня же.

– Сергей, побойся бога! – взмолился Борис, поднимаясь с кресла. – Рабочий день уже закончился. Если не щадишь себя, то хотя бы не погоняй меня. Который день прихожу домой чуть не за полночь. Так и инфаркт заработать можно.

– Ничего, ничего. Вот сдадим ФОК, дополнительный отпуск предоставлю. Оплачу все расходы на хороший отдых и лечение.

– Успокоил, называется, – недовольно пробурчал Кучеров. – Ты деспот!

Ладнов невесело усмехнулся:

– Сказанул! Просто я приучил себя, заботясь о текущих проблемах, не забывать о стратегических задачах. Учись и ты.

– Поздно, – снова буркнул Кучеров. – Скоро у меня голова уже совсем лысой станет.

5

Тот злосчастный августовский понедельник ещё долго вспоминался Ладнову. Тогда, радуясь солнечному утру, он не спеша шёл на работу. Против обыкновения немного опоздал. И очень удивился, увидев у подъезда здания офиса две спецмашины милиции и омовца. Тот преградил ему вход:

– Ваши документы!

– В чём дело? Я генеральный директор компании.

Ладнов показал удостоверение. Омовец просмотрел его, посторонился:

– Можете войти.

Ладнов прошёл через вестибюль к лифту, поднялся на свой, четвёртый этаж. В коридоре увидел невероятную картину: на полу ничком лежали сотрудники офиса. За ними, покрякивая, присматривали несколько омовцев с резиновыми дубинками в руках:

– Не двигаться! Всем молчать!

Он проскользнул в помещение приёмной. К нему с воплем бросилась испуганная секретарша – суетливая, сухопарая дева с седыми волосами, собранными в пучок на затылке:

– Слава богу, вы пришли! – Её губы тряслись от страха и волнения.

– Что здесь случилось, Зоя Петровна?

– Тут такое творится, такое...-торопливо заверещала секретарша. – Они ворвались в масках, перевернули всё вверх дном. И у вас в кабинете сидят.

Ладнов, как мог, поуспокоил её, открыл дверь в кабинет. Там, действительно, находился средних лет мужчина в форме работника милиции: сидел за столом и что-то искал в его ящиках. В креслах у окна сидели ещё двое – в штатском.

Ладнов негодуя спросил милиционера:

– Кто вы такой? Почему роетесь в моём столе? Что за производ?

Милиционер медленно встал, расправил плечи.

– Капитан Смирнов, – с важностью представился он. – Старший инспектор отдела борьбы с экономическими преступлениями УВД. Произвожу обыск, изъятие документов. Санкция прокурора имеется. Всё законно, господин Ладнов. Прошу ключ от сейфа.

– Вам что, делать больше нечего? У нас не воровская малина! В чём мы провинились?

Выражение высокомерия и спокойствия тотчас слетело с лица капитана.

– Ключ! – сурово и требовательно повторил он Ладнову. Тот молча отдал ключ. Смирнов повозился с ним у дверцы сейфа, открыл его, осмотрел содержимое находившихся там папок, удовлетворённо причмокнул:

– Та-ак! Папки я забираю. В присутствии понятых, – он кивнул в сторону людей в штатском, – составим протокол изъятия. Вы, господин Ладнов, подпишите его и отправитесь со мной в управление.

Ладнов пожал плечами:

– Пожалуйста. Я позвоню своему адвокату?

– Звоните – законом не воспрещается.

После звонка адвокату все вышли в коридор. Сотрудников компании там уже не было, из дверей кабинетов люди в штатском выносили папки с документами, коробки с компьютерными дисками...

«Спокойно, не дёргайся», – приказал себе Ладнов. Он был уверен, что вся эта картина – недоразумение, что в милиции скоро во всём разберутся, отпустят его и вернут изъятое.

Но вышло иначе. В управлении внутренних дел его поместили в ИВС – изолятор временного содержания. Выпустили лишь через сутки, благодаря вмешательству адвоката. Выпустили по подписке о невыезде.

– Я в чём-то нарушил закон? – расстроено спросил он адвоката.

– Пока ничего толком мне не объяснили, – ответил тот. – Сказали, что против вас возбуждено уголовное дело. Якобы, вы расхищали деньги акционеров, а компания не уплатила своевременно налог с прибыли.

– В какой сумме мы не уплатили? – удивился Ладнов.

– Да смехотворная: капля в море по сравнению с доходом. Я говорил с Кучеровым – как такое могло произойти? Он сказал, что был очень занят, вот и не проследил вовремя...

Ладнов взорвался:

– Ай, Борис! Ну, сукин сын!... Меньше времени проводил бы в погребке Чхеидзе. Сегодня же намылю Борису голову и прикажу перевести в банк деньги. А насчёт их хищения – я чист, как ребёнок: брал деньги на закупку оборудования. С лихвой вернул при выплате дивидендов.

Инцидент с задержанием был только первой ласточкой. Вскоре Ладнову позвонил один из самых богатых и влиятельных кредиторов, хозяин частного банка и казино Крутилов:

– Не оторвал от дел?

– О чём речь! – радушно отозвался Ладнов. – Всегда рад слышать тебя. Как раз опять намеревался переговорить о новом кредите. Строительство ФОКа в самом разгаре, необходимо закупить для него ещё часть оборудования, провести ряд дополнительных работ. Поможешь, Николай Николаевич?

Крутилов давно завидовал Ладнову, его успехам в бизнесе, мечтал любой ценой заполучить его компанию. И тут вдруг просьба о помощи – не подарок ли судьбы? Не упустить бы момент!...

Он долго молчал, сопел в трубку, потом сипло проговорил?

– Не дам, не проси. И завтра верни тот кредит, что уже брал и не вернул в срок – четыреста тысяч зелёных. С процентами и штрафными!

Ладнова будто ударили по голове.

– Николай Николаевич! Скажи, что пошутил, – упавшим голосом сказал он в трубку

– Какие шутки! Сейчас мне самому деньги нужны, хочу прикупить на торгах стройфирму «Веста».

«Зачем ему «Веста»? – лихорадочно соображал Ладнов.

– Он же ни черта не понимает в строительстве. Да и в банке его денег немерено. Тут дело в чём-то другом».

– Ладно, долг верну. Перезайму у других, – сообщил он банкиру, – однако, верну не завтра. Сам понимаешь – столько денег быстро не наскрести.

– А ты продай мне свой пакет акций компании.

«Вот где собака зарыта», – похолодел Ладнов. И его вдруг осенило: «Кукловод» – Крутилов!

– Хрен тебе, а не пакет! – сорвался он в ответ на грабительское предложение и отключил мобильник.

На другой день с просьбой незамедлительно вернуть деньги к нему обратился ещё один кредитор. Потом, как по команде, ещё один, и ещё. А получив деньги, стали заодно с Крутиловым скупать акции фирмы Ладнова у служащих его компании, у других их владельцев...

«Это наезд, – с тревогой, подумал Ладнов. – Положение становится совсем скверным. Что будет дальше?»

А дальше, в начале сентября был арест, потом суд, приговор о лишении свободы, томительное пребывание в следственном изоляторе в ожидании отправки в колонию.

«За что осудили? – со злой обидой думал Ладнов. – За какое такое хищение? Неуплату налога? Всегда выплачивал до копейки!»

Закинув руки за голову, Ладнов лежал на верхней полке секции вагона для перевозки осуждённых, удручённо вздыхал: единственная лампочка тускло мерцала, царили полумрак и спёртый воздух. Невольно вспомнился дом: так было хорошо там! Жена Надежда – отличная хозяйка, всегда заботилась и о доме, и о муже... Вот и перед отправкой этапа в колонию принесла немало продуктов, тёплые вещи. Прав был Кучеров, следовало больше уделять ей внимание, а не закидываться на делах компании, сгорая на работе.

Ладнов взглянул на окно коридора. За стеклом в свете луны мела позёмка, появлялись и тут же исчезали опущенные снегом деревья и кусты.

А состав всё ускорял и ускорял движение, ритмичный перестук колёс постепенно превратился в один монотонный звук, под который Ладнов постепенно заснул.

Его разбудило резкое дёрганье вагона. Он опять посмотрел на окно: было утро.

Вагон прекратил дёрганье, остановился. К решётке секции подбежали солдаты охраны во главе с лейтенантом, начальником караула, все в белых полушубках, шапках-ушанках...

– По одному с вещами выходи! – услышал Ладнов голос лейтенанта.

Он слез с полки, шагнул за другими этапниками к выходу. С подножки вагона прыгнул последним, споткнулся и чуть не упал от толчка в спину. Осмотрелся. Их вагон, отцепленный от состава, стоял в тупике. Дул сильный, морозный ветер. С автоматами в руках, поглядывали на этапников охранники. Трое из них еле сдерживали на коротких поводках лающих овчарок, урчали моторы двух автозаков.

Ладнов, как вышел из вагона последним, так последним и взобрался в кузов автозака. Тот сразу рванул с места. Мчал недолго, вскоре остановился.

И снова – лай собак, переключка, но всё это теперь у сдвижных железных ворот колонии, бетонной ограды с колючей проволокой поверху.

Ладнов снова осмотрелся. За спиной виднелись многоэтажные дома, высились телеграфные столбы...

«Значит, не в тайге жить будем» – порадовался он.

Переключка окончилась, ворота открылись, всех этапников повели в помещение карантина, где им предстояло пройти стрижку, помывку, медицинский осмотр, переодевание в зековскую робу.

***

Спустя две недели пребывания в карантине, этапников распределили по отрядам. Ладнов попал в отряд немолодого на вид, приземистого капитана внутренней службы Багрова. Тот сам и привёл его в жилую секцию на первом этаже нового кирпичного здания. В помещении секции, кроме одного пожилого, колченогого зека со шваброй в руках, никого больше не было. В два ряда с проходом между ними стояли двуярусные кровати с тумбочками. Багров остановился у третьей от двери в правом ряду, указал Ладнову на нижнюю койку:

– Вот здесь и располагайтесь. – И быстро зашагал к выходу.

Ладнов уложил в тумбочку всё, что собрала ему заботливая жена – письменные и туалетные принадлежности, пачку конвертов, запасное нижнее бельё, тёплые носки... Сел на заправленную серым байковым одеялом койку, осмотрелся. Помещение жилой секции длинное, как коридор, широкие окна, на побеленном потолке три плафона с лампочками, на столике у двери бачок с водой и кружкой на цепочке, над дверью динамик. Жить можно! Правда, воздух, как в том этапном вагоне, не шибко свежий, но если чаще открывать форточки...

А к нему, отбросив швабру, уже спешил, прихрамывая, прежде застывший у двери рыжеватый зек, не дожидаясь приглашения, присел рядом.

– Кто такой? Откуда будешь? – простецки спросил он прокуренным голосом.

– Сергей Васильевич Ладнов. Из Приволжска.

– Это какой области?

Ладнов ответил.

– А я – из соседней. Так что, кореш, мы почти земляки. За что загремел? Вор?

– Нет. Судили по налоговой статье и за хищение.

– Сколько влели?

– Три года по совокупности. Могли бы дать больше, но адвокат мой постарался. А вы за что сидите? Тоже первый раз?

– У меня вторая ходка. Первая – вот за что.... Был я директором фабрики. Сама она небольшая, одно здание, а вот территория огромная. Решил заасфальтировать. Как положено, договор с асфальтировщиками заключил, но по завышенным расценкам. Словом, куш поймал немалый на гудроне. Ну и срок, конечно, получил солидный.

– А второй раз за что?

Зек шмыгнул облупленным носом.

– Снова бес попутал: провернул выпуск и продажу левых видеокассет. Вот за контрафакт и сопротивление ментам при аресте и получил новый срок. Да опять не малый – похлопотать за меня некому было... А вот ты, кто такой, что собственных адвокатов имеешь? Из деловых, что ли?

Ладнов, не вдаваясь в подробности, рассказал «земляку» о себе, о своём житье на свободе. Тот молча выслушал и новых вопросов не задал, лишь дружески посоветовал:

– Ты больше не «выкай». У нас здесь не принято.

– А как принято? Капитан со мной на «Вы» разговаривал.

– Ему по закону положено. А среди зеков – обращение только по кличкам. У меня, к примеру, их две: «Шнырь», дневальный значит, и – «Рябой», потому что в детстве оспой переболел. Тебе тоже кликуху приклеят. Например, «Дылда». Ишь, какой ты не маленький вымахал. Поди, метра два ростом?

– Метр девяносто девять, – уточнил Ладнов. – А как тебя не по кличке?

– Леонид Петрович Вороненко.

– Ты мне вот что скажи, Петрович, наш капитан – что из себя представляет?

– Отрядный? Нормальный мужик. Он ещё вызовет тебя, сам оценишь.

– Когда вызовет?

– Скорее всего, когда бригады с работы вернутся.

– А когда вернутся? Вечер уже.

– Да вот – вот явятся.

Вороненко прислушался.

– Кажется, возвращаются.

7

Вороненко не успел отойти от кровати Ладнова, как дверь жилой секции распахнулась, и помещение заполнили вернувшиеся с работы отрядники. Один из них, внешне очень похожий на неандертальца, первым заметил новичка, вразвалку подошёл к Ладнову, хлопнул лапицей по плечу:

– Как кличут?

– Сергей Васильевич Ладнов.

– С этапа?.. Ладнов, говоришь!...

Зек недобро усмехнулся, показав гнилые зубы.

– Встань, посмотрю на тебя.

Он оглядел поднявшегося Ладнова, оценивающе потрогал его ещё не помятые куртку и штаны, перевёл взгляд на чистые новенькие ботинки...

– Махнёмся баш на баш шмотками?

Ладнов, взглянув на измызганную спецовку зека, его стоптанные ботинки, помотал головой:

– Нет, обойдётся.

Зек опешил, с минуту переваривал сказанное ему. Потом, глубоко впавшие глаза его сузились, широкие ноздри ещё больше раздулись, и Ладнов услышал в злобную ругань:

– Ах ты, сучара! И впрямь несговорчивый, как в маляве писали. Схлопочешь по рогам – мало не покажется!

Отрядники притихли, с любопытством глядели на них, но не вмешивались.

Ладнов сохранил хладнокровие, предпочёл пока промолчать.

– Ладнов, к отрядному, живо! – приковылял к ним Вороненко. – А ты, Упырь, кончай базарить, успокойся, – бросил он разъярённому «неандертальцу». – Не мути воду!

– Ничего! Мы ещё побазлаем! – отступив, зло процедил тот в ответ.

– Что такое «побазлаем»? – спросил Ладнов своего нового друга, провожавшего его к начальнику отряда. – Это означает – поговорим?

– Правильно. Привыкай, кореш, к нашему жаргону.

Больше Ладнов ничего не успел спросить, так как уже – были у двери с табличкой «Комната воспитательной работы».

Он вошёл в комнату, негромко обратился к Багрову:

– Вызывали, гражданин капитан?

Начальник отряда окинул его внимательным взглядом.

– А-а, Ладнов. Проходите, присаживайтесь. – Он указал на стул, стоявший у стены, чуть поодаль от стола, за которым сидел сам. – Как думаете жить дальше?

Ладнов примостился на краешке стула, молчал: горький осадок от неприятной встречи с «Упырём» ещё не выветрился из души. Багров заговорил сам, давая новичку время освоиться.

– Я ознакомился с вашим «Личным делом». Оказывается, вы предприниматель с высшим образованием. Куда же определить вас для работы?

– Только не сетки – «авоськи» вязать, как в СИЗО! – живо отозвался Ладнов.

– Тогда выбирайте. «Авоськами» занимается первая бригада, вторая – на металлообработке, третья на мебельном производстве.

– В третью бригаду! – снова быстро ответил Ладнов. – По своей профессии, гражданин начальник, я ещё и столяр. Говорили – неплохой...

– Хорошо. Пока познакомьтесь с бригадиром мебельщиков Егоровым, а завтра утром – на работу в столярный цех. С его начальником я переговорю. И вот ещё что, имейте в виду – у вас есть возможность освободиться по УДО, условно-досрочно. Если, конечно, сами не закроете к нему дорогу. Пока всё. Можете идти.

Ладнов поблагодарил, вышел из комнаты, поискал глазами Вороненко. А тот уже сам спешил к нему от своей кровати.

– Как отрядный? Правда, мировой мужик? – спросил он новичка.

– Посмотрим... – рассеянно ответил Ладнов. – Вроде бы, ничего... Ты вот что скажи, как скоро мне можно выйти по УДО?

Вороненко поскрёб заскорузлыми пальцами затылок.

– Багров пообещал? – заинтересованно спросил он. – У тебя, говоришь, срок три года? Значит, после половины отбытия. Куда на работу?

– В столярный цех. Покажи-ка мне Егорова.

– Бригадир мебельщиков? Момент. Вот он – напротив моей койки сидит, почти у самого выхода. Бригадир твой крутоват-торопливо пояснял Вороненко, – если что, не вникай сразу. Ты вот с Упырём не поладил, а между прочим, он с отрицаловкой якшается – с блатарями, с беспредельщиками. Как бы они тебе по мозгам не врезали. Я с первой ходки усвоил её негласный закон зоны: если ты не беспредельщик – будь ниже травы, тише воды: ничего не видел, ничего не слышал, – терпеливо продолжал он поучать новичка.

– Спасибо за заботу! – отреагировал Ладнов. – Пусть попробуют сунуться, как бы потом не пожалели.

– Ну-ну! Я тебя предупредил, землячок. А сейчас топай к Егорову, пока он куда-нибудь не свалил...

Ладнов поспешил к бригадиру, а после разговора с ним решил подышать свежим воздухом, заодно познакомиться с территорией зоны – что, где там находится?

Он потуже застегнул фуфайку, натянул на лоб зековскую шапку и вышел на морозный воздух.

***

Территория колонии, освещаемая десятками электрических фонарей, закреплённых на высоких бетонных столбах, была обширной, с жилой и производственной зонами, отделёнными друг от друга бетонной оградой. В жилой зоне размещались школа, ПТУ, клуб, три корпуса для проживания осуждённых, помещения карантинного блока, медицинской части и административного корпуса, называемого штабом.

Были ещё хозяйственный двор и небольшой стадион, обнесённый металлической сеткой.

Ладнов медленно вышагивал по расчищенным от снега асфальтовым дорожкам, старательно запоминал всё увиденное. Порывистый северный ветер заставлял поёживаться, морозил лицо. Неожиданно повалил снег...

Ладнов решил вернуться в тёплое помещение отряда, ускорил шаг.

– Эй, фрайерок! Куда наострился? – услышал он хрипловатый голос.

Ладнов обернулся, увидел в свете фонаря квадратную фигуру Упыря.

– Что тебе? – миролюбиво спросил он зека.

– Посчитаться, паскуда!

– Я тебе, вроде бы, ничего не должен.

Упырь размахнулся кулачищем. Ладнов увернулся, ударил сам по корпусу противника. Упырь охнул, сразу обмяк, но пересилил боль, выпрямился, вскинул из рукава заточку. И тогда Ладнов нанёс ему, отработанный с детства в секции бокса, свой коронный удар в подбородок. Челюсть Упыря лязгнула, он как подкошенный, рухнул на дорожку.

– Аут... Нокаут! – довольно констатировал Ладнов.

Он поспешил вернуться в отряд, пока их не заметил кто-нибудь из служащих.

– Где пропал? – прискакал к его койке Вороненко.

– Гулял.

– Просто гулял?

– Ну, не просто. С Упырём перекинулся парой слов.

– Где он сейчас?

– Если не в санчасти, то у хоздвора лежит, зубы отплёвывает.

– Неужели завалил гориллу?.. Орёл! Только отвечать придётся перед блатарями. Я говорил, что Упырь их кореш. Мстить будут. И ещё – не нравится мне придирка Упыря. Слышал, его обмолвку о «маляве»? Это что за писулька о тебе. Ты здесь без году – неделя! Определённо, весточка следом за тобой к нему летела. Подумай хорошенько – случайно, никому на воле не перешёл дорогу?

Ладнов не успел ответить – от дверей разнёсся зычный голос: «Отряд! Строиться на проверку!» В секции опять стало шумно, все затопали к выходу. Он следом.

В зоне мела метель. Ладнов стоял на заснеженном плацу, рассеянно прислушивался к перекличке. Вспомнилось опасение Вороненко о мести беспредельщиков. В душе вспыхнула тревога. «Наверное, и впрямь сегодняшнее нападение вызвано не только злобой «Упыря», могло быть запланировано кем-то из недоброжелателей в Приволжске, тем же Крутиловым. Как отныне жить в зоне?» С тоской вспомнил свой кабинет: ничего особенного в нём не было, но всё там для него было дорого, значимо, а главное – в нём он чувствовал себя уверенным в собственных силах и возможностях противостоять неприятностям.

Всю ночь он не спал: не прирезали бы, не придушили бы его спящего! Однако, ночь прошла спокойно, и когда рано утром раздался призыв к подъёму, он только порадовался ему.

Сразу за перекличкой и скудным завтраком в столовой последовал развод на работу. И полетели дни за днями, неделя за неделей...

8

В столярном цехе, где Ладнов чувствовал себя как рыба в воде, он успокаивался, отдыхал от разборок с Упырём и его дружками. Работа помогала отвлечься от хандры. Смолистый запах древесины и шелест тёплых стружек словно вливали в него новые силы, увеличивали желание выстоять, во что бы то ни стало заслужить условно-досрочное освобождение. Тем более, что норму сборки столов и стульев он не только выполнял, но и значительно перевыполнял. И был готов вообще не уходить из цеха, лишь бы держаться подальше от уроков – блатарей. Один раз они уже подловили его в жилой зоне. Тогда он ещё сумел раскидать всю их кофлу во главе с выздоровевшим, ещё более озверевшим Упырём. Но тот пригрозил, что они будут наезжать до тех пор, пока он не преклонит колени с просьбой о пощаде и клятвой, что передаст свой пакет ак-

ций Крутилову. О банкире Упырь объявил уже не намёком, а прямым текстом.

Ладнов отбивался как только мог, потом подолгу, избитый до невозможности, отлёживался в больнице. Затем опять с головой уходил в работу, она стала чуть ли не основной целью его жизни в зоне. Никто в бригаде не мог быстрее него и качественней собрать однотумбовый стол, натянуть на его крышку дерматин или отполировать столешницу.

Ещё лучше удавалась резьба по дереву и выпилка различных вещиц из фанеры. Начальник цеха Иванов однажды даже попросил сделать для него рамку под фото, а для жены шкатулку под украшения. Ладнов в тот же день передал ему такую изящную, выкрашенную бронзовой краской выпилку и резную полированную шкатулочку, что Иванов восхищённо похвалил его: «Молодец».

И он продолжал работать, работать, работать В голову лезли всякие рацпредложения, мысли о которых был не в состоянии отогнать: сказывались его пытливый ум и хватка умелого хозяйственника. Ладнов попросился на приём к начальнику цеха. Через день Иванов принял его: уж очень захотелось узнать, о каком таком деловом предложении может рассказать ему работяга-осуждённый?

– Рассказывай, что за предложение?

– Мы вот крышки для стола делаем из хороших цельных досок, – с загоревшимися глазами начал излагать свою мысль Ладнов. – Думаю, это не практично – доски материал дорогостоящий.

– Что предлагаешь взамен?

– Горбыль. У нас он с пилорамы идёт в отходы. А можно порезать на рейки, склеить со стяжкой в одно целое, обрезать под необходимый размер, отшлифовать – вот вам и готовая столешница.

– Прекрасная идея!

Иванов остался доволен встречей. Пообещал помочь в досрочном освобождении. И опять полетели дни за днями, неделя за неделей, месяц за месяцем. Ладнову всё чаще дума-

лось о его компании, о родном доме: что там и как?... О Нине почти и не вспоминалось. Лишь изредка, откуда-то из глубины сознания, словно из тумана выплывала с немым вопросом в широко раскрытых глазах её стройная фигура, застывшая в дверях его кабинета и готовая незамедлительно выполнить любое указание. Не выходили из головы мысли о жене: не отвыкнет ли от него?.. Но жена писала часто, приезжала на свидания, просила не тревожиться за неё и детей. Мол, всё у них хорошо, себя береги!...

Плохи дела были в компании. Из письма Кучерова, нещадно ругающего себя за допущенную оплошность, за которую теперь расплачивался его друг-начальник, он узнал, что Крутилов совсем обнаглел: с бывшими инвесторами провёл внеочередное собрание акционеров «Надежды», на котором он, Ладнов, был смещён с должности, а новым генеральным директором стал сам банкир. Потом Борис информировал о том, что компания совсем развалилась, закрылись некоторые её филиалы, куда-то стали исчезать оборудование и транспорт, начали увольняться молодые сотрудники, остановилось строительство ФОКа...

После таких сообщений Ладнов снова загрустил. Даже не порадовала наступившая вторая весна его отсидки в зоне. А весна наступила необычайно ранняя, жаркая, с майским громыханием раскатов грома, тёплыми проливными дождями. И наконец, произошло давно ожидаемое событие: городской суд на своём заседании в клубе колонии вынес постановление о его, осуждённом Ладнове Сергее Васильевиче, условно-досрочном освобождении. Не чуя ног, он с этим радостным известием примчался к Вороненко. Тот протянул с лёгкой завистью:

– Здорово! А вот мне придётся ждать очередной юбилей Дня Победы – может, амнистию объявят.

«Отряд! Выходи строиться на обед!» – послышался голос дежурного прапорщика.

Дробно застучали по полу зековские ботинки, Ладнов поспешил за бригадой. В столовой молотил всё, словно изголодавшийся. Запах кислых щей, ржавой селёдки, столь ему надоевших, уже не мог испортить приподнятое настроение.

А через несколько дней, на плацу, сразу после утренней проверки, его задержал ДПНК – дежурный помощник начальника колонии:

– Сергей Васильевич, – с улыбкой обратился он к нему. – Никуда не торопитесь. Решение суда о вашем освобождении получено. Так что, жду с вещами в штабе.

Получив такое радостное для себя сообщение, Ладнов помчался на склад каптёрщика колонии за гражданской одеждой. Весенний южный ветер веял в лицо теплом. С каждой минутой теплей становилось и на душе Ладнова.

9

И опять постукивали колёса поезда. И снова, положив руки за голову, он лежал на верхней полке вагона, но уже не зековского, этапного, а плацкартного. Свобода опьяняла, хотелось петь, смеяться, шутить! Ведь столько времени провёл за колючей проволокой – полтора года, наполненных душевными муками, физическими страданиями от увечий, полученных в схватке с блатарями.

В голову лезли и другие мысли: как там дома, дети, конечно, будут рады его возвращению, а жена? Быть может, отвыкла за столь долгое время разлуки? И что он вообще теперь будет делать? Строить новую жизнь! Всё-таки выстоял в зоне!

Ладнов посмотрел в окно. Край неба розовый, почти бордовый от заката. Он развернулся к стене, закрыл глаза: «А теперь спать. Утро вечера мудренее!»

...Поезд прибыл в Приволжск с большим опозданием... Ладнов нетерпеливо первым выскочил из вагона на перрон. Летел домой как на крыльях. Но душу по-прежнему тревожило сомнение – будет ли рада возвращению жена?

Однако, Надежда встретила радостными объятиями:

– Родной мой, вернулся!

Он осторожно отстранился – всё ещё не верил своему счастью. Но жена опять так искренне обняла его, осыпала поцелуями, что у него сразу потеплело на сердце.

Утром, вспомнив давние наставления Кучерова, он не стал, как бывало прежде, торопиться из дома. Спокойно позавтракал с Надеждой, послушал утренние «Последние известия» и только потом, поцеловав в щёчку довольную жену, отправился «проведать хозяйство».

Однако, он не рискнул сразу пройти в свой кабинет, решил заглянуть сначала к Кучерову, узнать что к чему.

Увидев Ладнова в дверях, Кучеров ахнул, радостно пригладил свои распушившиеся рыжие усы, торопливо поднялся из-за стола и крепко обнял друга.

– Серёжа! Освободился?

– Пока условно-досрочно. Присядем-ка, поговорим – как вы тут без меня. Значит, нет ни материалов, ни оборудования. И я здесь как бы не хозяин?

Кучеров виновато кивнул.

– Что ж, попробую поднять в банках платёжки. Они должны подтвердить моё право на недвижимость и имущество компании.

– Нет, Сергей, не подтвердят. Наши банки закрылись.

– Должны остаться архивы.

– Они исчезли. Я пытался разыскать – всё пусто.

Для Ладнова это известие стало шоком. Однако он скоро взял себя в руки.

– Поеду в областной архив. Попробую там найти доказательства, что настоящий хозяин компании – я.

– Там тоже, наверное, всё схвачено. Но... попробуй!

Кучеров оказался прав. В областном архиве сказали, что банковские бумаги к ним не поступали.

Ладнов кинулся в городскую налоговую инспекцию.

– Что вы хотите, господин Ладнов? – раздражённо спросил заместитель начальника инспекции Дробышев.

Это был среднего роста, тщедушный молодой блондин в очках на чисто выбритом лице, с длинным тонким носом и равнодушным взглядом круглых серых глаз. От человека с таким взглядом трудно было ожидать поддержки. Но Ладнов попытался:

– Хочу, чтобы здесь помогли мне восстановиться в правах.

На лице Дробышева отразилась досада.

– Поздно, – недовольно сказал он. – Мы не будем вносить изменения в отношении Крутилова и Устава «Надежды». По моему мнению, на сегодня единственным законным советом директоров компании является тот, кто был избран после вашего осуждения, а её законный генеральный директор – безусловно, господин Крутилов, назначенный этим советом. Так какие претензии?

– И кому теперь принадлежат особняк офиса, земельный участок, на котором он стоит, другие объекты компании с их имуществом?

– Не знаю, не знаю. Этот вопрос не ко мне.

– Я обращусь в суд! – возмутился Ладнов.

– Ваше право, – сухо сказал Дробышев. – До свидания.

От переживаний Ладнов слёг в больницу. А когда вышел из неё, сказал жене:

– Я ещё поборюсь, Надюша!

Она осторожно попыталась отговорить его:

– Может, не стоит? И так чуть insult не хватил. Давай поживем спокойно, всё-то у нас есть: квартира, машина, дача. Дай бог такое каждой семье. Вспомни пословицу: «С сильным – не борись, с богатым – не судись». А Крутилов богаче всех в городе. Он предупреждал тебя: «Отступись». Значит, чувствует силу свою здесь.

Ладнов лишь досадливо отмахнулся.

– Я так жить не умею – спокойно. Ещё поглядим, чья возьмёт!... Завтра же подам заявление в суд, а если не выиграю его, напишу обо всём Президенту.

Однако, к Президенту ему не пришлось обращаться: через месяц Арбитражный суд признал недействительным все решения внеочередного собрания ОАО «Надежда», а ещё через два месяца городской суд восстановил его в должности генерального директора компании.

Из здания городского суда он вышел довольный собой: выстоял! Снова победа! В глазах возник образ милой жены. Скорее к ней с радостной вестью, Надежда так волновалась, провожая в суд...

Из радужного настроения его вывела мелодия мобильного.

– Не унимаешься, значит? – Услышал он злой, сиплый голос Крутилова. – В суды на меня подаёшь? Последний раз говорю: отступись, пока я ещё добр!... Могу один из магазинов вернуть в порядке компенсации. Деньжат приплачу.

– Да пошёл ты! – в сердцах выругался Ладнов, отключил сотовый и ещё быстрее зашагал к дому.

Он уже подходил к подъезду, как вдруг почувствовал опасность. Напрягся и боковым зрением уловил за спиной чью-то фигуру. Услышал незнакомый вкрадчивый голос:

– Господин Ладнов?

Он обернулся. В ту же секунду увидел яркую вспышку света, почувствовал сильный толчок и острую боль в груди. Он ещё сумел выбить пистолет и нокаутировать незнакомца, но затем ноги его подкосились, и он тяжело опустился на тротуар.

***

Впервые за долгое время лечения Ладнов проснулся, наконец, бодрым. Повёл глазами – всё та же больничная палата, куда две недели назад доставили его из операционной. Опять вспомнилось всё, что случилось с ним после заседания суда. Он расстроено нахмурился: так хотелось поскорей вновь возглавить свою компанию, и вот на тебе – где задержался...

Дверь палаты скрипнула. В щёлку просунулась круглая, усатая голова Кучерова.

– Можно?

– Входи, входи, – живо отозвался Ладнов. – С чем снова пожаловал? Есть новости?

Кучеров грузно присел напротив изголовья, поставил на тумбочку большой пакет с продуктами.

– И новости есть. И вот – чтобы всё умял для здоровья!

– Я сказал – не таскай мне эти пакеты. Надюша тоже ими завалила... Давай твои новости.

– Смотрю, ты совсем оклемался, чертяка?

– А что со мной сделается? Я двужильный. Мне день ото дня всё лучше и лучше.

– Скажи спасибо врачам. Говорят, на волоске от смерти висел.

– Не дождётся, старая! У меня на мою жизнь совсем другие планы.

– Узнаю неугомонного. Опять что-то надумал?

– Опять. Понимаешь, сегодня – время пластика, На многих производствах, где с ним имеют дело, на складах скопилось немало его отходов, и что делать с ними там не знают. Вот бы нам заполучить их.

– А потом что?

– Можем, например, для начала наладить выпуск сувениров для туристов, бытовой утвари...

– Понадобится спецоборудование. Где взять?

– Я знаком с директором одного номерного завода. Там списанные станки в плановом порядке сдают во «Втормет» на переплавку. Попробую договориться с директором завода о передаче их нам взамен обычной справки о сдаче лома. Станки отремонтируем и пустим в дело. Разве нам впервой проводить такие операции? Только скорее бы выбраться отсюда и, наконец, вырвать из лап Крутилова нашу компанию.

Кучеров хмыкнул:

– Кстати, о Крутилове. Это он заказал тебя киллеру. Но тому так мощно ты, Серёжа, врезал, что он сразу отключился. Его тут же скрутили курсанты речного училища, оказавшиеся поблизости. Банкира уже арестовали, ведётся следствие.

– Ещё что хорошего?

– На днях прочитал в «Известиях»: в Госдуму из правительства поступили законопроекты о поддержке предприни-

мательской деятельности и борьбе с коррупцией. Так что, в случае принятия их, дышать нам станет намного легче.

– Поживём – увидим... – засомневался Ладнов. – Нам и раньше много что говорили о свободе предпринимательства. Мол, творите, ребята, всё будет о'кей! Мы от радости и последний рубль в дело, а нам – бац, и по рукам...

Впрочем, – сменил тон Ладнов, – порадовал ты меня, Борис. Как только приму в управление компанию, в первую очередь возобновим работы по достройке и сдаче городу обещанного ФОКа. Так хочется, чтобы у наших ребят был собственный спортцентр, где они могли бы заниматься спортом или просто приятно отдохнуть вечером, а не тусоваться по чердакам и подвалам... Как думаешь – никто снова не помешает нам?

Ладнов болезненно поморщился. Разговор изрядно утомил его.

Кучеров заметил это, поднялся со стула, чуть дрогнувшим голосом сказал:

– Пойду я. Отдыхай. Долечивайся. Набирайся сил и ни о чём не тревожься: всё-то у нас получится! Будет у молодёжи свой ФОК.

ФАЛЬШИВАЯ КОРОНКА

повесть

1

Случилось это несколько лет назад, летом.

Райотдел милиции, где уже две недели работал инспектором уголовного розыска Сергей Ракитин, хотя и находился в областном центре, обслуживал пригородную зону вдоль узкой, но глубокой речушки Ильмы. Знакомил его с обстановкой сам начальник угрозыска капитан Шатров. Тучноватый и приземистый, с тихим голосом, он почти всегда приходил на службу в скромном штатском костюме, носил большие роговые очки с толстыми линзами, и вообще, по мнению Ракитина, его скорее можно было принять за какого-нибудь врача или учителя, чем за оперативного работника. Разговаривал Шатров неторопливо, чуточку окая, добродушно улыбался Сергею, нетерпеливо рвавшемуся к самостоятельной работе.

Вот и в это первое августовское утро ничто не предвещало, что молодого оперативника ожидает напряжённая и интересная работа.

Опустив вихрастую голову, Ракитин бесцельно прошелся по кабинету. Другие работники уже разошлись по своим делам, а он, как вчера и позавчера, должен был входить, по выражению Шатрова, в специфику района.

Он остановился у письменного стола, огорчённо взглянул на его полированную крышку.

«Чисто!... И так изо дня в день – ни одной бумажки. Работничек называется. Всё ещё не верят в меня, что ли?»

Ему, вчерашнему выпускнику специальной школы милиции, и невдомек было, что Шатров ещё приглядывается, приценивается к нему: не так-то это просто – поручить новичку самостоятельное дело.

Дверь неожиданно широко распахнулась, и в кабинет вошел Шатров. Он подсел к столу Ракитина, достал из принесённой тоненькой папки какую-то бумажку и заокал:

– Понимаешь, какое дело... У одной гражданки жиличка пропала.

У Сергея ёкнуло сердце. Он тоже сел, нетерпеливо покосился на бумагу.

– А что за особа эта жиличка?

– Некая Ирина Тимошкова. Двадцати лет, незамужняя. Работала в Центральной сберкассе. Месяц назад, в субботу второго июля ушла со службы домой, да так ни там, ни на работе до сего дня и не появилась.

Капитан протянул Сергею листок. Ракитин жадно пробежал глазами по неказистым разгонистым строчкам и разочарованно вздохнул.

Шатров вскинул на него из-под очков свои пытливые карие глаза.

– Возьмешься за это дело?

– И вы ещё спрашиваете, – сразу откликнулся Сергей. – На безрыбье и рак рыба... Наверное, уехала куда-нибудь девчонка, а хозяйку не предупредила... Что же та раньше к нам не обратилась?

– Сначала-то всё надеялась, что вернётся, потом, говорит, приболела. Вот ты и выясни.

– Можно действовать, Серафим Иванович?

Шатров не любил скороспелых выводов о людях. Однако пока что ему нравился этот тонкошей, но, судя по всему, энергичный и хваткий новый сотрудник.

Он невольно улыбнулся. Голубые глаза Ракитина задорно светились, поджарая фигура сразу как-то вытянулась, ещё не обносилась и постоянно съезжала с продолговатой головы форменная фуражка. Наверное, всякий легко мог догадаться, что сотрудником милиции он стал совсем недавно.

Шатров тяжело поднялся:

– Давай, действуй. Жаль только – время упущено...

Он внимательно оглядел Ракитина. Звёздочки, пуговицы и эмблемы на новеньком кителе лейтенанта отливали золотом, не успел выгореть верх форменной фуражки.

– И вот ещё что – ты форму побереги пока. Зачем нам с тобой выделяться? Работа у нас такая, что... – Он пригладил

густые, но уже, словно заиндевевшие, волосы и озабоченно добавил: – Потолкуй по душам с хозяйкой и подругами Ирины. Но не увлекайся очень, ищи факты. В первую очередь, надо установить, с кем и как она провела ту субботу. Сейчас нам важна любая зацепка. От неё, понимаешь ли, может многое зависеть. Если что – заходи ко мне.

– Ясно, – бодро ответил Сергей. – Буду заходить!

И через десять минут он пешком отправился на квартиру заявительницы. Захотелось проветриться, собраться с мыслями перед предстоящим разговором и заодно получше осмотреть город, о котором в школе милиции при распределении выпускников слышал много хорошего, но пока ещё знал мало.

Однако вскоре Сергей уже пожалел, что не взял служебный «газик». Петровск весь был весь затоплен солнцем. На улице – жара! Под ногами, словно тесто, проминался асфальт. Хорошо, что Ильма была рядом и ветерком с неё тянуло, только он и выручал от духоты, пока Ракитин добирался до посёлка, где проживала Тимошкова... Он облегчённо вздохнул, когда, свернув в переулок, оказался, наконец, у нужного ему маленького, опрятного домика.

Взволнованная появлением Сергея хозяйка – вся высокая и сморщенная, как гриб, старушка – привела Ракитина в комнату квартирантки. Обстановка была скромной. В переднем углу на этажерке с книгами большой портрет улыбающейся девушки.

– Ирина? – кивнул на портрет Ракитин.

– Она, – тихо ответила хозяйка.

Сергей осмотрел комнату. Но не нашёл ничего интересного для себя.

Он ещё раз подошел к этажерке. На ярких цветных корешках толстых томов светились тиснённые золотые буквы фамилий: Пушкин, Лермонтов, Куприн, Чехов, Паустовский... Знать, Ирина серьезно и вдумчиво относилась к литературе. Да, видимо, и сама писала стихи. Он обнаружил их в тонких ученических тетрадях, спрятанных между книг. Но не было ни писем, ни записок, ничего, что подсказало бы, куда исчезла Тимошкова.

Он перевёл взгляд на фотографию. Красивая девушка: мягкий овал лица с ямочками на щеках, прямой тонкий нос, брови длинные, с изломом, в широко открытых глазах безмятежная восторженность...

– Какая она – Ирина? – вслух подумал Ракитин. И обратился к хозяйке: – К вам как относилась?

Старушка повздыхала, присела на краешек стула, беспокойно затеребила цветастый ситцевый передник.

– Как относилась? Хорошо. Всегда, бывало, самоварчик мне поставит и в хозяйстве поможет... Не гордая, ласковая. Настоящий клад для мужика. Да ведь много ли теперь таких-то понимают.

– А кто не понимал? Жених, что ли?

– Да какой там жених... Уж как я ее ругала. Брось, говорила, эти гулянки с Павкой. Непутёвый он, коль о свадьбе не заикается. Не доведет это до добра...

Старушка смутилась.

– Ты уж прости меня, сынок. Я ведь с тобой попросту.

– Ничего, ничего, бабуся. Я слушаю.

– А вот она меня не слушала. Всё смеялась: мол, дружим мы и всё. А какая между парнем и девушкой может быть дружба? Баловство одно – вот это что. Раньше-то мы совсем другими были.

Ракитин усмехнулся в душе: «Старо, как мир!». Ему сразу вспомнилась публикация в каком-то журнале о том, что в одном из музеев Стамбула хранится так называемый «Папирус Приса», насчитывающий шесть тысяч лет и начинающийся словами: «К несчастью, мир сейчас не таков, каким он был раньше. Всякий хочет писать книги, а дети не слушаются родителей».

«Интересно, – подумал он. – Что бы она сказала, если бы я возразил ей и сослался на этот уникальный документ!?»

Однако Ракитин не возразил, и хозяйка продолжала горестно делиться с своими мыслями.

– И вот Павка походил, походил, да и был таков.

Сергей насторожился.

– Это кто такой? Как фамилия? Где работает?

Хозяйка виновато заморгала белесыми ресницами.

– Не знаю я...
– А каков он из себя?
– Да невидный такой... Невысокого росточка, чернявый.
– И давно исчез?
– Почитай, с мая месяца.
– А Ирина в последнее время ни с кем другим не встречалась?

– Что ты, что ты!... Я бы знала.

– Ну, а как она уходила в ту субботу из дома – волновалась, спешила, принаряжалась? Вам ничего не показалось в ней необычным?

Старушка беспокойно заёрзала, на её морщинистом лице выразилось недоумение и растерянность.

– Не видела я, сынок. Ни к чему мне было. Хлопнула она утром дверь, и всё тут... А из нарядов-то её платья штапельного не примечаю. Голубенькое, с короткими рукавчиками. И туфельки беленьких нет... – Она вытерла покрасневшие глаза уголком фартука. – И куда голубка моя пропала, что с ней случилось?

– Выясним, бабуся. Всё выясним, – заверил Ракитин. – Может, уехала куда, да приболела, вот и задержалась.

Он задал ещё несколько вопросов об Ирине, но старушка ничего не могла добавить. Сергей как можно теплее распрощался с ней и вновь заторопился по пыльному и раскалённым улицам, теперь уже к сослуживцам Ирины.

...Центральная сберегательная касса находилась в новом высоком здании, занимала весь первый этаж. В просторном вестибюле с несколькими внутренними дверями прохаживался дежурный милиционер.

– Как пройти к заведующему? – обратился к нему Ракитин.

Милиционер остановился, внимательно посмотрел на него, понимающе улыбнулся и кивнул на ближайшую дверь.

– Сюда и прямо...

Сергей потянул на себя тяжёлую, из толстого прозрачного стекла дверь. В длинном светлом зале, где он очутил-

ся, было шумно и людно. Слева, по ходу, у широких окон размещались низенькие столики, за которыми многие из клиентов старательно заполняли документы. Справа, за невысокой дубовой перегородкой со стеклянным верхом и множеством окошечек с надписью «Касса», сосредоточенно щёлкали костяшками счет и клавишами контрольных автоматов разновозрастные сотрудники. В торце зала была еще одна дверь – с табличкой «Заведующий». Туда и двинулся Ракитин. И чуть не столкнулся в дверях с вышедшим навстречу молодцем в модном клетчатом костюме и летней белой шляпе.

– Извините, – посторонился Сергей, пропуская незнакомца, в облике которого ему показалось что-то необычное.

– Пожалуйста, пожалуйста! Заходите, – вежливо отозвался тот и быстрым шагом устремился к выходу. И только тут Сергей понял, что в незнакомце привлекло его внимание: неестественно красное, веснушчатое лицо. Ракитин толкнул дверь и переступил порог.

Заведующим сберкассой оказался пожилой худощавый брюнет с коротко подстриженными седеющими волосами, глубоким шрамом на щеке и тремя рядами орденских колодок на груди. «Наверняка фронтовик» – уважительно подумал Ракитин и представился ему. Заведующий сразу встал. Рукопожатие его было коротким, но крепким.

– Прошу, – указал он Сергею на стул. – Чем могу помочь?

Ракитин сел, снял фуражку.

– Расскажите мне о Тимошковой. Что была за работница, с кем дружила?

Заведующий тоже сел, сложив на столе жилистые руки.

– Значит, так и не нашли её, – задумчиво сказал он после недолгого молчания. – Работала она у меня кассиршей... И работала неплохо... Довольно общительная, жизнерадостная девушка. Её у нас многие любили. Поговорите, например, с Катей Ивановой или Лизой Мотыльковой. Короче, у меня к ней никаких претензий нет.

– Ну а, как думаете, куда она могла исчезнуть?

– Ума не приложу.
– Уехать могла куда-нибудь? Всё – таки, впереди был выходной.
– На неё это не похоже, чтобы взять и уехать, никому ничего не сказав.
– Может, обиделась на кого?
– На кого? Характер у неё добрейший. Да и обидеть её у нас некому.
– Я тоже хочу думать о ней только хорошее, и всё же... Кассу Тимошковой проверили?
Заведующий досадливо отмахнулся.
– Там всё в порядке. Ирина честный и добросовестный работник.
Ракитин смутился.
– Я обязан поинтересоваться.
– Конечно, конечно, – сухо сказал заведующий, – но в случае недостачи мы и сами вас проинформировали бы.
Ракитин почувствовал себя совсем неловко. С огорчением понял, что в разговоре с этим человеком допустил промах, и сейчас уже вряд ли получится у них взаимопонимание.
Надо было закругляться.
Он встал, надел фуражку и, уже прощаясь, спросил на всякий случай:
– А есть у вас сотрудник по имени Павлик?
– Нет. И не было. Кстати, со всеми работниками вы можете побеседовать в красном уголке. Я отдам распоряжение, чтобы они встретились с вами.
Сергей поблагодарил заведующего и вышел из кабинета. В этот день он опросил не только сослуживцев Ирины, но и всех её немногочисленных знакомых, которых ему удалось установить. Но ничего существенного никто не сообщил.
К вечеру Ракитин просто валился с ног, они так и гудели. Пора было собираться домой. Он купил по пути сигарет, зашёл в кафе и без всякого аппетита проглотил там два бутерброда с колбасой, мечтая лишь об одном – добраться до постели. Но не успел он подойти к дому, как лицом к лицу

столкнулся с высоким, атлетически сложенным лейтенантом милиции, широченные плечи которого, казалось, вот-вот разорвут по швам его китель. Сергей без труда узнал в молодом гиганте участкового инспектора Берестовского, с которым он разговаривал утром о Тимошковой.
Застенчиво улыбнувшись, что совершенно не вязалось с его внешним видом, и стараясь приглушить свой зычный голос, Берестовский участливо пробасил:
– Ну, выудил что-нибудь?
Ракитин покачал головой.
– А я вот решил к тебе подскочить. Всё – таки, на моём участке эта история приключилась.
Берестовский помолчал немного.
– Значит, говоришь, ничего новенького... Ну, ладно.. Отдыхай. Я гляжу, утомился ты изрядно. Это с непривычки, потом и замечать перестанешь..
Ракитин вымученно улыбнулся. Он жил в маленькой, но уютной квартирке, что ему выхлопотал Шатров. Ещё вчера бы Сергей не преминул воспользоваться случаем пригласить участкового сыграть партию в шахматы, до которых был охоч, но на этот раз лишь обессилено пробормотал:
– Бывай, Алёша, бывай!... Мне сейчас действительно не до разговоров... Ты лучше Павлика найди, с кем дружила Ирина.

2

Вскоре Шатров вызвал к себе Сергея с докладом.
– Так... Садись. Рассказывай.
Голос капитана звучал спокойно и тепло, и всё-таки Ракитин растерялся. О чем рассказывать? О Тимошковой?.. Пока все говорят одно и то же: ни с кем не ссорилась, уезжать никуда не собиралась... Он думал, что уж Павку-то быстро найдёт, да не тут-то было! На квартире Ирины этот чернявый паренёк так и не появлялся, а из числа знакомых и сослуживцев Тимошковой никто не знал ни его фамилии, ни где он работает, ни где живёт. И он нескладно и коротко пересказал всё это Шатрову.

Внимательно выслушав его, капитан слегка сдвинул лохматые брови, по его широкому утомлённому лицу пробежали морщинки, и Сергей понял, что начальник не удовлетворён ответом.

– Да, надо как можно скорее установить этого Павку, – тихо заметил Шатров. – Боюсь, что эта история закончится не так, как нам хотелось бы.

– Вы полагаете... – снова заговорил Ракитин, но Шатров движением руки остановил его.

– Надо бы осмотреть все подвалы, чердаки, ямы. Подумай, как быстрее справиться с этой работой... Может, подключить к поиску дружинников?

Ракитин так и сделал. Он договорился с Берестовским, и тот сам подобрал и проинструктировал наиболее активных членов районной дружины. Через неделю, поздно вечером в субботу, Ракитин подытожил результаты розыска и явился с докладом к Шатрову. Собственно говоря, докладывать было опять не о чем. Тимошкова как в воду канула. Да и о Павке ни слуху, ни духу.

Шатров сидел за своим столом, освещённым светом настольной лампы, и что-то писал. Услышав шаги Сергея, поднял голову, и в этот момент зазвонил телефон. Шатров снял трубку.

– Слушаю... Где нашли?

Он стремительно повернулся к Ракитину.

– В Анютиной роще, в овраге, участковый Берестовский вместе с дружинниками обнаружил труп женщины. Не та ли это, кого мы ищем?..

Сергей наморщил лоб, пытаясь представить, где это. Взглянул на небольшую настенную карту района и сразу вспомнил.

Анютина роща, мимо которой он однажды проезжал, знакомясь с обслуживаемой зоной, находилась на самой окраине города. Почему она так называлась, никто из местных старожилов уже не помнил. Знали только, что это было давно заброшенное и глухое место, куда горожане выбирались редко.

А Шатров продолжал говорить в трубку.

– Так, слушаю... Ясно, лейтенант, ясно... В прокуратуру звонили?.. Хорошо, выезжаем!

Ракитин пулей выскочил из кабинета, вызвал машину. Когда опергруппа добралась до оврага, там её уже ожидали следователь прокуратуры Антонов, медицинский эксперт Казаков и понятые. По крутой тропинке все спустились в овраг, заросший бурьяном. Понятые, две молоденькие продавщицы из местного дачного поселка, вдруг в один голос ойкнули и попятиться.

Яркий свет карманного фонарика Берестовского вырвал из темноты скрюченную фигуру женщины в зеленоватом платье и белых туфельках.

Антонов сразу защелкал фотоаппаратом. Потом труп осмотрели.

– Судя по характеру имеющихся ранений, – услышал Сергей голос эксперта, – они нанесены широким ножом в спину, в область сердца.

– Когда это произошло? – спросил Сергей.

– Без вскрытия трудно определить точно. Пока могу сказать о приблизительной давности события: что-то около месяца тому назад. Жара, понимаете ли...

– Ну, а возраст погибшей?

– Где-то лет двадцать.

Ещё по дороге к роще у Ракитина мелькнула мысль: мысль: «Не Ирину ли нашли?». Теперь ещё сильнее уверовал в свою догадку и поделился со следователем.

– Правда, меня смущает цвет платья, – добавил он. – Но ведь об исчезновении других женщин никто в районе не заявлял.

– Может быть, может быть, – рассеянно ответил Антонов, думая о чём-то своём. Он тоже был ещё молод, почти ровесник Ракитина, невесело смотрел на Сергея большими чёрными глазами и досадливо отирал испарину, то и дело выступавшую на его круглом лице.

– У этой женщины броская примета... В верхней челюсти золотая коронка, – вступил в разговор эксперт Казаков.

– Вот-вот! – подхватил Шатров. – Завтра пригласим в морг хозяйку Ирины, и что уж она нам скажет... А ты, Серёжа, – обратился он к Ракитину, – подключайся к этому делу и в контакте со следователем – лады?!

Легко было сказать – завтра! Но Ракитину не терпелось. Поэтому, предупредив Антонова, за хозяйкой Ирины он отправился ни свет ни заря.

А старушка труп и не опознала. Расстроено взглянув на приглашённых понятых, она лишь тревожно всхлипнула, стёрла платочком слёзы и невнятно прошептала:

– Вроде, как не она... Вот туфельки как будто её... И платье могло быть такое.

«Могло быть...» – у Ракитина упало настроение.

– Что же вы, бабуся, не знаете, какие у Ирины были платья? – спросил он, еле скрывая досаду.

– Так ведь не мои наряды-то, чужие. А вот зуб у неё тоже один светился.

Антонов сразу вопрос за вопросом:

– Где светился? Снизу или сверху?

– Сверху, должно быть... Так и есть, сверху. Она, голубка-то моя, как засмеётся, так он у неё и засияет.

– У кого она вставляла коронку?

– Чего не ведаю, того не ведаю, батюшка... Знаю – у частного.

Старушка ещё раз с сомнением и страхом посмотрела туда, где лежал труп.

– Только у Ирочки не коронка была, а зуб золотой. Она его недавно вставила и дорого заплатила.

В повлажневших глазах старушки засветилась надежда.

– Может, еще что припомните? – не отступался Ракитин.

– Часики у неё были жёлтые с браслетом... И о письме я вам не говорила. Намедни, как ей пропасть-то, села Ирочка за столик и долго-долго писала. Я так поняла – письмо кому-то. Про лотерею. Пишет и бормочет, пишет и бормочет, словно советуется с кем.

– Кому могла писать? – заинтересовался Антонов.

– Вроде бы и некому. Сиротка она. Да и я вдова. Вот и привязались друг к другу, как родные.

– Ну что ж, спасибо.

Старушка торопливо закивала и засемила вслед за понятными к выходу. Ракитин проводил её до автобусной остановки. Воскресный день был наполнен весёлым гулом, а ему было не до радостей.

Распровавшись с хозяйкой Ирины, он отправился домой. Жара не унималась. Воздух был такой горячий и неподвижный, что стало трудно дышать. И настроение у Ракитина еще больше испортилось.

«Вот тебе и броская примета, – раздражённо подумал он. – Кого же нашли в овраге?.. Голубое платье... Зелёное платье... Золотой зуб... Золотая коронка... Сам чёрт голову сломит!»

Сергей шурился от яркого солнца, обливался потом, задыхался от горечи выхлопных газов проносившихся мимо автомобилей и мучительно размышлял о том, что же предпринять по делу в дальнейшем.

Возле дома его вновь подждал Берестовский. По одному виду молодого сыщика он сразу догадался о постигшей Сергея неудаче и молча прошёл за ним в комнату.

– Как с расчёской, что обнаружили в овраге? – не удержавшись, спросил он через минуту.

– Уже исследовали, – нехотя ответил Ракитин. В висках его стучало. Он чувствовал, что явно перегрелся на солнце.

– Есть результаты?

– На металлическом ободке выявлено слабо выцарапанное имя – «Гарик».

Берестовский оживился.

– Интересное совпадение!

– Что ещё за совпадение?

В комнате было прохладней, чем на улице, но Сергея все равно потянуло под душ. Берестовский затопал следом.

– Я ведь к тебе тоже по поводу одного Гарика. Есть у меня один такой на примете – Гарик Чернов. Ранее судим. Когда-то учился вместе с Ириной.

– Вот как? Ну, ты даёшь! Знал убийцу и помалкивал – Ракитин стянул с плеч взмокшую от пота рубашку, включил душ. – Завтра же с ним потолкую.

– Я сам узнал о Гарики лишь утром, – возразил Берестовский-только почему ты его сразу в виноватые записываешь? Что ты обо всём этом думаешь? Зачем, например, ему понадобилось убивать Ирину? Из ревности? Из мести? Никаких отношений с ним она не поддерживала, это я точно установил. Ограбление пока исключается. Ведь когда она в субботу уходила с работы, ничего ценного при ней, говорят, не было?

– Мало ли что, – настаивал Сергей. – Между прочим, Ирина носила на руке часы, а на убитой никаких часов не оказалось.

Разговорившись, он заодно рассказал Берестовскому о прошедшем опознании трупа.

– Придётся снова опрашивать всех знакомых Ирины, было ли у неё зелёное платье, устанавливая размер её обуви, искать стоматолога. Может, не зуб, а коронку он Тимошковой поставил, – заряжаясь прежней энергией, завершил Сергей свой рассказ и блаженно зафыркал под хлёстким дождиком душа.

4

Гарик Чернов несколько дней где-то кутил с приятелями и дома не появлялся. Ракитину с Берестовским пришлось разыскивать его и в принудительном порядке доставить в райотдел. Долговязый и небрежно одетый, с маленькими усиками под длинным горбатым носом, Гарик как очутился в кабинете, так сразу закричал пропитым голосом:

– Это за что же меня повязали?

– Пока что никто вас не арестовывал, – возразил Сергей и предложил ему стул.

Гарик расстегнул помятый светло-коричневый пиджак, нервно поправил пёстрый галстук, недовольно шевельнул усиками, но всё-таки сел. Берестовский вышел, и Ракитин уверенно начал допрос:

– Фамилия? Имя? Отчество?

Гарик ответил.

– Где-нибудь работаете?

– Конечно! В промартели. Нынче без работы нельзя. А почему все эти вопросы?

– Говорят, пьёте много?

– Кто говорит? Ну, заливаю малость, так ведь на свои трудовые. Иногда дружки поднесут. С вами так не бывает, что ли?

– А вы не ершитесь. Не забывайте, где находитесь, – одёрнул Ракитин. – Где вы были и что делали вечером в субботу, второго июля?

– Где был? – переспросил Чернов, напрягая память. И неожиданно ухмыльнулся, тёмная ложбинка меж его жидких светлых бровей сразу разгладилась. – Ах, вот оно, в чём дело! Так это же мой день рождения! А в горле сушняк... Ну, выпил в кабаке, потом домой пошёл. Встретил, помню, Тимошкову... Она, что ли, накапала?

Сергей промолчал.

– Да, поскандалил с ней немного... Виноват! – Гарик опять шевельнул усиками. – Ведь как было дело. Выхожу из кабака на улицу и вижу – Ирка на автобусной остановке. Сто лет с ней не встречался, а тут на тебе. Я сразу понял: ждёт кого-то, потому что в автобусы не садится, а как бы прогуливается. Я её, конечно, под руку. А Ирка шум подняла... Я отстал бы, да тут мужик какой-то подвернулся, и на меня. Я и разошелся.

– Во сколько это было?

– Да около семи.

– А потом что?

– Ничего. Уехали они в его машине.

– Марка и номер машины? – скептически спросил Ракитин. Этот выпивоха не вызывал у него ни малейшего доверия.

– Номера я не помню, а вот машину... – Гарик снова ухмыльнулся. – Если бы у меня был такой шикарный «Москвич», ни одна бы девчонка на меня шум не подняла.

Ухмылки Гарика раздражали Сергея, но он сдержался и задал новый вопрос:

– Как выглядел хозяин машины?

– Да не старый. Немного пониже меня, рыжий. И машина у него красная.

– Во что он был одет?
Гарик почесал лохматый затылок.
– Вроде бы, – в чёрных брюках, белой сорочке... На ноги его, извините, не зырил..
– А в чем была одета Ирина?
– Не помню... В чём-то зелёном... По-моему, в зелёном платье.
– А после виделись с ней?
– Нет. Вообще больше не встречался.
– В этом-то всё и дело!
Ракитин достал из конверта расческу.
– Узнаёте?
– Похоже моя. Где взяли?
Ракитин встал из-за стола, подошёл к Гарику.
– Мы обнаружили труп, – сказал он, глядя на него в упор.
Гарик вытаращил и без того выпученные глаза.
– Ирины?
– А рядом лежала расчёска с вашим именем.
Гарик побледнел. Его ухмылки как ветром сдуло, слова не мог вымолвить. Так несколько секунд и прошло в напряжённом молчании.
– Вот это влип, – срывающимся голосом проговорил, наконец, Гарик. – Не меня ли вы?..
У Ракитиа тоже нервы были на пределе. На него внезапно навалилась усталость. Он прошёлся по кабинету, искоса поглядывая на Гарика: «Этот малый или хороший артист, или... я сам в чём-то промахнулся. Во всяком случае, сейчас с ним лучше уже не говорить. Надо проанализировать его показания, проверить, а потом снова встретиться».
Сергей распорядился отправить Чернова в ИВС – изолятор временного содержания.
– Нам ещё есть о чем побеседовать, – сказал он Гарику.
Тот никак не ожидал такого оборота дела.
– Гражданин начальник! – Гарик вскочил со стула. – Да как же так? Надо во всём разобраться.
– Вот мы и разбираемся, – отрезал Ракитин. Он спохватился и взял себя в руки. – Если вы ни в чём не виноваты, мы выясним это быстро. – Но ему по-прежнему почему-то думалось,

лось, что Гарик не всё рассказал и, по меньшей мере, является соучастником убийства.
Чернова увели, а спустя несколько минут в кабинет вошел Шатров. Сергей подал ему бланк допроса. Капитан сел к столу, внимательно прочитал запись и коротко спросил:
– Твоё мнение об этом парне?
– Очень подозрителен. Надо арестовать. Полагаю, что это он её..
Брови Шатрова удивлённо взлетели.
– Ты это... серьёзно?
– Конечно. Сразу видно – тёртый калач.
Шатров как-то сразу погрузился и бесцельно стал передвигать на столе бумаги.
– Видишь ли, Сергей, мы ещё не установили личность убитой и ничего, что помогло бы нам судить о мотивах убийства – так как же можно говорить о причастности к нему этого Гарика Чернова?
Сергей уловил в голосе Шатрова явное неодобрение и поспешил сказать:
– А обида? Гарик сам о ней сказал. Предположим, что он в тот день встретился с Ириной, заставил поехать с ним в Анютину рощу и там убил. Расчёска-то его.
– Что из того? – Шатров ещё больше нахмурился. – Одна расчёска ещё ни о чём не говорит. В овраге её мог обронить и другой человек. В жизни всякое бывает..
– Ракитин упрямо тряхнул головой.
– Товарищ капитан, но я имею право на собственное убеждение?
– Имеешь. Только ведь личные чувства не всегда хороший и надёжный помощник в нашем деле, и потому санкцию на арест Чернова прокурор пока не даст. Где Чернов был в тот вечер и что делал, ты по-настоящему выяснил? По часам, по минутам это время проверил?
Сергей сразу сник, удручённо переминался у стола.
Шатров поднялся, потёр седые виски.
– Что конкретно узнал о жизни Тимошковой? – сухо спросил он. – Видишь, кроме Павки появился ещё один –

этот рыжий. Вот и занимайся всеми. А задержать Чернова мы всегда успеем... если он виновен. Ты доложи о нём Антонову. Он следователь, ему и решать. А нам – искать надо! Факты искать, свидетелей, доказательства. – Ему явно не понравилась торопливость суждений молодого сотрудника.

– И вот ещё что, – сдержанно продолжал Шатров. – Почему ты так уверен, что найден труп именно Тимошковой?

Ракитин обидчиво насупился.

– Я делаю всё, что в моих силах, Серафим Иванович. Вчера, например, снова встретился с её сослуживцами. Как выяснилось, Ирина купила у знакомой продавщицы точно такое платье – зелёное. Гарик гоже о нём упоминает. И размер обуви сходится... Антонов назначил судебно-стоматологическую экспертизу. Результат её нам пока не известен, но главный эксперт должен вот-вот сообщить о нём.

– А где голубое платье?

– Нашлось. Подруге отдала.

Шатров поправил очки.

– Ну, хорошо. Работай дальше. – Он как-то неопределённо взглянул на Сергея и молча вышел.

«Дёрнуло меня за язык с эти арестом, – думал Ракитин. – Конечно, не исключена возможность, что про машину и рыжего Гарик всё наврал. Но если вдуматься – с какой целью? Мог бы вообще ничего не рассказывать. Да, спорол я горячку, спорол. Надо отпускать Гарика и немедленно...»

Ракитин потянулся к телефону.

– Занят? – услышал он знакомый сочный голос, и поднял голову.

– Можно войти?

Ракитин обернулся, увидел Антонова.

– А, это вы, Юрий Васильевич! – обрадовался Сергей и поднялся навстречу следователю. – Садитесь, пожалуйста, – пригласил он его, пожимая протянутую руку.

– Отыскали Гарика? – поинтересовался Антонов

– Нашли, – смущённо ответил Ракитин. – У нас сидит, в ИВС.

– Что говорит?

– Всякое! Прислать его к вам?

– Чуть позднее... Я получил акт стоматологической экспертизы.

– И чем порадовали нас эксперты?

– Хорошего мало. О золотом зубе и речи быть не может, так что говорить станем о коронке. Она изготовлена в частном порядке.

– На чём это основывается?

– Видишь ли, коронка, о которой идёт речь, вовсе не золотая.

– Как так?

– Она изготовлена из материала, вызывающего окисление. И для неё не потребовалось моста. Это, так называемая, штифтовая коронка, из рандольфа.

– Из чего, из чего? – всё больше удивлялся Ракитин.

– Из рандольфа. Есть такой сплав на основе латуни. Блестит, как золото. Применяется в основном в точных приборах. Так что, если ты найдёшь того врача-частника, кто ставил Тимошковой коронку, и он подтвердит мне...

– А если не подтвердит?

– Тогда придётся назначить новую экспертизу.

– И она поможет изобличить этого жулика?

– Во всяком случае, ортопед-стоматолог, подписавший заключение экспертизы, пояснил, что каждый такой специалист обладает характерными индивидуальными особенностями в своей работе. И эти особенности становятся чем-то вроде личного клейма. Сложнее будет другое – найти этого частника.

– Разве в городе так много стоматологов и зубных техников?

– Согласен. Только не учитываешь одно обстоятельство, что частное изготовление протезов из золота запрещено.

– Почему?

– Ну, во-первых, трудно установить истинный источник его приобретения. А во-вторых, не всякое золото для этого пригодно. И возвращаюсь к моей мысли: коль коронка изготавливалась нелегально, вряд ли её исполнитель кому-либо ещё, кроме Тимошковой, был известен.

Ракитин вздохнул:

– Да, трудная задачка. – И, уже прощаясь со следователем, скорее для себя, чем для него, добавил:

– И всё-таки мы постараемся решить её. Я этого частного всё равно разыщу.

5

Антонов ушёл, и Сергей погрузился в раздумье.

«Что предпринять? Как отыскать этого мошенника-протезиста, куда-то исчезнувшего Павлика. И, наконец, как проверить показания Гарика?»

Он ещё долго пребывал в таком состоянии, пока неунывающий Берестовский не вернул ему хорошее настроение.

– Значит, отпустить Гарика? Сейчас даю команду! – оглушительно гудел он по телефону. – Улик-то против него и в самом деле кот наплакал.

Ракитин отнёс трубку от уха подальше.

– Скажи ему, чтобы зашёл завтра в прокуратуру к Антонову. Надо кое-что уточнить.

– Ладно. А ты что такой кислый? – ничуть не тише рокотал голос Берестовского.

– За Гарика влетело. Сухарь мой Иваныч, и всё. Я как лучше хотел. Был бы он на моём месте...

Берестовский на какое-то мгновение затих.

– Напрасно ты так о нём, Серёжа. Шатров и на твоём месте побывал. А службу начинал рядовым милиционером. Зря голоса не повысит. Так что, держись, казак – глядишь, и сам атаманом когда-нибудь станешь!

Ракитин улыбнулся:

– Ну, спасибо! Успокоил душу!

– Хочешь, обрадую? – не унимался бас Берестовского.

– Давай, рассказывай...

– Я докопался, кто такой Павлик и где он сейчас.

– Ой, Алёшка, молодец! – оживился Ракитин и снова прижал к уху трубку. – Говори, не тяни.

– Его фамилия Бойчин. Он студент. Учится в нашем городе в геологическом институте. Правда, сейчас Бойчин

в экспедиции. Но в интересах дела можно отозвать его... И вот ещё что. Насчёт опознания трупа. Из головы у меня это не выходит. Не думаю, чтобы кто-то из подруг или знакомых Тимошковой не знал, к кому из протезистов она обращалась. Поговори с людьми. Они всегда в курсе многих вопросов. И если подобрать ключик... Ты понял?

– Понял, Алёша. Понял. Ещё раз, спасибо тебе... До встречи!

Сергей положил трубку. На душе стало спокойнее. Разминаясь, прошёлся по кабинету, затем позвонил в ГАИ, попросил составить список всех владельцев красных «Москвичей» и не торопясь стал собираться домой.

На другое утро он первым делом позвонил в прокуратуру Антонову и сообщил ему сведения о Бойчине.

Дни проходили за днями, однако адреса частного он так и не узнал. Огорченный Ракитин места себе не находил. К тому же расслабляющий зной всё усиливался, и ни раскрытые окна, ни мощные вентиляторы на столе не спасали от духоты.

Сергея охватила хандра. Последние часы рабочей недели он просто отсиживался в кабинете, утомлённый и вялый.

Неожиданно кто-то тихо постучал в дверь.

– Войдите, – без всякого настроения отозвался Сергей.

Дверь приоткрылась, и в кабинет робко вошла невысокая кругленькая девушка.

– Катюша? – поднялся из-за стола Ракитин. С этой толстушкой, подругой Ирины, он встречался уже дважды. В сберкассе, где она работала кассиршей, и здесь, в райотделе, куда он вызывал на беседу. – Что случилось?

Девушка наморщила маленький вздёрнутый носик, подошла поближе:

– Ничего. Только вам вчера не всё сказала.

Ракитин выжидающе смотрел на неё и молчал.

– Понимаете, вчера у меня как-то всё из головы вылетело. Растерялась немного от вопросов об Ирине. Причём тут, думаю, её зубы? А потом всю ночь не спала.

Девушка подняла на него встревоженные глаза:

– Знать, беда с ней случилась, коль вы так горячо о ней расспрашивали? Вам поэтому так важно знать, у кого Ирина лечила зубы?

– Очень важно, Катенька, очень! – вырвалось у Сергея. – Да вы садитесь, пожалуйста, садитесь.

– Нет-нет. Рассиживаться мне недосуг, – замахала руками девушка. – Я ведь с работы ненадолго отпросилась. Вы просто запишите фамилию. Я ночью вспомнила её: Малявин. Зубной техник Малявин.

Сергей схватил авторучку.

– Так... Записываю.

– Мне о нём Ирина рассказывала. Жаловалась, что зуб плохо сделал. Болит, мол, не переставая. А к технику его племянница Ирину рекомендовала. У нас работает – Лиза Мотылькова. Вот вы с ней ещё раз и поговорите. А я уж пойду... До свидания.

Сергей был готов расцеловать эту милую толстушку за её сообщение. Он почтительно проводил девушку до двери. Как только Катя вышла, Сергей подошёл к окну. Было уже за полдень. Жара на улице спала. От реки тянуло прохладным ветерком. На потемневшее небо напоззали тучи, одна за другой сверкали молнии. Вот-вот мог хлынуть дождь. Но Ракитину уже не сиделось в кабинете. Его вновь охватило рабочее возбуждение. Натягивая па плечи пиджак, он торопливо прикидывал план действий: «Сначала в сберкассу к Мотыльковой, потом – к Малявину...»

6

Комната, где работал Малявин, была большая, с высоким потолком, плотными шторами на окнах и огромной бормашинной с креслом. В воздухе стоял запах эфира, что ещё больше усиливало сходство комнаты с врачебным кабинетом.

Заинтересовал Ракитина и хозяин квартиры: узкоплечий коротышка. Водянистые глазки на продолговатом лице тоже маленькие, масляные. И голос тихий, елеинный. Мол, ничего не знает и сказать ничего не может. Этакий седенький,

благообразный старичок, Но за его елейностью Ракитин разглядел тревожную настороженность.

Сергей уселся в кресло бормашинной и не собирался покинуть его раньше, чем получил бы исчерпывающие ответы на все вопросы.

Малявин растерянно прошёлся по комнате, потом остановился рядом с креслом и мягко повторил:

– Клянусь вам, молодой человек. Я не знаю никакой Тимошковой.

– Не может быть. Её к вам Мотылькова приводила, ваша племянница. Составила, так сказать, протекцию. Ну, вспомнили?

Малявин пожал плечами.

– Зубы я лечу, это правда... А вот протезами, извините, не занимаюсь... Тут какое-то недоразумение вышло.

– Что же, очную ставку с племянницей устраивать? Я ведь только от неё.

– О, это ничего не даст. Как, вы говорите, фамилия? Тимошкова? Не припоминаю. Может быть, и встречались. Камни, например, снимал. Вот если бы с ней самой повидаться.

– А фотокарточка вас устроит?

– Нет-нет. Только не фотокарточка, – крутнул головой Малявин.

Ракитин озадаченно взглянул на него.

– Да, да... Мы, знаете ли, не помним лица, мы помним рот клиента. Вы покажите рот клиентки, и я вам скажу, – Малявин притворно улыбался, сложив на животе маленькие пухлые ладошки.

– Кстати, – вкрадчиво добавил он. – А зачем вам понадобилось знать, была ли у меня Тимошкова? – Он явно чего-то боялся.

– Дело вот в чём, – коротко ответил Ракитин, – её убили.

Малявин испуганно отшатнулся.

– И ваши показания очень важны для нас, – продолжал Сергей, – Но вы так упорно отрицаете знакомство с ней...

Малявин растерянно осел на стул. Некоторое время он сидел молча. Наконец поднял голову и через силу выдал:

– Да... Я знаю Тимошкову.
– Вы лечили её?
– Не её, а зубы. Вернее, – зуб. Он у неё совсем выкрошился. Оставался один корень. Ну, я и поставил новый.
– Из какого материала?
– Тимошкова просила сделать золотой. Принесла колечко. Да вам, наверное, всё известно. Каюсь – согрешил. Вместо зуба поставил просто коронку.
– Какую? Из золота?
– Да.
«Вот хлюст! – внутренне негодовал Ракитин. – А о рандольфе помалкивает. Ну, ничего, помолчим пока и мы».
Он был убеждён, что ведёт разговор правильно. В тот момент ему важнее всего было не перепугать Малявина, чтобы он, чего доброго, снова не замкнулся, довести до конца опознание трупа. И Сергей сдержанно спросил:
– Можете указать расположение коронки?
– Конечно. Пятый зуб слева в верхней челюсти... Но к смерти Тимошковой, клянусь вам, я не имею никакого отношения. Ведь с тех пор и не видел её.
– Ну, не видели, так не видели.
Ракитин поднялся, пересел к столу, быстро составил протокол допроса и протянул Малявину.
– Ознакомьтесь, пожалуйста. Всё ли правильно записано? Малявин старательно прочитал протокол.
– Всё верно.
Тогда подпишите его, и поехали.
– Куда?
– Сначала к следователю в прокуратуру. Потом в морг. Разговор разговором, а нам надо кое-что показать вам.
Малявин суетливо засобирался.
– Да, да... одну секундочку... С собой мне ничего не надо брать?.. Вот и хорошо, вот и хорошо...
В прокуратуре все уже расходились по домам. Оказавшийся ещё на месте Антонов прямо в подъезде перехватил секретаря – пожилую, усталую, но всё понимающую с полуслова женщину, попросил помочь найти понятых и позвонить в

морг, чтобы там немножко задержались. Туда они вскоре и отправились.

В морге Малявин полностью подтвердил предположение Ракитина, что убитой оказалась именно Тимошкова. Теперь опознание можно было считать практически законченным. Оставалось лишь справиться у Малявина о рандольфе, провести в его доме обыск. Сергей коротко объяснил Антонову обстановку, и они, получив те согласие прокурора на обыск, поехали с Малявиным в его жилище.

– Так какую коронку вы поставили Тимошковой? – спросил Сергей по дороге техника. – Золотую или из рандольфа?

Малявин изменился в лице. Смотрел на него широко открытыми глазами.

– Как вы узнали?.. Ох, боже мой, боже.

Припрятанного рандольфа и золота оказалось у него немало.

7

Утро в понедельник выдалось сумрачным. Над домами низко застыли тёмно-серые облака. По асфальту стучал дождь. Но, направляясь в отдел, Ракитин с удовольствием вдыхал прохладный воздух и запах сырой травы, пришедшие на смену долгой жаре и духоте. Вспоминая разговор с Малявиным, он медленно шёл по улице, и в душе его нарастала радость: всё-таки с одной неувязкой разобрались.

Совсем рядом проскочил оранжевый «Москвич». Ракитин посмотрел ему вслед и невольно подумал о водителе машины: «Ещё один рыжий. Не о нём ли упоминал Гарик?».

Всю дорогу мысли об этом не выходили из головы. И не только потому, что водитель был рыжим. Он показался ему удивительно знакомым.

«Где же видел его?» – мучительно напрягал память Сергей. Но лишь в кабинете вспомнил:

«В сберкассе! Когда искал заведующего. В дверях попался. И лицо показалось необычным. А это брови и ресницы его красноватым делали...»

Сергей снова задумался. Случайно ли такое совпадение: Тимошкова работала в сберкассе, если поверить Гарику, была знакома с каким-то рыжим владельцем «Москвича», и точно такой же, по приметам, человек, оказывается, бывал в этой сберкассе.

«Интересно, что он там делал? Может, заведующий прояснит ситуацию?».

Ракитин нетерпеливо достал из ящика стола телефонный справочник, отыскал нужный номер, снял трубку:

– Алло!... Петр Васильевич?.. Здравствуйте. Вас снова беспокоит Ракитин... Да-да, тот самый, вы уж извините... Видите ли, в чём дело, когда мы первый раз встретились, от вас выходил один рыжеватый гражданин. Не подскажете, кто это был?.. Что, не помните? Ну, молодой, симпатичный, в модном костюме... Вот-вот, точно... Кто-кто? Так. А фамилия?.. Пестряков, говорите?.. Нет-нет, не тревожьте его. Спасибо за консультацию. До свидания!

Сергей положил на место трубку, довольно потёр руки. Ему уже представили справку Госавтоинспекции. На учёте ГАИ красных «Москвичей» состояло немного. И среди их владельцев числился сотрудник городского финансового отдела Пестряков. Дело, по мнению Сергея, оставалось за малым: опросить его. И Ракитин пошел с докладом к Шатрову.

– А не торопишься? – спросил капитан. – Ну, вызовешь человека, а о чём с ним говорить будешь?

– Об Ирине. Теперь убеждён, что они были знакомы, и что именно он увёз её, – горячо отозвался Сергей.

– А как быть с Гариком и его расчёской? – хитровато прищурился Шатров.

Сергей смущённо опустил глаза. Накануне он ещё раз говорил с Гариком и кое – что уточнил. Как оказалось, в ту злополучную субботу Гарик всё прихорашивался перед Ириной. Когда схватился с Рыжим, расчёска выпала из рук, и владелец «Москвича» подобрал её. А через несколько минут Гарика забрали в вытрезвитель, и он, больше не виделся с Ириной.

Сергей переминался перед столом Шатрова и вдруг увидел себя как бы со стороны: этаким ещё совсем зелёным. Он мысленно выругал себя: «Хорош сыщик!».

– Эх, Серёжа, Серёжа, – вздохнул Шатров, поднимаясь из-за стола. – Каким бы ни был плохим тот или иной человек, нам нельзя подходить к нему предвзято. Это очень вредно для нашего дела... И с Пестряковым не торопись. Посоветуйся со следователем. Ищи факты, факты и факты.

Ракитин даже вспотел. Он что-то пробормотал в ответ и выскочил из кабинета. В коридоре ему встретился Берестовский.

– Ты что? Заболел? – встревоженно загудел лейтенант,

– С чего взял? – отмахнулся Ракитин. – Просто запарился.

– Это дело поправимое, – оживился Берестовский. – А у меня для тебя новость.

– Что за новость? – машинально спросил Сергей.

Берестовский не сводил с него глаз и загадочно улыбался.

– Ну-ну, не тяни.

– Ладно, получай так, без выкупа... Я узнал, что одна из старушек, проживающих в районе Анютиной рощи, видела второго июля у оврага красную легковую машину. Фамилия старушки – Лебедева. Загородный посёлок, пять.

– Ну и что? – буркнул Сергей.

– Как что? Надо обязательно установить и проверить водителя этой машины. Соображаешь?

Только теперь до Сергея дошло, в чём дело.

– Ну, мне сегодня везёт! – радостно воскликнул он.

– Везёт, это когда ничего не делаешь, а всё само за тебя делается, – возразил Берестовский. – К нам это, по-моему, не подходит.

Сергей в порыве благодарности так стиснул руку лейтенанта, что тот жалобно поморщился и сердито затряс побелевшей ладонью.

В тот же день Ракитин встретился с Лебедевой – женщиной грузной, круглолицей, с очень живыми и ясными глазами. Расположить её к разговору Ракитину не составило труда. Старушка оказалась необычайно радушна и словоохотлива. Рассказала, что она вдова, что сыновья разлетелись по свету, и подробно поведала Сергею о водителе красного «Москвича».

– Охотник он. Ко мне частенько захаживал водицы испить, – тихим грудным голосом рассказывала старушка, разливая по чашкам крепкий чай. Пила она из блюдечка и так аппетитно прихлёбывала, хрустела сахаром, что Сергей не смог отказать почаявничать.

– Но стрелок он никудышный. Часто с охоты ни с чем возвращался. А вот собою видный, обходительный. Приятный, хоть и рыжий.

Сердце Ракитина учащённо забилося: «Рыжий...».

– А на машине зачем в тот раз приезжал?

– Да не успела с ним поговорить-то. Выскочил он из оврага, отряхнулся, да и поминай, как звали.

– Один приезжал?

– Один.

– Во что был одет?

– Точно не помню. Знаю, что был в белой сорочке.

– А имя охотника?

– Знакомился-то как Виктор... Пестряков, говорит.

Ракитин чуть не поперхнулся чаем, услышав эту фамилию. Он закашлялся и встал из-за стола.

– Ох, и крепок у вас чай.

– Хороший, – так и засветилась старушка. – Я тебе, если хочешь, рецепт дам.

– Спасибо! А почему вы так точно запомнили дату?

– Да ведь престольный праздник был. Я в тот день в церковь ходила, как раз вдоль оврага.

Старушка спохватилась:

– А что это ты всё меня пытаешь? Али он что натворил?

Ракитин пожал плечами. Ему ещё нечего было ответить. Лишь попросил о разговоре с ним никому пока не говорить. Пожав на прощанье её маленькую пухлую руку, он заторопился в городской финансовый отдел: нестерпимо захотелось взглянуть на Пестрякова и под благовидным предлогом кое-что выяснить о нём.

В райотдел Сергей вернулся в конце рабочего дня. По-мальчишески радовался от сознания удачной беседы с Лебедевой и работниками горфинотдела. Мысленно уже пересказывал Шатрову обо всём услышанном сегодня.

Увидев его в своём кабинете, капитан с надеждой спросил:

– Есть новости?

– Есть. И, кажется, очень важные, – возбуждённо ответил Ракитин. Присев к столу, он подробно рассказал о Лебедевой. Шатров внимательно выслушал его, а когда тот умолк, задал новый вопрос:

– А что за человек Пестряков, ты узнал?

– Всё сделано, Серафим Иванович. В горфинотделе ничего плохого о нём не говорят. Даже радуются за него: вот, мол, счастливчик, то холодильник по лотерее выиграл, то часы золотые, то машину... Есть и другие любопытные детали в его жизни – Пестряков, оказывается, большой любитель женщин и кутежей в ресторане.

– Он что, не женат?

– Холостяк. Родители живут в Москве... Особняк себе купил. Незадолго до гибели Тимошковой его видели с ней в ресторане.

Шатров задумался. Густые брови его сошлись близко-близко.

– М-да, – выдохнул он через минуту, снял очки и прищурился.

– Что же получается?

– Получается, что Пестряков должен рассказать нам, куда он второго июля увёз Ирину, и что ему понадобилось в тот день в овраге Анютиной рощи.

– Правильно, – согласился Шатров. – Вот теперь можно потолковать с ним обо всём и откровенно.

– Так я пошел.
– Куда?
– В прокуратуру, к Антонову.
– Поздно уже.
– Ничего. Посоветуемся и, может, махнём прямо к Пестрякову.
– Ну, уж одни не ходите, – встревожился Шатров. – Мало ли что. Будьте осторожнее!
– Так я Берестовского прихвачу. Да вы не беспокойтесь, всё будет нормально.

9

Однако откровенного разговора с Пестряковым не получилось.

Было ещё не так темно, когда Ракитин с Антоновым, захватив с собой Берестовского, подъехали на прокурорском «газике» к дому Пестрякова. Особняк выглядел солидно. У крыльца застыли старые липы. Они словно осматривали каждого, кто приближался к нему, словно взвешивали все «за» и «против» радушного приема.

«Ничего. Примут», – подумал Сергей. Он вышел из машины и быстрой походкой направился с Антоновым к дому. Берестовский едва попевал за ними.

Ракитин первым поднялся по ступенькам крыльца, нажал кнопку звонка. За дверью – легкие шаги. Приоткрылся «глазок».

– Вам кого? – послышался мягкий мужской голос.

– Откройте, пожалуйста, – попросил Сергей.

Щёлкнул замок. Распахнулась тяжёлая дубовая дверь. Сомнений у Ракитина не было: перед ним стоял Пестряков-лет тридцати, красивые черты лица, бледно-голубые глаза, тщательно расчёсанные на пробор огненно-рыжие волосы...

– Гражданин Пестряков? – всё же уточнил Ракитин. – Мы из милиции, – отрекомендовался он, так как вся группа была в штатском.

Пестряков заметно встревожился. Но в следующее мгновение с деланным простодушием спросил:

– Из милиции? Ко мне? Но почему?

Антонов вышел вперед.

– Собственно, мы не совсем точно представились. Мои товарищи действительно из милиции, а я – следователь прокуратуры Антонов. Вот моё удостоверение.

Хозяин особняка смерил Антонова изучающим взглядом, однако на его удостоверение даже не взглянул.

– Вы что – пришли меня арестовать?

– Нет, почему же?

– Вас так много.

Лицо Пестрякова было спокойным, но глаза озабоченно перебежали с одного пришедшего на другого.

– Много? – переспросил Ракитин. – Пусть это вас не волнует. Нам бы хотелось кое о чём переговорить с вами.

– Прямо сейчас?

– А вы что – возражаете? Может, вам здесь беседовать неудобно? Тогда перенесём место встречи.

– Нет-нет, проходите, пожалуйста, – Пестряков превеличленно любезно сделал приглашающий жест. – Прошу... Только извините – я по-домашнему, в пижаме...

– Ничего, ничего, – отозвался Антонов. – Мы с вами и таком виде потолкуем.

Пройдя просторную, хорошо обставленную переднюю, Берестовский остался в ней, а Антонов с Ракитиным очутились в большой нарядной гостиной. Сергей осмотрелся. Пол весь был устлан огромным темно-бордовым ковром. В переднем углу стоял чёрный рояль. Напротив – поблескивал полировкой импортный бар, рядом находился невысокий столик с удобными креслами. На стенах в золочёных рамках темнели картины. У окна, полузакрытого тяжёлыми шторами, стоял на ножках включенный телевизор, передавали какой-то весёлый эстрадный концерт...

– Хорошо живёте, – отметил Ракитин.

Лицо Пестрякова приняло холодное выражение. Он включил телевизор, опустил в кресло.

– Ну, я вас слушаю.

Антонов сел рядом.

– Это мы хотим вас послушать.
– О чём?
– О Тимошковой.
– А в чём дело?
– Вам разве не известно, что она исчезла?
– Я-то здесь причём?
– Второго июля, то есть в день исчезновения Ирины, вы увезли её в своей машине.
– Что-то не помню.
– А пьяного парня с усиками помните? Он разговаривал тогда с Ириной. Может, устроить с ним новую встречу?
Выражение спокойствия исчезло с лица Пестрякова.
– Не надо. Я вспомнил.
Он потянулся к бару за сигаретой.
– Кстати, его расчёску-то зачем взяли? – спросил Антонов будто из любопытства.
– Да так. Пожалел, что в пыли валялась, – машинально ответил Пестряков, явно сбитый с толку.
– Ну, и куда вы увезли Ирину?
– На вокзал. Собралась на выходной к знакомым.
– И уехала?
– Да. Сам посадил на ленинградский поезд.
– Тогда, каким же образом труп Ирины оказался в овраге Аютиной рощи? А рядом – та самая расчёска, о которой шла речь?
Пестряков нервно покусывал тонкие губы. По его лицу ещё гуще рассыпались веснушки. Он понял, что попался, и зло ответил:
– Не знаю. Ни в каком овраге не был.
– А вот молочница Лебедева видела вас там.
Глаза Пестрякова вспыхнули от внезапной ярости.
– Это вы про старуху, что ли? Да она из ума выжила. Нашли, кого слушать.
Антонов поднялся с кресла.
– Ну, что же, придётся произвести у вас обыск. Не очень-то правдиво отвечаете на вопросы.
Пестряков озадаченно взглянул на него и опустил голову. Сигарета его погасла. Он швырнул её в пепельницу, дро-

жащими руками налил из сифона стакан шипучки и с жадностью выпил её. Лицо его сделалось бледным.
Антонов подошел к Сергею.
– Надо пригласить понятых.
– Хорошо, – ответил он.
Неожиданно за его спиной послышался шорох. Сергей оглянулся. И тут же оказавшийся рядом Пестряков с невероятной силой отшвырнул его на ковер, одним ударом сбил Антонова с ног и, как был в пижаме и тапочках, так и метнулся в прихожую.
Ракитин вскочил с пола: «Неужели уйдет?» Но Пестряков не ушёл. Нарвался на Берестовского. А уж того природа силушкой не обидела. Пестряков только охнул и сразу замер в его железных объятиях.
Сергей бросился к следователю. Тот неловко лежал у опрокинутого столика. Из пробитой головы сочилась кровь.
Ракитин заметался, не зная, что предпринять. Наконец, подхватил следователя и потащил к машине. Потом уже, доставив Антонова в больницу, он вернулся в дом Пестрякова и с Берестовским провёл там обыск. Настроение у обоих было подавленное. Оба переживали за следователя.

10

Ночью Сергей спал плохо, а утром проснулся рано.. Вспомнился вчерашний вечер, несчастье с Антоновым, огорчённое оканье Шатрова: «Я же просил – быть осторожнее! Как же не остереглись?!».
На душе Ракитина сразу сделалось муторно. А впереди ещё предстоял допрос Пестрякова. В том, что этот рыжий тип – убийца Тимошковой, Сергей уже ни минуты не сомневался. Лишь не мог пока осознать, почему Пестряков решился на такое тяжкое преступление, чем ему помешала Ирина?
Ракитин вздохнул, позвонил в больницу и справился о здоровье Антонова, Ему сообщили, что тот чувствует себя уже лучше. Сергей выпил стакан холодного молока с булкой и отправился в райотдел.

Войдя в свой кабинет, он позвонил дежурному и попросил привести из КПЗ Пестрякова.

Тот держал себя внешне спокойно, на вопросы отвечал неторопливо, с наигранной улыбкой, как будто ни в чём не считал себя виновным. В то же время украдкой приглядывался к Ракитину, и Сергей понял, что повозиться с ним придётся изрядно.

– Почему вы ударили следователя? – холодно спросил он Пестрякова.

В ответ скорбная мина:

– Так уж получилось. Извините. Пришли вы ко мне в штатском. Вот и подумал: вдруг это липа? Испугался.

– Ну, а Ирину тоже испугались?

– Я же сказал вам, что ничего о ней не знаю.

– Придется предъявить вам кое-что, – Ракитин раскрыл папку с материалами, достал бланк заключения экспертизы.

– Мы изъяли в вашем доме охотничий нож. По ширине клинка и по характерной на нем зарубке эксперты сделали вывод, что именно такой нож мог оставить порезы на одежде и теле убитой. Можете ознакомиться с заключением экспертизы.

Пестряков как-то сразу сдал. На лице и на руках его выступили пятна, у губ появились складки, на лбу прорезались морщины... И всё же он молчал. Сергею пришлось усилить нажим.

– В салоне вашей машины выявлены следы крови. Резус – отрицательный. Такая же кровь была у Ирины.

Опять молчание. Чувствовалось, что Пестряков лихорадочно ищет и не находит слов.

– А часы Тимошковой? Как они к вам попали?

Пестряков затравленно взглянул на Ракитина, и вдруг лицо его оживилось.

– Часы, часы! – с вызовом воскликнул он. – Почему вы знаете, что это её часы? И потом... Зачем мне убивать Ирину? Мало ли ножей таких, с зарубкой? Мало ли людей с такой группой крови? Кого я только не катал, могли и носом удариться. Вы докажите!

– Ну что же, пожалуйста, – сердито ответил Ракитин. – Мы располагаем паспортом на часы Ирины. Теперь насчёт

крови... Такая разновидность встречается очень редко... Назовите, кого возили в машине за последнее время?

Пестряков судорожно облизнул губы, пожал плечами:

– Я не помню, – голос его прервался. – И вообще я устал.

Ракитин решил отложить дальнейшие расспросы. Вызвал конвой.

Пестрякова увели, а в комнату быстро вошел Шатров Он был угрюм и немногословен.

– Что Пестряков? Упирается?

– Ещё как, – тоже невесело отозвался Ракитин. – Зачем, мол, ему убивать Ирину...

Шатров присел к столу Сергея.

– И правда – зачем? Не на часы же польстился? Сдаётся мне, что за этим убийством ещё что-то скрывается...

– А знаете? – Сергея даже бросило в жар от осенившей мысли. И он заторопился высказать её. – При повторном обыске в доме Пестряков вел себя не очень беспокойно, даже тогда, когда мы нашли его нож. А вот при виде лотерейных билетов заёрзал и в лице изменился. Их у него было несколько пачек – на пятнадцать тысяч рублей! Кто же на такую сумму купит? Не похитил ли в сберкассе? Не без помощи Ирины, конечно. Потом они в чём-нибудь не поладили, и он разделался с ней.

– Вот насчёт Ирины, ты, по-моему, перегнул, – возразил Шатров. – Девушка-то, говорят, была скромная да честная.

– Ну и что? Вдруг она влюбилась в Пестрякова? А влюблённые всё могут. Я где-то читал, что в глубокой древности одна китайская принцесса вывезла из страны шелковичных червей, спрятав их в цветы на шляпе. Червей отдала своему возлюбленному индусу. Так был вывезен шёлк из Китая, а вы говорите...

Шатров улыбнулся.

– Да... Звучит авторитетно!...

Лицо его снова сделалось серьёзным.

– Только я тебе на это вот что скажу... Принцесса принцессой, а то обстоятельство, что Пестряков так занервничал при изъятии лотерейных билетов, это уже кое-что для нас. Молодец, приметил.

Шатров потёр подбородок.

– Может, и впрямь билеты похищены? Как работник горфинотдела, он имел к ним доступ. А Ирина могла заметить. Вот и конфликт?.. Мне думается, эту версию надо проверить. Помнишь, хозяйка Тимошковой упоминала о том, что Ирина кому-то писала о лотерее?.. Не Павке ли? Всё-таки долгое время дружили.

– Его фамилия Бойчин, – сказал Ракитин. – Берестовский уже установил его адрес, Не знаю, что я делал бы без этого трудяги лейтенанта.

– Да, работник, что надо, – согласился Шатров. – На вид медлителен, а глядишь – всюду успел!... И ты не откладывай с Бойчиным.

– Так ведь он в экспедиции был. Лишь вчера вернулся.

– Вот и вызывай в отдел.

– Это только время терять, – засобирался Сергей. – Я сейчас сам к нему, мигом.

11

Бойчин жил в общежитии института, где учился на четвёртом курсе. Общежитие находилось на окраине города, неподалёку от речки Ильмы.

В этот район ходил автобус, но Ракитин пошёл пешком. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями: что-то скажет Бойчин, как-то его встретит?

Был уже первый час дня. Погода стояла отличная. Солнце висело высоко, но пригревало не жарко. С Ильмы дул тихий ветерок.

«В такую погоду отдыхать бы где-нибудь на рыбалке», – подумал Сергей.

Он вздохнул, прибавил шагу. Добравшись до пятиэтажного корпуса общежития, Сергей вошёл в подъезд. В полутёмном вестибюле над столиком дежурной висела табличка: «Посторонним вход воспрещён». Пожилая, толстая дежурная вышла из-за столика навстречу Ракитину.

– Вы куда? К кому?

212

Сергей объяснил, кто он и зачем пришёл. Дежурная с сомнением пожала плечами:

– Не знаю, здесь ли он... Пройдите на пятый этаж. Там есть кто-то с четвёртого курса.

Ракитин поднялся на пятый этаж, нашёл нужную комнату и постучал. Дверь приоткрылась.

– Вам кого?

На Сергея с интересом смотрел невысокий, смуглый и чуть кудрявый паренек, с большими карими глазами.

– Мне Бойчина!

– Это я, проходите, пожалуйста, – паренёк жестом пригласил Сергея в комнату.

Бойчин не показался Сергею «непутёвым». Одет был опрятно. Спокойно встретил его испытующий взгляд.

– Признаться, не понимаю, зачем я понадобился вам, – откровенно удивился он, бегло взглянув на удостоверение Ракитина. – Я всё лето был в экспедиции...

Бойчин предложил Сергею стул, но сам остался стоять. Услышав, что к нему пришли в связи с Тимошковой, удивился ещё больше.

– А в чём дело?

Ракитин сел и, чуть помедлив, пояснил:

– Нам бы хотелось уточнить ваши взаимоотношения с Ириной. Узнать, давно ли вы знакомы и что она за человек.

– С ней что-нибудь случилось? – с тревогой спросил Бойчин. И Сергею сразу стало ясно: парень не знает о смерти Тимошковой.

– Вы перестали встречаться. Почему? – уклонился он от ответа.

В комнате наступила томительная тишина. Взгляд Бойчина стал потухшим. Затем он нехотя протянул:

– Мы поссорились из-за одного типа. Они знакомы по работе. – Неожиданно в его голосе прозвучало раздражение. – Зачем вам всё это?

– Надо, поверьте. Так что, расскажите подробнее, пожалуйста. Вы уж извините, – как можно мягче сказал Сергей.

213

Ему было понятно состояние парня. Кому приятно откровенничать перед чужими людьми?

Бойчин вздохнул, провёл рукой по лбу и начал рассказ. По его словам, они с Тимошковой воспитывались в детдоме. Оба рано потеряли родителей, оба книголюбы. На этой почве незаметно для себя и сдружились. Как-то вечером, купив билеты в кино, он зашёл за Ириной домой. А её не было. Вернулась поздно. Сказала, что засиделась у подруги. А потом он узнал, что не у подруги, а в ресторане была со своим знакомым – Пестряковым. Это огорчило его, но они продолжали встречаться. Правда, день ото дня Ирина становилась всё молчаливей и задумчивей, словно что-то мучило её. Он попытался развеселить Ирину, предложил сходить в ресторан, потанцевать. Но она наотрез отказалась. Из-за этого даже поссорились. А потом он уехал в экспедицию.

Рассказ Павлика заинтересовал Ракитина. После небольшой паузы он спросил:

– Как думаете, почему она вдруг так изменилась?

Бойчин молчал, собираясь с мыслями. Глаза его потемнели.

– Наверное, из-за Пестрякова, – наконец тихо выдавил он.

– Почему так считаете?

Бойчин печально улыбнулся.

– Потому, что по-настоящему втрескалась в него. Боялась, что не пара ему. Мол, образованный, красивый, занимает солидное положение и всё такое прочее. Но это глупые страхи. Он сам её недостоин.

– Почему?

– Да обыкновенный хлыщ! Вы бы знали Ирину! Душа у неё чистая и светлая. А он – просто закружил ей голову, жулик,

Бойчин вздохнул. И Ракитину стало ясно, что дружба его с Ириной давно переросла в затаённую любовь.

– Вот вы назвали Пестрякова жуликом. Почему? Вам Ирина что-то говорила о нём?

Бойчин помедлил с ответом.

– Как вам сказать... После ссоры она написала мне о своих подозрениях в отношении него, спрашивала совета, как ей поступить... Да я уже уехал в экспедицию, и письмо мне передали только вчера.

Он прошёл к письменному столу, выдвинул ящик, достал из него слегка помятый конверт.

– Вот взгляните, что она написала о нём.

Ракитин посмотрел на подпись: Тимошкова. Датировано вторым июля. Он почувствовал, как внутри всё напряглось.

Пока Сергей читал письмо Ирины, Бойчин молчал и расстроено смолил сигарету за сигаретой.

– Видите, каков он оказался на деле! – с ненавистью воскликнул Бойчин, как только Ракитин дочитал письмо... – Жулик и есть.

Бойчин умолк и, подумав несколько секунд, спросил:

– Наверное, не дождавшись моего совета, Ирина направилась прямо к вам? Вы поэтому ко мне пришли?

Сергею было больно говорить ему правду.

12

...Ракитин вышел из общежития на улицу и остановился в раздумье. Хотя ещё два часа назад он сам высказал идею о том, что Пестряков похитил лотерейные билеты, всё-таки письмо Ирины к Бойчину, подтверждающее эту версию, явилось для него неожиданностью. Необходимо было срочно вновь побывать в Центральной сберкассе и навести там соответствующие справки. А выйдя из сберкассы, он поспешил к Шатрову.

Капитан стоял у раскрытого окна и просматривал на свет лотерейный билет. Услышав стук двери, он обернулся.

– А-а, это ты, – Шатров убрал в карман костюма билет, снял очки и прищурился. – Что такой взмыленный?

– Да вот побывал в Центральной сберкассе. Оказывается, Пестряков постоянно назначался членом комиссии по уничтожению непроданных лотерейных билетов.

– И что из этого следует?

– Очень многое, Серафим Иванович! Знали бы вы как уничтожаются такие билеты. Они в посылках поступают из районных сберкасс в Центральную и учитываются не по реквизитам – номер, разряд, серия, а по количеству. Вот вам и лазейка для хищения! Понимаете?

– Пока нет. – Шатров протёр носовым платком стёкла очков, водрузил их опять на нос, прошёл к своему столу, сел за него, широко расставив локти, и приготовился слушать.

– Давай. Просвети.

– Пожалуйста! – Сергей поставил стул сбоку стола и тоже сел.

– Посылки с непроданными билетами приносят в кабинет, где работает комиссия. Потом билеты передают на пресс для прокола, пересчитывают и сжигают. Теперь ясно?

– Не совсем. То, что дело это уж очень упрощённо, мне понятно. Но ты с чего начал? Упомянул Пестрякова и связал его имя с возможным хищением билетов.

– Не с возможным, а с прямым хищением.

– У тебя есть факты? Как это ему удавалось?

– Очень просто. Во время работы комиссии он сбрасывал часть билетов в корзинку у стола. Оставшиеся билеты прокалывал на прессе и называл их количество в соответствии с описью посылки. После работы комиссии забирал билеты из корзинки.

Шатров недоверчиво сдвинул брови и откинулся на спинку стула.

– А ты, случайно, не фантазируешь? Кто тебе об этом рассказал?

– Сама Тимошкова! Она заметила манипуляции Пестрякова с билетами. Сначала растерялась, а потом попыталась воздействовать на его совесть, но тот отшутился. И тогда написала обо всём Бойчину, спрашивала совета, что ей делать, как поступить. Хотите, прочту её письмо?

Ракитин открыл принесённый с собой папку, достал из неё письмо Ирины. Шатров слушал молча и всё больше хмурился. Как только Сергей закончил читать, капитан встал из-за стола. Заметно волнуясь, раскурил папиросу и начал

медленно прохаживаться по кабинету. Затем вдруг резко повернулся к Ракитину:

– А мы-то ломали голову. Теперь ясно, почему он решился на убийство. Ну, сейчас ему не выкрутиться!

– Да, свидетельства у нас серьёзные. Да только вот письмо Ирины – пока лишь косвенное доказательство Пестряков будет отказываться.

– А мы с тобой на что? Я тут без тебя билетик один купил. Лотерейный. Естественно, поинтересовался, что он собой представляет, как в случае выигрыша произвели бы его оплату... И что выяснилось? Билет оказался надписанным. Это, во-первых, а во-вторых, в случае крупного выигрыша, билет будет направлен в Москву с указанием имени, отчества, фамилии и домашнего адреса владельца... Ты говорил, что в доме Пестрякова вы нашли лотерейные билеты разных выпусков. Значит, надо послать запрос на фабрику Гознак, чтобы установить, в какие районные сберкассы они были направлены для реализации. Запросить Москву – не значит ли Пестряков в числе получивших крупные выигрыши? Куда ранее направлялись для продажи предъявленные им билеты? Ведь нам что важно узнать? Из каких посылок они похищались...

– Может, заодно опросить всех работников сберкасс, не оставляли ли они на непроданных билетах каких-нибудь пометок?

– Правильно мыслишь, – согласился Шатров. – И надо отправить письмо Ирины на почерковедческую экспертизу. Прокурор поручил все неотложные следственные действия, пока Антонов в больнице, провести нам. Так что – за дело!

И Ракитин начал действовать. Ответы на запросы пришли быстро. Москва сообщила о том, что Пестряков выиграл по лотерее автомобиль – «Москвич», холодильник и мотоцикл. Указывались районные центры реализации билетов. Поступило сообщение и о денежных выигрышах.

Неутомимый Берестовский, выполняя поручение Ракитина, в одной из районных сберкасс города установил, что часть лотерейных билетов, обнаруженных у Пестрякова, значит, непроданной и возвращенной в Центральную сбер-

кассу для уничтожения. Так уж случилось, что работники сберкасс, любопытства ради, записывали номера и серии непроданных билетов – выиграют ли? Некоторые и выиграли! По ним, как теперь выяснилось, Пестряков и получил машину и другие ценные вещи.

Графологи же подтвердили, что письмо написано самой Тимошковой. Теперь можно было продолжать допрос Пестрякова. И Ракитин поехал в следственный изолятор.

Пестряков старался держаться спокойно. В нём ещё теплилась надежда на лучшую перемену его теперешнего положения. В комнату для допроса вошёл с кривой улыбкой, развязно опустился на стул. Но небритое лицо его было измученным, как от бессонницы, в глазах тревожный огонёк: что-то ещё стало известно этому дотошному оперу, чем он располагает?

– Ну, нашли, чем мне не угодила Ирина? – спросил он нарочито насмешливо.

– А как же, – спокойно ответил Сергей. – Девушка была для вас опасным свидетелем хищения лотерейных билетов.

Пестряков вздрогнул. Он полагал, что никто никогда не докапается до истинного мотива убийства Тимошковой.

– Что вы сказали? – прошептал он осевшим голосом и покачнулся на стуле.

Ракитин молча подал ему фотокопию письма Ирины к Бойчину.

Пестряков впился глазами в текст. На лбу его выступили капельки пота, губы сжались...

На какое-то мгновение в кабинете воцарилась тишина.

– А теперь я вас хочу послушать, – сказал Ракитин, как только растерявшийся Пестряков прочитал текст письма. – Будете говорить?

Тот словно окаменел, отсутствующим взглядом смотрел куда-то мимо Ракитина. Наконец он вышел из оцепенения, криком вскочил со стула:

– Письмо ещё ничего не доказывает! Это оговор! Я трагил свою зарплату на билеты!

Но у Сергея уже были заготовлены все необходимые документы: справки Посылторга, фабрики Гознака, показания работниц сберкасс, их и предъявил Пестрякову как неопровержимые доказательства.

Пестряков тяжело снова сел. Только теперь он понял, что от возмездия ему не уйти и срывающимся, сдавленным голосом спросил:

– А если я всё расскажу. Признаюсь, как было... Мне сохраняют жизнь?

Сергей смотрел на его застывшую фигуру, потное лицо, дрожащие руки и вспоминал образ Ирины с фотопортрета: её восторженные глаза, жизнерадостную улыбку, вспоминал и её удивительные поэтические стихи о счастье, о любви, о чести, и с недоумением думал, что она могла найти хорошего в таком жалком существе, как Пестряков?

Ракитин поморщился, с трудом отогнал от себя неприятные мысли и сухо ответил ему:

– Никаких гарантий вам дать не могу. Всё будет решать суд. Ну, будете говорить правду?

Пестряков уныло уставился в пол.

– Да что уж тут говорить... Так и было, как вы сказали... Ирина заметила, что я сбрасывал билеты. И когда мы остались одни в кабинете, всё уговаривала вернуть их комиссии.

Он вскинул голову, криво усмехнулся:

– Вернуть билеты! Как будто это могло меня спасти. Начались бы вопросы: что да почему? Припомнили бы о «Москвиче» и мотоцикле. Ведь в понятии всех я был счастливчиком... Нет, – протянул он. – Оставалось только всё отрицать. Ирина сразу замкнулась. Я понял, что не смог разубедить её, и тогда решил...

Пестряков неожиданно умолк. Глаза его лихорадочно заблестели, и Ракитин подумал: «Ну вот, из шокового состояния он уже вышел, сейчас начнет опять выкручиваться».

– И что же решили? – быстро спросил Сергей.

– Пойти к вам с повинной... Я договорился с Ириной и захватил её с собой... Под впечатлением ссоры с Гариком – так, кажется, его зовут – она и мне наговорила дерзостей.

Я что-то резко ответил Ирине, и она ударила меня. Я защищался!...

«Ишь ты, что придумал!» – нахмурился Сергей. Он ожидал от него какого-нибудь другого хода, но и против этого ему было что возразить.

– Значит, защищались? Охотничьим-то ножом? Ударами в спину? Вы же его с собой в машину заранее взяли. Ведь, не на охоту ехали!

– Я постоянно хранил его в машине.

– Опять неправда. Ваша домработница нам сказала, что всегда держала его на кухне, пользовалась им для разделки мяса и рыбы... Нет, Пестряков, оба преступления вы совершили преднамеренно, обдуманно, хладнокровно. Уговорили Тимошкову поехать с вами, якобы в милицию, и в тихом безлюдном местечке убили. Я немного отклонился от истины?

Пестряков, не поднимая глаз, молча кивнул. Приумолк и Ракитин. Всё раздумывал, как мог этот образованный, занимающий солидное положение человек пойти на такие тяжкие преступления?

– Что же толкнуло вас на это? Разве в чём-нибудь нуждались?

Пестряков вскинул голову, посмотрел на него долгим взглядом и устало выдохнул:

– Так уж получилось.

– А всё-таки?

– Быть у огня, да не обжечься?.. Сначала, конечно, и в мыслях не держал, чтобы польститься на эти проклятые билеты... Для интереса покупал их понемногу... Потом завидно стало: другие, смотришь, все выигрывают, а я и впрямь оказался рыжим. Захотелось тоже – машину занять, больше денег, чтобы, знаете, с шиком пожить. Вот и стал приглядываться к активируемым билетикам, – Пестряков незаметно для себя увлекся. Глаза его заблестели. – А они, понимаете ли, тысячами через руки плывут! Так и липнут, так и соблазняют. Подвернись подходящий момент, – и они твои!...

Пестряков вздохнул.

– Ну, что же вы замолчали? – суровым тоном спросил Ракитин. – Продолжайте!... Значит, билеты к вам так и липли. А Ирина заметила. И что же вы сделали?

– Зря, конечно, руку на неё поднял. Да ведь ни на какие посулы не шла... Отъехали мы немного от остановки, и я предложил: давай, мол, к Анютиной роще свернем, поговорим ещё. Она согласилась. Там, у рощи и ударил её ножом... Прямо в машине...

– А Ирина любила вас. Беспокоилась за вашу судьбу...

Пестряков побледнел, отвернулся.

– Ну, а часы-то, зачем с неё сняли? – спросил Ракитин.

– Не пропадать же добру, – глухо ответил Пестряков.

...Когда Сергей вышел на улицу, горькое чувство от разговора с Пестряковым несколько растаяло. Он закурил и не спеша двинулся к отделу. Уже темнело. Под ногами шуршали опавшие листья. И в их шорохе, в быстро сгущающихся сумерках и остывающем воздухе чувствовалось приближение осени.

«Как быстро пролетел месяц! – подумал Сергей, прибавляя шаг.

Он вошёл в отдел и сразу направился к Шатрову. Тот был ещё у себя. Он сидел за своим рабочим столом, низко склонившись над бумагами, и красным карандашом делал в них какие-то пометки. Увидев Ракитина, он поднял голову, выжидающе посмотрел на него...

– Всё, Серафим Иванович, Пестряков признался, – выдохнул Сергей.

– Сразу?

– Какое там! Весь фальшив, как коронка Ирины. Взгляните-ка на его показания.

Шатров поправил очки и начал внимательно читать протокол допроса.

– Значит, пожалел, что не знал о письме Тимошковой, – сказал он, отложив на минуту протокол.

– А мне думается, что если бы и узнал, то всё равно направился бы с Ириной, – возразил Сергей. – Ведь, заявил же он мне, что ему важно было избавиться от живого свидетеля

хищения билетов, а в своей изворотливости на случай следствия он, мол, и не сомневался.

– Да...Тяжёлый экземплярчик тебе попался, – протянул Шатров, закончив читать. – Признаться, я сначала беспокоился за тебя: справишься ли с заданием? Больно скорым да нетерпеливым мне показался...

Ракитин покраснел, насупился.

– Ну-ну, – добродушно улыбнулся Шатров. – Я и говорю, что ты молодчага... Кстати, об учёте лотерейных билетов, – снова посерьёзnel он. – Надо будет подготовить совместно с прокуратурой соответствующее представление о нём. В этом важном государственном деле не должно быть ни малейшей зацепки для жуликов... А теперь иди отдыхай.

Шатров подошёл к окну, задёрнул шторы. Потом вернулся, включил настольную лампу и опять склонился над бумагами.

РАССКАЗЫ

МАТ КОРОЛЮ

рассказ

...Пронзительный телефонный звонок прямой связи с начальником уголовного розыска Шатровым заставил Ракитина отрешиться от благодушного послеобеденного настроения. Такой звонок прежде не раз приносил ему осложнения в работе.

С тревогой в душе, Сергей снял трубку:

– Слушаю, товарищ капитан?

Шатров, как всегда, был немногословен:

– Помнишь «форточника» Андрея Балашова – Альбатроса?.. Освободился уже. И снова прибыл в наш город. Прими это к сведению, Сергей.

Выслушав начальника, Ракитин положил трубку, призадумался:

«Альбатрос? Как не помнить! Лет сорока, невысокий длиннорукий блондин и среди уголовников пользовался особым авторитетом, потому что прослыл чуть ли не самым ловким домушником, «специалистом» по квартирным кражам. Доставил он угрозыску забот и хлопот. Ведь как только появлялся в городе после освобождения из колонии, сообщения о кражах поступали одно за другим. Словно какая-то злая сила постоянно подхлестывала его.

Шатров не раз просил подчинённых попытаться нащупать, что же так воздействует на этого человека. Да только сделать это пока не удавалось. Вроде бы, всё он понимал, но перебороть себя не мог: старое брало верх. И вот он опять в городе! Значит, жди новых воровских походов Альбатроса...»

Так вскоре и случилось.

***

Стоял тихий безлунный вечер. Как раз на руку Альбатросу. Укрывшись за стволом старого вяза, он терпеливо ждал, когда в глубине двора, в небольшом трехэтажном доме погаснет последнее окно.

Через четверть часа он легко и бесшумно поднялся по водосточной трубе под самую крышу. Собственно, в нужную квартиру на третьем этаже он мог бы попасть и более простым способом, с помощью отмычки. Но корешок, что навёл его на эту квартиру, предупредил о собаке у соседей, поднимающей лай при малейшем шорохе за дверью. Уж лучше не рисковать, подумал Альбатрос.

Он плотно прижался спиной к стене, сделал два маленьких шага по узкому карнизу, и – заветная открытая форточка рядом. Чуткие пальцы осторожно нащупали защёлку оконной створки. Шаг в раскрытое окно – под ногами еле слышно скрипнули половицы.

Альбатрос включил карманный фонарик, повёл узким лучом по сторонам: кухня, что здесь возьмёшь?

Он открыл дверь в соседнюю комнату и... замер. На просторной деревянной кровати, натянув на оголенные плечи простыню, испуганно жалась к стене молодая длинноволосая женщина. На стене над кроватью тускло светил причудливой формы ночничок.

«Мужа у неё нет, а сама хозяйка уезжает по выходным в деревню к родственникам», – вспомнил Альбатрос заверения кореша и мысленно выругался.

Нет, его ничуть не обеспокоила создавшаяся ситуация: по водосточной трубе он спускается ещё быстрее... Но эти синие глаза, расширенные от ужаса!... Разве он камень, чтобы выдержать такое?

Сердце резанула острая боль. Альбатрос ухватился за косяк двери, но всё перед ним закружилось, и он тяжело осел на ковёр.

Очнулся от чего-то сырого и холодного на груди и сладковатого во рту. Рядом, опустившись на колени, хлопотала над ним эта синеглазая женщина...

Альбатрос выплюнул таблетку и подтянул ноги, пытаясь встать. Женщина опять испуганно сжалась.

– Не бойся, – с трудом выговорил он, едва ворочая распухшим языком. – Я сейчас уйду.

Женщина как-то неопределённо кивнула и покосилась на телефон, стоящий на тумбочке у двери. Альбатрос перехватил её взгляд.

– Уже вызвала?

Женщина снова кивнула, боязливо посматривая на его размалёванные татуировками грудь и руки.

– Понятно... Всё правильно.

Альбатрос пружинисто выпрямился и метнулся назад, к раскрытому окну.

Уже на земле он услышал шум мотора: к подъезду задремавшего дома стремительно выруливала машина «Скорой помощи». В окнах лестничного пролёта замелькали белые халаты. Он проследил за ними – исчезли они на третьем этаже.

«Осёл! Идиот!» – разозлился на себя Альбатрос и, уже не прячась, ринулся в ночную, безмолвную мглу.

***

В тот вечер Альбатрос ощутил не только боль в сердце, но и почувствовал, что в душе его что-то сломалось. Придя домой, он никак не мог уснуть. Ворочаясь на узкой кровати в душной комнате, он до мельчайших подробностей вспомнил всё, что пережил с малых лет. «Похоронку» на отца, погибшего в сорок третьем в боях под Курском. Печальные глаза матери, устало валившейся на койку, как только возвращалась после долгой смены с завода. Опухшие от голода руки его вдовой тётки, украдкой сующей ему горстки сухих хлебных крошек, собранных неизвестно где...

Вспомнилось и то, как тогда же десятилетним пацаном стал вором, попав из-за голодухи под влияние Короля – главаря местных уголовников. А в результате?.. И мать вся истерзалась в переживаниях за него. И у самого уже ни здоровья, ни радости. А теперь ещё и эта женщина с синими глазами. С каким страхом глядела на него, что только не передумала, наверное.

«Вот бы мне сейчас настоящую работу найти, – подумал он. – Может, и зажил бы, как все, обычной, нормальной жизнью...»

Он повернулся лицом к стене и плотно сомкнул глаза, стараясь поскорее заснуть, чтобы забыться от неприятных мыслей.

***

На другой день Альбатрос с раннего утра отправился в поиск работы. Он был уверен, что с его профессией слесаря, полученной в колонии, легко устроится на любом предприятии. Но домой возвращался вечером злой-презлой: куда бы ни заходил насчёт работы – всюду отказ. Не сразу, конечно. Кадровики сначала оживлялись, но как только узнавали, кто он и откуда, сразу скисали, что-то невразумительно мямлили и, в конце концов, возвращали документы со скучным пожеланием зайти к ним «через месяц-другой».

По пути домой Альбатрос завернул к пивному бару. В горле пересохло от злости, внутри всё кипело...

В зале, стилизованном под старину, царил полумрак, густой табачный дым, шумный говор и кислотоватый запах пива. Он подошёл к стойке, заказал кружку пива, два бутерброда и искал глазами, куда бы присесть. Сзади кто-то хлопнул его по плечу, он обернулся и встретил надменный взгляд больших чёрных глаз одного из своих подельников – парня рослого, с красивым, словно девичьим, лицом и белокурыми выщипанными волосами.

– Красавчик?

– Собственной персоной! – высокомерно ответил кореш, приодетый, как всегда, с иголки. – Давай к нам, – кивнул он в угол.

Альбатрос разглядел за большим дубовым столом двух незнакомых ему парней.

– Знаешь, хотелось бы посидеть одному.

– Да ты что? – усмехнулся Красавчик. – С каких это пор мы отказываемся от приятной компании? Нет, так не пойдёт. Милости просим!

Альбатрос снова попытался возразить, но Красавчик, подхватив его кружку, уже семенил в угол, покачивая узкими бёдрами. Альбатрос угрюмо подался следом, молча опустил-

ся на длинную скамейку, лицом к залу, напротив этой троицы.

– Коля Фитиль! – представил ему Красавчик долговязого парня. Тот развязно осклабился.

– Стасик Киевский, – прошепелявил второй уродливыми губами.

– А это, братцы, Альбатрос! – картинно улыбался Красавчик. – Можно сказать, правая рука самого Короля. Прошу любить и жаловать!

– Ну, до любовных объяснений нам рановато – ещё больше помрачнел Альбатрос. – И жаловать меня не за что.

– Не скромничай, не скромничай! – погрозил пальцем Красавчик. – Много вчера взял? Надо бы поделиться.

Альбатрос покосился на шепелявого и Фитиля. Те с интересом пялили на него глаза, жадно ждали ответа.

– Вот что, – всё больше распаляясь, обратился он к Красавчику. – Пусть эти симпатичные урки пока смоятся куда-нибудь.

– Хорошо! – покорно согласился Красавчик. Он подмигнул им, и те, забрав свои кружки, разочарованно поплелись к другому столу.

– Говоришь, много взял? – процедил сквозь зубы Альбатрос. – С этой квартиры я вчера еле ноги унёс. «Мужа у неё нет, а сама хозяйка в деревне!» – передразнил он Красавчика. – Дома оказалась хозяйка, дома!

– Ну-ну, не кипятись, на другой адресок пойдём, – примирительно бросил Красавчик – У меня уже есть одна наводочка.

– Всё, хватит! Никакого другого адреса для меня больше не будет.

– Что так? – оторопел Красавчик.

– Хочу пожить по – человечески.

– Постой, постой!... – Красавчик недоумённо поджал пухлые тубы. – Я тебя не понимаю... Это ты плохо жил – первый кореш самого Короля?

– А что толку?

– Это почему же?

– Потерял я, Красавчик, лучшие годы жизни и ничего путного не получил, хотя временами был очень «богат».

– Ты что же, решил завязать?

– Да, попробую. Хуже, говорят, не будет.

– А что скажет Король?

Альбатрос пожал плечами, глотнул из кружки пиво.

– Мне теперь всё равно, что он скажет.

– Значит, на дело уже не пойдёшь со мной?

– Нет, Красавчик, нет!

– И ты, шкурёнок, думаешь, что тебе это даром сойдёт?

Да мы тебя, гнида...

Альбатрос допил пиво, вытер платком губы, затем поднялся и, ни на кого не глядя, направился к выходу. Красавчик устремился за ним.

***

А в это время Ракитин решал свои проблемы, шахматные. Высокого спортивного разряда Сергей не имел, а желание померяться силами с искусными противниками было столь огромно, что, не удержавшись от соблазна, он принял участие в чемпионате города. И первый же поединок закончился для него неудачно.

Из шахматного клуба Ракитин ушёл расстроенным. Вечер стоял тёплый, тихий, какие бывают «бабьим летом». Из садов ветер доносил пряный аромат яблок, в воздухе плавали паутинки. Ярко зажглись первые звезды. Но Сергей, погруженный в свои мысли не замечал ничего этого! Ещё бы – проиграл партию. Сначала-то всё шло хорошо: его белые фигуры заняли на доске лучшую позицию и вот-вот могли дать мат чёрному королю, но... Потом забыл об осторожности и угодил в хитроумную ловушку. Выход из этого положения он всё-таки нашёл, но потратил слишком много времени, наступил цейтнот, и он не заметил, как упал флажок на часах. Потерял первое очко. А отнесись он к противнику более серьёзно, результат мог быть иной.

Продолжая в уме анализировать проигранную партию, Ракитин свернул в переулок, и там его мысли неожиданно

прервались. Он услышал глухой звук, как будто что-то тяжёлое ударилось о землю. Тишину ночи прорезал сдавленный крик. Сергей рванулся на помощь и вскоре увидел, что около одного из домов трое крепких парней били ногами лежащего на земле человека.

Он, запыхавшись, крикнул:

– Прекратить!

Троица повернулась к нему.

– Прекратить, говорю, – настойчиво повторил Сергей и только в этот момент вспомнил, что не в форме, без оружия.

А парни уже оставили свою жертву, двинулись к нему. В руке одного из них блеснул нож. На Ракитина опасность всегда действовала мобилизующее. Он распрямил плечи, перехватил руку с ножом и так рванул нападающего, что тот, коротко охнув, свалился с ног. Потом мгновенно ударил второго. Внезапно красноватая вспышка осветила тёмный переулок и словно бы обожгла плечо Сергея. Всё поплыло у него перед глазами, и он в повалился на землю.

***

Очнулся Ракитин в больнице. Осмотрелся – лежит в одноместной палате. У стола молоденькая медсестра со шприцем. С трудом припомнил, что с ним случилось, и уныло замер на койке.

В дверь постучали, и на пороге показался грузный мужчина в накинутах на плечи белом халате.

– Серафим Иванович! – Сергей сразу узнал Шатрова и радостно приподнялся на кровати.

– Лежи, лежи! – замахал Шатров. – Как самочувствие?

Ракитин попытался улыбнуться.

– Да ничего, нормальное. – Он осторожно поправил повязку на плече. – Пуля насквозь прошла, но кость не задела. Да вы садитесь, товарищ капитан.

– Ну, что ж, сяду. Думаю, тебе будет интересно узнать, за кого пострадал?

Голубые глаза Ракитина широко открылись.

– Я как-то говорил тебе об Андрее Балашове – Альбатросе. Так вот, за него! Что-то не поделил он со своими друзьями, ну и...

– Вот те раз! – огорчённо протянул Ракитин. – А ведь как клялся мне накануне, что возьмётся за ум!

Помолчали.

Сергей вздохнул.

– А те... дружки бывшие? Неужели ушли?

– Нет, дружинники вовремя подоспели. Двоих сразу задержали. Третьего чуть позже. Один из них еле в себя пришёл. Это ты его так «угостил».

– А с Балашовым что?

– Синяки – и ничего больше. Просил помочь ему с работой. Поможем, конечно...

Шатров легонько дотронулся до забинтованного плеча Сергея:

– Очень больно?

– Нет, – зашевелился Ракитин. – Наверное, скоро выпишусь.

***

Но только через месяц он смог приступить к работе. И первое, что сделал – зашёл в гости к Альбатросу. Дверь открыла сгорбленная старушка. Подозрительно оглядев гостя (Ракитин был в штатском), она недовольно спросила:

– Кого надо?

Сергей улыбнулся.

– Мне бы Андрея Петровича повидать.

– Ну, дома он... Что-то я тебя не припоминаю. Дружок его, что ли?

– Пока просто знакомый. А вы его мамаша – Надежда Васильевна?

– Ну, Надежда Васильевна. Работаешь где, или как?

– Не беспокойтесь, мамаша. Работаю, как же иначе?..

Старушка ещё раз недоверчиво оглядела его, почему-то вздохнула и, наконец, впустила в дом.

Альбатрос сидел на кушетке в небольшой, просто обставленной комнате и, перебирая струны гитары, задумчиво напевал:

«Приди, приди, свобода дорогая,
Я обогрею ласкою тебя...».

Узнав Ракитина, он отложил в сторону гитару, быстро поднялся, растерянно спросил:

– Ко мне, что ли?

– Конечно, – подтвердил Сергей и попросил разрешения присесть.

Альбатрос кивнул, а затем насторожённо наблюдал за каждым его движением.

– Ну, как поживаете? – спросил Ракитин, присаживаясь к столу.

Альбатрос пожал плечами:

– Да пока ничего. Ко мне по делу или так?

– Спасибо сказать.

– За что?

– А за подарки, что приносили мне в больницу.

Альбатрос смутился. Переминался с ноги на ногу, не зная, как ответить.

– Только что же тайком передавали? – Ракитин сощурил смеющиеся глаза. – Всё равно узнал, от кого были и яблоки, и папиросы.

Раскрасневшийся Альбатрос и вовсе растерялся. Видя его смущение, Сергей изменил тему разговора.

– А больше никого из старых приятелей не встречали?

– Никого. Вот только Васька Король вчера весточку прислал.

– О чём пишет? – насторожился Сергей. Король был известен как главарь воровской группы. Но сейчас он отбывал срок наказания.

– А вы что ко мне – выведывать пришли? – Альбатрос недовольно нахмурил светлые брови. Взгляд его серых глаз стал колючим

– Ну, что вы говорите, – Ракитин поднялся. – Эх, вы, – тихо добавил он и направился к двери.

– Подождите, – остановил его Альбатрос. – Давайте хоть чайком угощу. А то и за бутылкой могу сбежать.

Сергей обернулся. Угловатый, худой, с коротким ёжиком седеющих волос, Альбатрос казался ему в этот момент жалким и... совсем одиноким. Тот виновато глядел на него и длинными тонкими пальцами нервно крутил пуговицы растёгнутой на груди рубашки.

Сергей мягко возразил:

– Нет, Андрей Петрович. Чай, пожалуй, в другой раз. Тогда и Надежду Васильевну пригласим к столу. Строгая она у вас: «Кто вы да откуда?!».

Альбатрос невесело усмехнулся.

– За меня боится. Как бы опять мой «портрет» не разукрасили или «перо» в бок не воткнули.. Ждёт не дождётся, когда я на работу устроюсь. А кадровики шарахаются от меня, как чёрт от ладана.

– Ну, ты особенно не обижайтесь, – усмехнулся Сергей. – Их ведь тоже понять можно – не всякий-то с такой биографией, как у вас, надолго у них задерживается. А глядишь, ещё и сюрприз неприятный преподнесёт...

– Я не преподнесу, – заверил Альбатрос.

– Тогда что же к нам на вызовы не являетесь? Шатров уже с директором мебельной фабрики о вас договорился.

Эти слова, видно, так не соответствовали мыслям Альбатроса, что не сразу дошли до его сознания.

– Ну да? – недоверчиво тряхнул он головой. – Начальник угрозыска, и вдруг...

Он на мгновение задумался.

– Нет, лучше смоюсь я куда-нибудь!

– Почему? – удивился Ракитин.

– Трудно мне здесь... из-за человека одного, – не сразу ответил Альбатрос. Он опять помолчал немного и добавил: – Если бы вы знали – я ведь снова чуть кражу не завернул.

Ракитин помрачнел.

– Вот это уже действительно худо.

– То-то и оно, – продолжал с горечью Альбатрос. – И сидеть бы мне снова за решёткой, если бы не квартирная хозяйка. Ведь в «Скорую» позвонила, а не в милицию.

И он рассказал Ракитину о том, что приключилось с ним недавно.

– М-да... – протянул Сергей, выслушав его исповедь. – Покушение на кражу, а это статья... Но, как говорят, повинную голову меч не сечёт!

– Да что там меч! – отмахнулся Альбатрос. – У меня эта хозяйка из головы не выходит, Елена Андреевна Лисянская. Ей повиниться хотел. Сколько раз на улице встречал и у дома подкарауливал, а она и смотреть на меня не желает! Как же мне здесь после этого?..

– А ты нос не вешай... Может, всё ещё образуется...

... И Балашов никуда не уехал. Вскоре устроился на мебельную фабрику. Стал встречаться с Лисянской. Уж о чём они говорили, Ракитин не знал, только Альбатрос менялся день ото дня, оживал прямо на глазах.

И всё бы шло хорошо, если бы не досадная оплошность Ракитина. Он не придал значения обмолвке Альбатроса о Короле, а в результате случилось вот что.

***

Рано или поздно эта встреча должна была состояться. Однако Альбатрос не предполагал, что произойдет она так скоро, и потому, когда однажды вечером в квартиру кто-то позвонил, спокойно открыл дверь. На пороге стоял Васька Король. Тот почти не изменился со дня их последней встречи. Только скуластое, изъеденное мелкими рябинками лицо стало ещё смуглее, избородилось глубокими морщинами, да на плечах мешковато сидел потрёпанный чёрный плащ.

Некоторое время они испытующе разглядывали друг друга.

– Может, всё-таки в хатупустишь? – зло скривил Васька тонкие губы.

Сердце Альбатроса упало. Он не нашёлся, что ответить, опустил глаза и посторонился. Король вошёл в комнату сво-

ей обычной крадущейся походкой, осмотрелся и сел за стол. Разговор долго не клеился. Оба хорошо понимали, что от прежней дружбы не осталось и следа. В последнем письме в колонию Альбатрос так и написал: лучше им и не встречаться! Но в глубине души Король, торжествовал: «Коль не гонит, значит, выручит!».

– Ты как очутился здесь? – удивлённо и не без тревоги спросил Альбатрос. – У тебя же срок ещё не вышел.

– А я досрочно, – ухмыльнулся Король.

– С твоей-то статьёй?

– Ладно! Заткнись! Чем занимаешься?

– Работаю...

Васька достал из кармана плаща бутылку водки, снял помятую выгоревшую шляпу, наклонил голую, всю в шишках голову, презрительно скривил губы.

– Умнее ничего не придумал? Мало в зоне спину ломал? «Субботничков» захотелось? И всё за «спасибо»? – с издёвкой спросил он.

– А ты в душу не лезь! И за «спасибо» буду работать. Мне его мало кто говорил.

Король побагровел. Ему совсем не нравился этот разговор.

– Ты себя идейным мне не строй, – процедил он сквозь зубы. – Я этого не люблю. Наслушался политграмоты?.. Забыл, как тебя здесь всегда принимали? Небось, и сейчас «фраеры» косятся.

Альбатрос горько усмехнулся:

– Чего ж на зеркало пенять, коль у самого рожа крива!... Или, может, ты укажешь местечко, где приветствуют воров? Мол, «господин уркач», не угодно ли вам меня ограбить?..

Король побагровел, но вдруг лицо его расплылось в улыбке, и он хрипло хохотнул.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал он и придвинулся вплотную к Альбатросу. – В последний раз... Мне помощник нужен. Промаха не будет. Я тут кое-что приглядел. А потом – на юга, к морю, в Сочи.

– Альбатрос резко поднялся из-за стола. Почувствовал, как кровь приливает к щекам. В голове зашумело. Сдерживая гнев, сухо отрезал:

– Я же сказал тебе, что с этим покончено...

– Неужто? – Васька взглянул на него злыми глазами. Встал, крепко сдавил плечо Альбатроса. – Я и один могу пойти, но за встречу отблагодарю. Ой, как отблагодарю!

Внутри у Альбатроса всё оборвалось. Он знал, что Король напрасно грозить не будет. Значит, снова драка, снова привод в милицию...

– Ну, вот что, – Васька сменил тон. – Чёрт с тобой. Хочешь на фабрике горб ломать – мешать не буду. В последний раз помоги мне, и всё... Сегодня к ночи пойдём на дело.

– Нет!

– Не пойдёшь? – Король, не сводя с него глаз, сунул руку в сапог, вытащил финку. – Ты с бабой своей как, совсем распрощался? Не дорога уже?..

У Альбатроса захватило дыхание: как тот узнал о Лисянской? Своей жизни не пожалел бы, а за Елену Андреевну испугался. И, кусая губы от бессильной ярости и отчаяния, глухо выдавил:

– Ладно... Договорились. Куда пойдём-то

Через час они уже пробирались по оврагу к магазину. Ветки кустарника больно хлестали Альбатроса по лицу, под ногами хлюпала грязь. Но вот кусты стали редеть, и, наконец, показался поселковый промтоварный магазин.

Король взглянул на светящийся циферблат своих часов.

– Рано пришли, – сказал он тихо. – В клубе ещё танцы не кончились, а поселковые пацаны здесь домой ходят. Как бы не заметили. Подождём немного.

Он сел на обросший мхом камень. Щёлкнул крышкой портсигара. Вспыхнула прикрытая ладонями спичка.

Альбатрос потянулся с папиросой к Ваське, прикуривая от его спички, жадно затянулся. Но на душе по-прежнему скребло.

Король продолжал говорить. Альбатрос молчал, слушал, думая о своём. Зачем он здесь? Чего испугался? Мог бы что-

нибудь придумать... И как же теперь с фабрикой? Что скажут Ракитин с Шатровым, когда узнают?.. И что подумает о нём Елена Андреевна? А ведь всё так хорошо поначалу сложилось!...

Васька ещё раз взглянул на часы.

– Пошли! – Он уловил колебания напарника, потому и заторопился.

– А вдруг там сторож?

– Ну и что – сам будет виноват...

Альбатрос похолодел.

– Нет, сторожа я тебе не дам!

– Да не ори ты. – Король метнул на него злой взгляд. – Видишь, пришли.

Они остановились у входа в магазин. Замок долго не поддавался. Король нервничал. Альбатрос наткнулся в темноте на что-то острое и выругался.

– Тише, – прохрипел Васька. – Совсем разучился работать.

«Работать» – это слово резануло Альбатроса по сердцу. Ему вспомнилась фабрика, верстаки, шутки рабочих...

«Эх, кабы не Король – сумел бы стать человеком», – подумал он и с ненавистью взглянул на Ваську, орудовавшего ломиком.

Тот, наконец, открыл дверь и скрылся в магазине. Вскоре он вышел на крыльцо, сгибаясь под тяжестью двух туго набитых мешков.

– Тихо? – спросил он. – Славно поработали.

Альбатрос даже вздрогнул, опять услышав это слово. Оно больно хлестнуло его, так, что он даже поморщился. И страха перед Королем – как не бывало.

– А ну, неси-ка всё это обратно, – двинулся он на Ваську.

– Ты что? – зашипел тот. – Рехнулся?

– Отнеси, говорю, мешки! – наливаясь злобой, повторил Альбатрос.

Король попытился, скинул мешки, стремительно выхватил финку. Но пустить её в ход не успел. Альбатрос, почти не замахиаясь, что было силы двинул кулаком в ненавистный, чуть раздвоенный Васькин подбородок.

***

А Ракитин в тот вечер сидел в клубе перед шахматной доской и никак не мог отыскать лучшего хода, хотя, по его мнению, была выигрышная ситуация. Мысли Сергея снова и снова возвращались к Альбатросу: «Где он сейчас? Чем занимается?..»

Сергей решительно предложил сопернику ничью и получив торопливое согласие, отправился к Балашову. Но того не оказалось дома.

– Ушёл он с Королем!-торопливо заговорила Надежда Васильевна. – Сколько из-за этого душегуба сыну вытерпеть пришлось – и не рассказать, наверное. Раньше всё заманивал и сегодня опять привязался. Андрей просил вам передать, что будет ждать у поселкового магазина. Вы уж выручайте!

Ракитина охватила тревога: «Король в городе? Как же так?» Он поспешил к выходу.

Сумерки уже стусилились, однако весь город сверкал, расцвеченный огнями фонарей и реклам.

Вот и овраг – окраина города. Здесь ни шума, ни яркого света фонарей. Лишь луна слабо освещает поселковый магазин.

Сергей постоял некоторое время, прислушиваясь к шороху кустов. Где же Балашов? И тут увидел знакомую сутулую фигуру, услышал тихие возгласы... Он рванулся к магазину.

А там произошло вот что. От удара Альбатроса Король упал. Поднимался он медленно, согнувшись, готовый в удобный момент пустить в ход финку. И вдруг свисток! Это возвратился отлучившийся ненадолго сторож. Альбатрос повернулся на трель свистка. Король тут же выпрямился и ткнул Андрея финкой. Тот охнул, оседая.

Король снова замахнулся, надвигаясь на сторожа... и глухо вскрикнул. Словно подброшенный пружиной, прыгнул на него сзади Ракитин. Резким приёмом заломил руки за спину, Король напрягал все силы, дёргался, но вырваться не смог. Сторож помог Сергею связать Короля подвернувшейся верёвкой.

– А этот, – повёл он глазами на Альбатроса, – видно, ему под горячую руку попал. «Скорую» надо вызвать

Альбатрос приподнялся с травы на локоть. Ракитин опустился рядом.

– Короля не упустите, – с трудом произнес Балашов. – В побеге он. На юг собрался...

– А с вами-то что, где? – тревожно спросил Сергей.

– В боку жжёт, – тихо ответил он. – А Елена Андреевна на день рождения пригласила... Как же мне теперь?

Альбатрос хотел ещё что-то добавить, но силы оставили его, и он повалился на жухлую траву.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

рассказ

Речушка Ильма, заросшая по берегам густым кустарником, подходила почти к самому городу. В её омутах на зорьке то и дело слышались тяжёлые всплески рыбы, и поэтому здесь частенько можно было видеть рыболовов.

Сергей Ракитин тоже был неравнодушен к Ильме. Заядлый удильщик, он с раннего утра и до глубокой ночи просиживал почти каждое свободное воскресенье у омута, забывая на время свою нелёгкую работу сотрудника уголовного розыска райотдела.

К рыбалке Сергей обычно готовился ещё с пятницы. Вот и сегодня, возвращаясь со службы в свою холостяцкую квартиру, он обдумывал, какой в этот раз заpastись приманкой, не взять ли пару мормышек...

Ракитин уже подходил к дому, когда неподалёку резко затормозила автомашина. Он оглянулся и... увидел Шатрова. Открыв дверцу милицейского «газика», начальник отделения уголовного розыска нетерпеливыми жестами подзывал Сергея.

– Что-то случилось, товарищ капитан? – встревоженно спросил Сергей, садясь в машину.

– ЧП, Ракитин, – выдохнул Шатров. – За деревней Калиновкой, в лесу, обнаружен труп местной учительницы Тамары Ивановны Дороховой. Оперативная группа райотдела уже выехала на место. Из прокуратуры тоже подъедут. Успеть бы и нам до темноты. Выяснение того, что случилось, поручаю провести тебе – добавил он и подал знак шофёру.

«Газик» рванулся с места и помчался к Калиновке.

Почти у самой деревни из леса навстречу машине выбежал человек и замахал кепкой.

– Нам сигналит. Похоже, Сторжинский, калиновский автослесарь, – сказал шофёр.

– А ну, притормози, – попросил Шатров.

Сигналившим действительно оказался Сторжинский, загорелый парень лет двадцати пяти. Поравнявшись с маши-

ной, он сбивчиво заговорил, то указывая на лес, то отирая со лба обильный пот:

– Там она! Там, товарищи! А я вас жду... Туда вам не проехать. Пешком надо идти. Мне сказали: следи, мол, за дорогой, чтобы вы, дескать, мимо не проехали.

– Кто сказал? – спросил Ракитин.

– Да участковый наш. Берестовский!...

– Ну что же... – Шатров вышел из машины. – Ведите!

...Чуть заметная тропинка уходила всё дальше и дальше в глубь леса, всё больше и больше суживаясь. Гулко шумели над головой сосны...

Стоял конец августа. Духота и жара сулили непогоду, острее обычного пахла трава, нудно звенели над ухом комары...

Шатров поднял голову, досадливо нахмурился:

– Туча! Только дождя нам и не хватало! – сказал он сердито. – Если пойдёт дождь, все следы, какие ещё сохранились на месте происшествия, смоем...

Тропинка сделала очередной поворот, и... Сергей замедлил шаги. Прямо перед ним, у кустов, лежала просто одетая седоволосая женщина. Чуть поодаль, у развесистой сосны шушукались мальчишки, о чём-то разговаривал с группой колхозников участковый Берестовский. Старательно щёлкал затвором «Зенита» эксперт райотдела Крягин...

– Та-ак, – Шатров остановился. Подозвал Берестовского: – Вот что, лейтенант... Пригласите понятых. И чтобы здесь не было никого посторонних.

Берестовский, козырнув, отошёл. Всегда спокойный и подтянутый, он оглядел ребят и, расправив широченные плечи, строго прикрикнул:

– А ну, марш по домам!...

Мальчишки нехотя разошлись.

Между тем, медэксперт Казаков уже склонился над потерпевшей. Шатров с Сергеем терпеливо ждали его слова – что с учительницей?

– Может, поговорите пока с Ветлугиным? – предложил Берестовский.

– А кто это? – спросил Шатров.

– Да здешний завгар. Это он обнаружил Дорохову. Видите, у сосны стоит с удочками.

Шатров кивком пригласил Ракитина с собой.

Ветлугину было лет сорок пять. Его полное, загорелое лицо под светлой широкополой шляпой выглядело мрачным, а сам он – встревоженным и суетливым. Отложив чехол с удочками, он беспокойно протирал мятым носовым платком толстые стёкла очков и поминутно оглядывался по сторонам.

– И когда это случилось? – спросил его Шатров, опустившись на пенёк.

Ветлугин вздохнул, надел очки, присел рядом на сухую колоду, тихо начал рассказывать:

– Я, понимаете ли, рыбак. Ну и пошёл днём часа в три на Ильму. Шёл вот этой самой тропинкой. Глядь, что такое? Женщина у кустов лежит. Да и чудно как-то лежит – на боку и не шелохнётся. Подошёл поближе и обомлел: Дорохова! И кровь у неё, сердечной, на виске-то... Сначала даже оторопь меня взяла. Ну, потом спохватился да бегом на дорогу – людей позвать. Выбегаю – Сторжинский в деревню шагает. Я к нему. Так, мол, и так. Беги, звони в милицию...

– А когда вы последний раз видели Дорохову живой? – спросил Ракитин.

– Сегодня же и видел, утром, часов в девять, – откликнулся Ветлугин. – Я в гараж шёл, а учительница в город. Только утром у неё в руках портфель был, а сейчас я его что-то не заметил...

– Когда шли по лесу, вам никто не повстречался?

– Нет, как будто. Хотя... Как же, как же. Встретился! Пастух наш... Венькой его зовут. Спешил он почему-то, почти бежал. Может, он Тамару Ивановну стукнул?..

– Предположения ещё рановато строить, – сказал Шатров, Близоруко щурясь, капитан приглядывался к Ветлугину. – Лучше расскажите нам о Дороховой: с кем и как она жила, не было ли у неё врагов?.. Кто её друзья?

– Какие там враги, – отмахнулся Ветлугин. – И муху не обидела за всю свою жизнь, а добра людям много сделала.

Жила одиноко. Муж-то у неё лет десять как помер, и вот с той поры всё одна... С кем дружила? Это уж вы наших женщин спросите. Они лучше знают. Да, вот ещё что! У Дороховой племянник есть. С геологической партией нефть у нас ищет. Фамилия его Поляков, зовут Юрий.

– Спасибо, – Шатров поднялся с пенька.

Ветлугин тоже встал.

– О пастухе не забудьте. Не он ли?

– Хорошо, хорошо, – отозвался Шатров. Он позвал Ракитина и поспешил к эксперту – медику.

К счастью, Дорохова оказалась живой, лишь в глубоком беспомоществе. На её голове, почти виска, ещё всё кровоточила ранка.

– Возможно, от удара кастетом или каким-либо другим подобным предметом, – пояснил Казаков.

– Ну что же, – сказал Шатров, – отправляйте потерпевшую в больницу. Приступим к делу.

Сергей осмотрелся. Гомон птиц приутих, вокруг стояла знойная предгрозовая тишина. Было ясно, что Дорохова дважды падала на тропинку. После первого раза она, видимо, пыталась подняться, снова упала, плотнее примяв траву, потом кто-то оттащил учительницу к кустам. В кустах трава тоже примята. Должно быть, кто-то стоял там недавно. В кармане платья Дороховой лежал кошелек с деньгами. На руке – новенькие часы «Чайка» в хромированном корпусе.

«Если нападение на учительницу было с целью ограбления, что же взял преступник?» – подумал Ракитин. И тут слышался голос Берестовского:

– Серёжа! Портфель!

Ракитин заторопился к лейтенанту. Тот стоял перед большим кустом.

– Вот! – Берестовский указал на куст.

Ракитин раздвинул ветви. Осторожно, стараясь не повредить отпечатки, которые, возможно, остались на портфеле, приподнял его и стал рассматривать. Чёрного цвета портфель был потрёпанный, с открытой застёжкой.

– Пустой... – пробормотал Сергей. – И открытый... Почему?

– Здесь недалеко, мы кнutowище нашли, – сказал Берестовский.

– Вот как? Интересно! – в круглых глазах Ракитина сверкнул огонёк. – Придётся побеспокоить местного пастуха. Найди его, пожалуйста, и доставь к нам.

– Это ещё не всё, – продолжал выкладывать свои новости лейтенант. – Крягин сейчас отцеп фотографирует.

– Отцеп?

– Ну да! И лежит он как раз рядом с кнutowищем.

Сергей осмотрел и отцеп. Это был обыкновенный гладкий кусок свинца – груз, прочно закреплённый на толстой капроновой леске и применяемый рыбаками для освобождения крючков от коряг.

Ракитин старательно упаковал его в целлофановый мешочек.

«На отцеп, конечно, надежды мало! – подумал Сергей. – Возможно, давным-давно обронил его здесь какой-нибудь рыбак. А с другой стороны...».

Он ещё раз внимательно обследовал место происшествия, а затем вся опергруппа отправилась в деревню, так как начиналась гроза.

***

Обосновались в клубе, в комнате заведующего. За окнами как-то сразу сгустились сумерки. Хлестал ливень. То и дело вспыхивали молнии, слышались раскаты грома.

Ракитин присел на диван.

– Вовремя мы закончили осмотр, – довольным тоном заговорил он. – Чуток бы помешкали... А так – даже успели изготовить слепки со следов ног!

Шатров, внимательно изучавший протокол осмотра места происшествия, поднял голову.

– Подойди-ка, Сергей, Поговорим, что у нас есть, и что ещё надо сделать.

– Располагаем мы немногим, – Сергей подошёл к столу. – Дорохову нашли в четвёртом часу дня, – продолжал он. – Как пояснил Ветлугин, портфель, найденный в кустах, принадлежит учительнице. Именно с этим портфелем она отправилась сегодня в город. Там же, в кустах, найдены четыре окурка папирос «Любительские»...

Его размышления прервал звонок телефона. Шатров снял трубку:

– Да? Я слушаю, – брови его поползли вверх, – Так... Так... Заключение пришлите в райотдел. До свидания.

Он мрачно взглянул на Сергея.

– Звонил эксперт Казаков. Оказывается, Дороховой было нанесено два удара по голове: свинчаткой – след от удара совпал с конфигурацией отцепа, и, по-видимому, палкой – на телемени Дороховой обнаружены занозы и кровоподтёк.

– А что с учительницей?

– Плохо. Всё ещё без сознания.

Капитан задумался.

– Я полагаю, преступник был не один, – продолжил он вскоре. – След ботинка, обнаруженный рядом с потерпевшей, отличается от следа у места, где её сбили с ног. О чём это говорит?

– Что удары нанёс один человек, а оттащил Дорохову к кустам другой? – вопросом на вопрос ответил Сергей. – Ударил знакомый ей человек, Ведь она, судя по всему, даже не сопротивлялась.

– Да, не исключено... А теперь давай подумаем, кто мог напасть на Дорохову, и что было его целью?

Но у Ракитина ещё не было никакой гипотезы. Поразмыслив немного, он выдвинул такой вариант:

– Может, на неё напали с целью ограбления? Тот же пастух, например? Портфель-то пустой и открытый. Вряд ли учительница шла в город с пустым портфелем.

– Что же, правдоподобно, – согласился Шатров. – Мне думается, преступника надо искать и среди рыбаков.

– А как же быть с пастухом? Вдруг преступник он? А мы расплыться будем...

– Поговорить с ним, конечно, надо, – подтвердил Шатров. – Но если следовать твоей версии, что Дорохову ограбил знакомый человек, то напрашивается вывод, что этот человек должен был хорошо знать о времени её пути и о ценностях, которые она могла нести с собой в портфеле, – кошелёк и часы не интересовали его... А какие такие особо доверительные отношения у неё с пастухом? Почему она должна была поведать ему обо всём этом? – взгляд Шатрова стал озабоченным и жёстким. – А человек ждал её в кустах. Искурил не одну папиросу. Кто он? Судя по следу обуви, он небольшого роста. Но вот кто второй? Что несла учительница в портфеле?..

Гроза стихла, и ясно послышался шум подъезжающей к клубу автомашины. Через минуту в комнату вошли Берестовский и низкорослый мужичок в брезентовом плаще.

– Вот это и есть Вениамин Петрович Смирнов, пастух, – доложил лейтенант.

Пастуху на вид было не более сорока лет. Он как-то странно подёргивался, глаза его слезились...

После первых же заданных ему вопросов пастух перестал дёргаться, обвёл всех тусклым взглядом и, заикаясь, произнёс:

– Мой кнут, мой. А бил не я. Другой...

– Кто же? – спросил капитан.

– Лёшка Панарин.

И дальше пастух наотрез отказался отвечать на вопросы.

Шатров указал Берестовскому глазами на дверь. Тот вышел и вскоре возвратился, положил перед Шатровым записку. Капитан взглянул на неё и передал Ракитину.

«Ветлугин сказал, что знает Панарина. Жил здесь. Шофёр, был командирован из города на уборку урожая. Вчера уехал на побывку домой и пока что не вернулся», – прочитал Сергей.

– Ну что же, Смирнов... – Шатров поднялся из-за стола. – Не хотите сейчас с нами разговаривать – потолкуем завтра!

И, как только Берестовский увёл пастуха, капитан обратился к Сергею.

– Я сейчас уеду, Ракитин, а ты утречком побывай в доме учительницы. Посмотри там – что к чему. С прокурором об этом я уже договорился. Санкцию дал. А завтра я позвоню относительно Панарина.

Он пошёл к двери.

– Да, вот ещё что... Чуть не забыл! – остановился он у порога. – Надо найти племянника Дороховой. Сообщить ему о трагедии всё равно придётся. Заодно и побеседуешь с ним.

Шатров уехал. В соседней комнате укладывался на ночь Берестовский. Прилёг и Сергей на диван, но ещё долго не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок на стареньком диване и мысленно рисовал себе встречу с Панариным. За окнами всё реже вспыхивали далёкие молнии, утих ветер, и Ракитин, в конце – концов, задремал.

***

...Едва успел Сергей вернуться из дома Дороховой, где проводил обыск, как позвонил Шатров.

– Что нового? У Дороховой был?

– Был, – невесело ответил Сергей. – Там всё в целости и на своих местах. Нашёл черновик какого-то письма.

– Что за черновик?

– набросок письма к сестре: приветы, наставления. В одном месте речь идёт о кувшине с золотыми монетами, а в чём дело – неясно. Всё зачёркнуто, перечёркнуто.

– Немедленно направь черновик на исследование. Надо установить, кто его писал и что там зачёркнуто... Что ещё?

– Племянника Дороховой пробовал допросить. Он как узнал о случившемся с тёткой, так сразу в обморок упал. Я с ним ещё позднее поговорю... О Панарине что-нибудь известно?

– Известно, – помедлив, ответил капитан. – Оговорил его пастух. На Дорохову напали вчера, а Панарин ещё в четверг, возвращаясь в город, попал в аварию и в тяжёлом состоянии доставлен в больницу. Надо передопросить Смирнова – выяснить, в чём дело.

– Хорошо, Серафим Иванович. Сделаю! А как учительница?

– Ей стало легче. Уже в сознание пришла.

– Правда?! – обрадовался Сергей. – Может, разрешат врачи поговорить с ней?

– Нет, – возразил Шатров. – Видишь ли, какое дело: временная потеря памяти. Такое бывает. Ты с пастухом да с людьми лучше поговори.

Он повесил трубку.

Сергей попросил Берестовского привести Смирнова.

Разговор был долгим. Но лишь поздно вечером пастух перестал отнекиваться и, скривив рот в глуповатой ухмылке, протянул:

– Не бил Лёшка. Я бил.

Ракитин облегчённо вздохнул: «Ну, вот и всё, теперь будет проще!».

Да какое там! Чем больше он допытывался о подробностях и цели нападения на Дорохову, тем яснее улавливал в ответах пастуха неуверенность и путаницу. Мало того, пастух оказался некурящим и не был рыболовом.

Сравнивая слепки следов обуви с места происшествия с обувью пастуха, он понял, что и здесь его постигла неудача.

А Калиновка гудела словно улей. Случай с учительницей взволновал всех жителей деревни. и они, не дожидаясь вызова, сами шли к Ракитину, стараясь хоть чем-нибудь помочь ему.

– Что за человек ваш пастух? – спрашивал он каждого.

– Больной он. И не рыбу, а мух только ловит, – говорил один.

– Оттого и коров пасёт, что головою с детства страдает, – подтверждал другой.

Сергей позвонил в здравотдел и попросил справку о состоянии здоровья пастуха. Ему прислали такой документ. В нём сообщалось, что Смирнов Вениамин Петрович, житель деревни Калиновка, страдает олигофренией – слабоумием.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – мрачно присвистнул Берестовский. – Что делать будем?

– Да всё то же – встречаться с людьми.

А через пару дней Сергею позвонил Шатров:

– Докладывай.

Ракитин обрисовал ему своё незавидное положение.

– Жди, выезжаю.

В клуб заглянул и Ветлугин, чтобы справиться, как идут дела.

– Скажите, много ли у вас в деревне рыбаков? – спросил у него в разговоре Сергей.

– С пяток наберётся...

– Назовите мне их.

– Я, тракторист Ивашкин, автослесарь Сторжинский... – вспоминал Ветлугин. Увидев, что Сергей записывает фамилии, поинтересовался:

– А для чего это вам?

– Так ведь и я рыбак, улыбнулся Сергей. – Хотел бы проконсультироваться... – Он посмотрел в окно. – Мой начальник приехал!

Ветлугин засуетился:

– Ну, вы тут беседуйте. А я не буду мешать, пойду, торопливо сказал он и направился к двери.

Вошёл Шатров. Он попросил у Сергея все материалы по делу Дороховой и, усевшись за стол, углубился в их изучение.

– А «Любительские» кто здесь курит? – спросил он, листая бумаги.

– Никто не курит. Их уже полгода не было в продаже, – отозвался Сергей. – А у вас ничего нового нет?

– Есть! Прислали заключение экспертизы. Черновик письма написан самой Дороховой. Речь идёт вот о чем. Оказывается, выкапывая картошку в огороде, она наткнулась на кувшин с золотыми монетами. И, естественно, решила сдать клад государству. А сестра её – любительница старинной посуды, вот Дорохова и написала ей, что дарит расписной кувшин из-под монет. – Шатров вскинул лохматые брови. – Не со своими ли сокровищами учительница отправилась тогда в город?

– Наверное, так оно и было! – загорелся Ракитин. – Иначе, зачем ей идти с портфелем? Не за покупками же!... Вот только кто мог узнать о кладе?

– И кому раньше принадлежала усадьба учительницы? – подхватил его мысль Шатров.

– Дорохову спросить об этом нельзя?

– То-то и оно, что нельзя, – подсадовал капитан. – Помнишь, я говорил, что она даже имени своего не помнит? Результат очень сильного потрясения от случившегося с ней. Врачи называют такое состояние: ретроградная амнезия.

Их разговор прервал стук в дверь. На пороге появился одетый в лёгкий светлый костюм племянник учительницы Юрий Поляков. Он был высок, строен и совсем ещё молод. Он уже не падал в обморок, разговаривая о своей тётке, держался спокойно, даже несколько грубовато, а потом, освоившись совсем, стал предъявлять и претензии:

– Какие же вы стражи законности! У вас в руках был преступник, а вы его отпустили!...

– Смирнов не преступник, он больной человек и оговорил себя, – нахмурился Шатров.

Но Поляков не унимался:

– Хорошо! Тогда что же вы медлите? Я напишу жалобу! И можете не вызывать меня больше. Ясно?

Шатров снял очки, сдержанно произнёс:

– Что же, это ваше право – жаловаться. И я понимаю, – голос его смягчился, – тяжело, когда такое происходит с близким человеком, а виновник не найден. Но поверьте, мы делаем всё, что в наших силах... И даже больше!

***

Через два дня после разговора с Поляковым Берестовский сообщил Ракитину такую новость, что Сергей даже не сразу поверил. Он срочно уехал в город.

– Серафим Иванович! – влетел он в кабинет Шатрова. – Берестовский установил, что «Любительские» курит Поляков. Во всей экспедиции только у него есть эти папиросы. Он их с собой из Ленинграда привёз!

Поляков? – поразился капитан и даже привстал из-за стола. – Что делать думаешь?

– Я попросил Берестовского любой ценой достать свежий окурочок его папиросы. И он достал!

Шатров задумчиво потёр виски.

– Как-то не верится, что Поляков покушался на жизнь родной тётки. Чушь какая-то!

Окурочок был направлен на исследование.

Они весь день с нетерпением ожидали результатов экспертизы. Эксперт позвонил только вечером. Шатров выслушал его и помрачнел.

– Обманулись мы с тобой, Ракитин. – Он угрюмо взглянул на Сергея. – Группа слюны на окурках, следы зубов, манера сплющивать мундштук папиросы – всё совпало.

– Тогда Полякова надо немедленно задержать и провести у него в палатке обыск! – воскликнул Ракитин.

– Опять торопишься, – недовольно возразил Шатров. Встав из-за стола, он медленно прошёлся по кабинету, повернулся к Сергею и спросил: – А какие ещё есть доказательства? Папиросы это лишь одна улика. Надо бы проверить его обувь.

Сергей нетерпеливо переминался у стола. Шатров усмехнулся:

– Ступай, ступай. Не задерживаю.

И Ракитин помчался в Калиновку.

А на следующее утро снова был в кабинете у Шатрова.

– Есть новости? – спросил капитан.

– Есть! У Полякова только резиновые сапоги да остроносые ботинки. След от ботинок получен и похож на след, обнаруженный в лесу у места, где первый раз упала Дорохова.

Шатров долго молчал.

– Да, придётся задержать Полякова – словно сожалел об этом, тихо сказал он. – Но предварительно надо узнать, отлучался ли он из экспедиции в ту злополучную пятницу?

***

«Газик» опять примчал Ракитина в Калиновку. За древней кучно рассыпались зелёные шатры палаток изыскателей нефти. Возле одной из них Сергей приметил Полякова и хлопнул шофёра по плечу:

– Стоп! Приехали!

Племянник Дороховой, взъерошенный и грязный, бросил в их сторону рассеянный взгляд. Увидев Ракитина, он недовольно произнёс:

– Здравствуйте, пожалуйста... Опять я вам понадобился? Чего вы от меня хотите? – и раздражённо заторопился в палатку.

Ракитин прошёл следом. Не глядя на него, Поляков опустился на табуретку.

– Ну, слушаю?

Ракитин показал ему постановление об аресте. Поляков вскочил.

– Сумасшедшие! – визгливо вскричал он. – Чтобы я да родную тётку! Сумасшедшие!... Я в то время в больнице был.

– У какого врача?

– У Протасовой...

– Во сколько?

– С одиннадцати утра и до часу дня. Очереди ждал.

Сергей в упор взглянул на него.

– Неправда. У Протасовой вы были в десять утра. А двадцать минут одиннадцатого она закончила осмотр, и больных принимал врач Чернышёв.

Поляков молчал. Ему стало жарко, и он нервно расстегнул ворот рубашки.

– Я... Я забыл... Да, кажется я вернулся в Калиновку часов в одиннадцать.

– Точно! И шофёр молоковозки то же говорит. Он ведь вас подвозил? – спросил Ракитин. – А почему вы за два километра до Калиновки вышли из машины?

Поляков дёрнул плечами. Он словно потерял дар речи. Глаза его обеспокоенно забегали. Было заметно, что он лихорадочно обдумывает ответ. Потом понёс несусветную чушь, отрицая свою причастность к нападению на Дорохову. Лишь когда услышал об окурках, увидел снимки гипсовых отпечатков следов своих ботинок, сознался, что ждал тётку в лесу.

– Но я не хотел, не хотел, чтобы так получилось! – истерически заголосил он. – Вы даже представить себе не можете, в каком я оказался положении!

Ракитин одёрнул его:

– Не кричите и не взвинчивайте себя. Говорите всё по порядку, а уж мы постараемся разобраться, что к чему.

Он подал ему стакан воды. Поляков пил захлёбываясь, стуча зубами о стекло, а немного успокоившись, сбивчиво начал рассказывать.

– С экспедицией я уехал из Ленинграда, потому, что проиграл в карты одному парню тысячу рублей. А где я, студент, мог взять такие деньги? Мать тоже получала немного... А парень тот и в Калиновке меня разыскал, сказал, что убьёт, если не получит долг. И убьёт! Ей-ей убьёт! – трусливо побожился Поляков. – Ну, я и пошёл к тётке. Думал, что даст немного денег. На коленях её умолял. Но тётка знала, что я играю в карты, и отказала. Потом как-то увидел у неё под рукой письмо. Писала, что она выкопала в огороде клад с золотыми монетами и завтра отнесёт его в городской банк. Я, как бы из интереса, попросил дать мне хоть пару монет. А в ответ опять отказ. Мол, клад принадлежит государству, и утаивать даже часть его не имеет права. И тогда я решил ...

Поляков замялся.

– Что решил? Ограбить Дорохову и убить? – не утерпел Сергей.

– Нет – нет! – испуганно возразил Поляков. – только не убить. Решил сыграть под разбойника. Сделал маску, придумал алиби с больницей, взял палку и засел в кустах в лесу. А тётка и не испугалась вовсе. Потянулась сорвать с меня маску. Тогда я оттолкнул её, ударил палкой и бросился бежать. Не мог же я палкой пробить ей голову? И монеты ни одной не взял. Клянусь!

Сергей молча слушал, пытаясь представить себе, как происходили события. В душе он кипел негодованием, но внешне был спокоен.

– Что ж, проверим ваши показания, – Сергей обвёл взглядом палатку: всего лишь походный столик, стул, раскладушка, в углу небольшой чемодан и вещмешок.

– Откройте чемодан и развяжите вещмешок, – предложил он Полякову. Откинув полог палатки, пригласил в качестве понятых рабочих экспедиции.

Обыск не занял много времени и не дал ожидаемых результатов. В чемодане лежала смена белья, несколько пачек папирос «Любительские», а в вещмешке хранились сапоги и старая штормовка.

Ракитин откинул на раскладушке матрац. На парусине тускло отсвечивала... золотая монета. Несколько секунд Сергей и племянник Дороховой молча глядели друг на друга.

– Ничего не понимаю, – обескураженно развёл руками Поляков. – Откуда она здесь?

***

До чего же хорошо было на Ильме! Раскалённое солнце медленно оседало за горизонт. У ног Ракитина чуть слышно плескалась зеркально-тёмная вода, шелестели за спиной кусты, в траве суматошно трещали кузнечики... Пахло то сладковатой прелью опавших листьев, то свежестью речной воды.

– Хорошо-то как! – воскликнул Ветлугин и повернулся к Ракитину.

– А вы всё в духоте сидели, в чаду табачном – передёрнул плечами Ветлугин.

– Да уж, незавидная у вас работёнка, – заметил Сторжинский. – Но я так понимаю, коли вы нашли времечко пойти с нами на рыбалку, значит, разыскали того, кто напал на учительницу? Племянника её арестовали. Неужели он – грабитель?

– Нет, – не сразу ответил Сергей, положил удочку на рогульку и попросил Сторжинского: – Не поможете ли узелок завязать?

Ракитин протянул ему леску с крючком:

– Учил меня Ветлугин, учил, а ничего-то не получается. Никак узелок не затыну.

– Во всём нужна сноровка, – снисходительно усмехнулся Сторжинский – Вот, готово!

Сергей старательно осмотрел на леске узелок и повернулся к парню.

– Так о чём вы спрашивали?.. А-а, о Полякове... Нет, ничего у Дороховой он не взял. Лишь оглушил её палкой, да и убежал с перепугу.

– А учительница и впрямь клад нашла? – поинтересовался Ветлугин. – Слух такой прошёл... И понесла клад в город?..

– Да, правда, – отозвался Ракитин. – Вот Поляков и решил поживиться. Но завладел сокровищем другой, кто тоже знал о кладе и следил за Дороховой. Услышал её крик, подбежал, увидел, что она лежит без сознания, и запустил руку в её портфель. Учительница очнулась. И тогда этот человек ударил её свинчаткой – отцепом. Ведь с удочками за ней отправился, как будто на рыбалку собрался. На портфеле и отцепе остались отпечатки его пальцев, такие же, как и на одной из золотых монет, которую он подбросил Полякову, чтобы отвести от себя подозрение. А ещё этот человек оставил след своей обуви в лесу, когда оттаскивал к кустам учительницу.

Сергей умолк, взглянув поочередно на своих притихших слушателей. Ветлугин усердно протирал платком стёкла очков. Сторжинский тоже держался скованно, исподлобья поглядывая на Сергея.

– Кто же этот человек? – тихо спросил он Ракитина, приподнимаясь.

– Вы, Сторжинский! – Сергей резко вскочил на ноги. – Усадьба Дороховой, где был найден клад, раньше принадлежала местному кулаку, вашему деду. Не так ли? Как мне рассказывали, вы туда в последние дни всё с лопаткой навевывались, как бы червей к рыбалке накопать. Не клад ли искали?

– Это ваш домысел! – вскричал Сторжинский.

– Затем ещё одна зацепка – золотая монета, – спокойно продолжал говорить Ракитин. – Отпечатков ваших пальцев у нас было сколько угодно. Сравнили их с другими, выявленными на портфеле учительницы и на золотой монете, – сходятся! Сошлись и отпечатки следов вашей обуви со следами, обнаруженными в лесу, у кустов. Оставалось узнать, кто мог так затянуть узел лески на отцепе.

– Ну и комедия! – побледневший Сторжинский отступил к кустам, намереваясь бежать. Но перед ним непреодолимой скалой вырос Берестовский.

– А никакой комедии и нет – возразил Ракитин. – Узел на отцепе затянут таким же способом, каким вы привязали крючок к леске моей удочки. Вот и замкнулось последнее звено в цепочке собранных доказательств вашей вины, Сторжинский. Собирайтесь, поедem в город. Вы задержаны.

ФОРТУНА ЭЛЛА ХЕЙСА

рассказ

Мистер Колвер неподвижно сидел в кресле у крытого окна спальни. Со второго этажа фешенебельной виллы, горделиво поднявшейся на опушке апельсиновой рощицы на берегу Калифорнийского залива, он хорошо видел всё, что происходило в мареве заката.

Вечер наплывал тёплый и тихий. Медленно гасли аквариновые краски засыпавшей лагуны; на белом песке один за другим таяли солнечные блики; с пляжа, в обнимку, тянулись к дороге последние парочки; одна из них остановилась, слилась в долгом поцелуе...

«Счастливики», — с горечью за свою немощность прошептал Колвер. Он вздохнул, плотнее закутался в мягкий халат и откинулся на спинку кресла. Глубоко задумался.

Его кредитная фирма не была таким гигантом, как, например, широко известные «Галф ойл корпорейшн», «Юнайтед брендз компани», однако он тоже ворочал немалыми миллионами. Долларов ему хватало, недоставало лишь радости жизни. Болезни и старость напоминали о смерти. Целыми днями сидел он теперь у окна спальни, и никто не решался беспокоить его. Он думал о своих миллионах, во имя которых так безоглядно израсходовал отведенное судьбой время, что не успел обзавестись семьёй, и, значит, всё богатство даже некому завещать... Теперь он отдал бы всё своё состояние за возможность вот так же молодо и безмятежно, как эти парочки, пройти по тенистым улочкам и знать, что он кому-то дорог и нужен.

Неожиданно за его спиной послышался шорох. Он обернулся. Тяжёлая портьера на двери заколебалась, складки её раздвинулись, и показалась съёжившаяся фигурка секретаря.

Колвер недовольно сдвинул жидкие, выцветшие брови.

Секретарь несмело приблизился.

— Он пришёл, сэр.

— Пусть войдёт, — оживился Колвер.

Секретарь ужом выскользнул за портьеру. И на пороге сразу показался высокий, плотный блондин с быстрым, цепким взглядом.

— Мистер Элл Хейс? — нетерпеливо спросил Колвер.

— Так точно, сэр, — по-военному чётко отозвался вошедший и ещё больше вытянулся.

— Садитесь.

Хейс, ступая на носок, медленно прошёлся по белому пушистому ковру, осторожно опустился в такое же белое, мягкое кресло.

— Мне рекомендовали вас как надёжного человека, знающего язык индейцев, — слабым голосом продолжал Колвер. — Говорят, вы служили в армии? Где именно?

— Вьетнам, Боливия, Парагвай, Гвинея-Бисау...

— Значит, джунгли вам хорошо знакомы?

— Ещё бы! Туземцы жалили нас там из-под каждого куста.

— Однако вы уцелели.

— Повезло, сэр. Я ведь удачливый!

Колвер с едва заметной усмешкой пробежал глазами по его подержанному дешёвенькому костюму.

— Но сейчас вы, как будто, на мели.

— Временно, сэр! Временно! — вспыхнул Хейс, перехватив взгляд миллионера. — Я слышал, нашим парням в ЮАР прилично платят. Вот и думаю, а не махнуть ли мне туда на охоту за чёрными?.. Или у вас есть другое предложение? Только учтите, что такая охота — моя единственная профессия.

— Это я и принимаю во внимание... Хотите миллион?

Хейс помрачнел, слегка ослабил затёкшие от напряжения ноги.

— Не надо так шутить, сэр.

— А я без шуток. Предлагаю миллион долларов.

Хейс моментально снова подобрался. Вот она, фортуна! Опять улыбается ему. Нечаянно не выпустить бы из рук!...

— Слушаю, сэр.

Колвер хрипло откашлялся и, растягивая от одышки слова, медленно и тихо продолжил:

— Ну, что же... Тогда достаньте-ка из секретера карту... Мне крайне необходимо, чтобы вы не позднее, чем завтра, вылетели в Манаус. Там на аэродроме для вас подготовлен мой личный вертолёт. На нем вы должны добраться до селения племени мачири, обозначенного на этой карте красным кружком. В джунглях вы отыщете пару-тройку императорских удавов и доставите мне их головы... Всё!

Колвер отёр со лба испарину. Такую продолжительную речь он давно не произносил.

Ошеломлённый столь неожиданным поручением, Хейс молчал.

— Вас что-нибудь не устраивает? — скрипучим голосом спросил Колвер.

— Нет-нет, — поспешно ответил Хейс. — Всего несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— С королевскими кобрами и анакондой я встречался, а вот об императорских удавах не слышал. Что о них известно?

— Почти ничего... Местные индейцы называют их просто Боа. Взгляните на рисунок питонов, приложенный к карте. Разве не похожи на миниатюрные короны ороговевшие наросты на их голове? Собственно, вот эти колечки мне и нужны.

— В чём же их ценность?

— Мачири якобы готовят из них омолаживающее средство. Как вы понимаете, в нём теперь мой последний шанс.

— Почему же, — смущённо пробормотал Хейс. — А гормональные препараты?

— Увы, всё это пройденный этап.

— Элл посмотрел карту. Судя по координатам, мачири обитали в весьма труднодоступном районе Амазонской сельвы Бразилии.

— Насколько достоверно местонахождение мачири? — спросил он у Колвера

— Человек, указавший их, побывал там лично. Он искал сокровища инков, а случай свёл с мачири... Вы что-нибудь слышали о Бенте Чейзе?

— О, знаменитый кладоискатель и авиационный механик! Так это был он? Почему вы не предложили ему это дельце?

— Он давно спился.

— А мачири... Что они собой представляют?

— Совершенно неизвестное дикое племя.

— И, видимо, встреча с ними — большой риск?

— Но и я миллионами зря не швыряюсь... Впрочем, Чейз сумел уцелеть.

— Я должен отправиться к индейцам один?

— Нет. Вас будут сопровождать трое парней из моей охраны. И помните — я жду вас не позднее, чем через две недели. В противном случае наш контракт, который вы сейчас подпишете у секретаря, будет аннулирован: я не могу долго ждать.

— Но индейцы могут мне помешать.

— А разве вы не были солдатом и не умеете стрелять?

«Чёрт побери! — выругался про себя Хейс. — Старик прав — игра стоит свеч!»

— Можно получить задаток? — поспешно спросил Элл.

Колвер молча протянул ему приготовленный чек. Хейс внимательно прочитал обозначенную на нём сумму, довольно улыбнулся, спрятал чек в потрёпанный бумажник и, прошившись с хозяином виллы, направился к выходу. Колвер проводил его взглядом, полным надежды

***

Вертолёт плавно опустился на залитую солнцем поляну. Хейс первым спрыгнул в густую траву, осмотрелся. Прямо перед ним, всего в нескольких шагах, монументальным изваянием возвышался ритуальный столб из чёрного дерева в виде приподнятой змеиной головы. Поодаль от столба теснился с десяток бамбуковых хижин. А вся поляна отгорожена от внешнего мира сплошной стеной из высоченных деревьев и зарослей кустарника.

В селении было пустынно и тихо. Однако Хейсу тишина эта казалась обманчивой. Придерживая на поясе тяжёлую кобуру с кольцом, Элл, опасно обошёл пустые хижины и

лишь в самой последней — жилище жреца — обнаружил одного полуголого старика-индейца, в котором, казалось, чуть теплилась жизнь. Старик неподвижно сидел на шкуре ягуара у затухающего очага, и его глубоко запавшие глаза равнодушно смотрели на незваного пришельца.

Спутники Элла с автоматами наизготовку остались снаружи у входа, а Хейс с притворной улыбкой приблизился к старику, уже знакомому по фотографии Чейза.

— Здравствуй, мудрейший Викима! Я счастлив, что вижу тебя живым и здоровым! — льстиво заговорил он, с трудом подбирая фразы.

Ничто не выдало удивления хозяина хижины. Он тяжело поднялся.

— Ты пришёл? — спокойно произнёс он традиционное приветствие индейцев. — Пусть этот день принесёт радость твоей душе.

— И твоему народу тоже! Но куда все скрылись?

— Мачири испугались Железной Стрекозы, и потому спрятались в зарослях, — помедлив, глухо ответил жрец.

— Хейс достал из кармана френча фотокарточку Чейза, протянул её жрецу.

— Узнаёшь? Когда-то он был твоим гостем.

Викима хмуро повертел фотокарточку, брезгливо поцоккал и возвратил её.

— Возьми свой рисунок — это плохой человек.

— Почему? — удивился Хейс.

— Он пил огненную воду и...

Старик с отвращением поморщился.

Лицо Хейса вытянулось. Он захватил из Манауса боценок виски, рассчитывая приобрести расположение индейцев, а теперь нечего и думать о подобном.

— Чем ещё он тебе не понравился? — осторожно поинтересовался Элл.

— Викима нашёл его в джунглях, больного и беспомощного, — опустив тяжёлые веки, тихо вспоминал старец. — С переломанными ногами и разбитой головой, он лежал в такой же огромной Стрекозе, упавшей на моих глазах прямо

с неба, когда я собирал корни. С ним было ещё несколько белых, но они уже остыли и не дышали. Сначала Викима подумал, что это боги спустились к нему. Но боги бессмертны... И тогда Викима перенёс его на себе в свою хижину, хотя помнил предупреждения предков о коварстве и жестокости бледнолицых, загнавших мачири в джунгли.

Хейс хотел возразить, но не рискнул.

— А что случилось потом?

— Викима вылечил его... Мачири уже давно не имеют связи с миром. С каждой новой луной они теряют прежние навыки, всё больше слабеют и дичают. Викима надеялся, что этот человек, сын могущественного племени белых, умеющих летать, как боги, породнится с нами и вольёт в наши жилы свежую кровь, передаст нам хотя бы частицу своих знаний.

Старик вздохнул.

— Но Викима жестоко поплатился за то, что не внял голосу предков. Этот человек с восхода солнца и до вечерней зари варил свою огненную воду, от которой у него мутился разум, и бледнолицый становился свирепее лютого зверя. А потом Большая Стрекоза унесла его. Но сначала он убил из Железного пальца многих наших братьев.

Жрец подбросил в очаг сухих веток, опустился на шкуру.

— Викима не спрашивает, что привело тебя к нам. Но если у бледнолицего есть мать, то лучше уходи, чтобы она не оплакивала потом своего погибшего сына.

Хейс растерянно молчал, не зная, что ответить. Неожиданно он увидел в углу освещённую блеском пламени деревянную фигурку питона. Это прибавило ему решимости. Он подсел к жрецу.

— Скажи, как ты вылечил того человека?

Викима долго молчал, задумчиво глядя на огонь очага. Наконец, он поднял голову.

— А зачем тебе знать? Разве ты тоже болен?

— Нет. Но у меня на родине умирает один старик. Если ты сможешь вылечить его, я хорошо отблагодарю тебя.

— От судьбы не уйдёшь, — возразил Викима. — Рано или поздно наши души вознесутся к предкам. Даже деревья, в

конце концов, засыхают. Неужели не устало его тело, не болит голова? Разве бессонница не мучает его?.. Умирая, человек избавляется от многих печалей.

— Всё это так, мудрый Викима... Однако ему хочется вернуть молодость. Мачири долго не стареют... И помогает им в этом Боа.

Старик гневно поднялся.

— Бледнолицые узнали нашу тайну! Они хотят лишить нас последней надежды.

Хейс тоже вскочил.

— Нет, нет! Я лишь прошу помочь больному старику!

Жрец как-то сразу обмяк: уж очень хотелось поверить, что белый человек действительно пришёл «переломить стрелу» — установить мир.

— Хорошо, — не сразу ответил он. — Я помогу... Если мачири не отдадут бледнолицего в жертву Боа.

Элл содрогнулся.

— Меня — в жертву?

— Мачири хорошо помнят, чем отплатил им белый человек за гостеприимство. Они скоро вернутся.

И действительно, снаружи послышался грохот барабанов, шум голосов. Хейс тревожно выглянул. На поляну, потрясая луками и дротиками, выскакивали из зарослей индейцы.

— Спокойно! Не стрелять, — приказал своим побледневшим парням Хейс — В наших руках сам жрец.

Он понимал, что сейчас решается судьба всей экспедиции. Конечно, автоматная очередь могла бы отбросить индейцев, но кто потом показал бы логово удавов?

Элл снова скрылся в хижине.

— Останови их, Викима!

— А что он скажет им?

Грохот барабанов усилился. Хейс выругался, грубо схватил старика за плечи...

— Послушай, Викима! Ты, видно, забыл про огонь Железного пальца? Если будет выпущена хотя бы одна стрела, потом мало кто из мачири уцелеет. Разве ты этого хочешь?

Старик гордо высвободился, молча вышел из хижины и поднял руку в знак того, что хочет говорить. На поляне разом всё стихло. Десятки горящих глаз впились в жреца. Он выждал паузу и четко произнёс:

— Бледнолицые — мои гости. Я всё сказал!

Глухой ропот разнёсся по поляне. Но Викима уже скрылся в хижине. Через минуту разбрелись кто куда и индейцы.

У Хейса отлегло от сердца. Он с удовлетворением отметил, что его фортуна явно милостива к нему.

***

Одно удручало Хейса: Викима наотрез отказался выделить проводников в джунгли. Старик объяснил, что мачири никогда не осмеливались охотиться на Боа, а лишь раз в году после линьки подбирали её шкурки с чудодейственными венчиками, и до той поры, как понял Хейс, оставалось ещё не менее месяца. Встречаться же с Боа живой индейцам воспрещалось: «Кто хоть раз предстанет перед ней — жестоко страдает!» — Так гласило их поверье.

Выйдя из его хижины, Элл со злой усмешкой спросил своих парней:

— Как вам эти дикари — не очень досаждали?

— Всё о'кей, мистер Хейс!... — за всех отозвался верзила — пилот. — А поначалу я малость струхнул. Вот, думаю, и отлетался... Здорово они своего старикашку слушаются!

— Ну-ну, — чуть оттаял Хейс. — Значит, поживем ещё! — Он присел на пенёк, стал с интересом наблюдать за мачири.

Индейцев в племени было немного, человек пятьдесят. Занимаясь каждый своим делом, они, казалось, не обращали на белых людей никакого внимания, лишь искоса угрюмо поглядывали на вертолёт.

После ужина все мачири собрались перед ритуальным столбом и затянули грустную песню, покачивая бёдрами и пританцовывая. Особенно красиво танцевала одна из девушек. Эллу показалось, что она украдкой с интересом поглядывает на него. Он убедился в этом, перехватив её взгляд: девушка сразу сбилась с ритма и быстро отвела в сторону свои чёрные смущённые глаза.

Внезапно поляну окутала душная, наполненная тревожащими звуками ночь. В считанные минуты стало совсем темно, и лишь отблески затухающих костров помогли Хейсу добраться до палатки.

Элл отпустил над раскладной кроватью противомоскитную сетку, а чтобы до него не добрались клещи и другая подобная им мерзость, опрыскал всё вокруг инсектицидом, и завалился спать.

***

Однако сон его не был спокойным. Где-то совсем рядом с палаткой ухала ночная птица, громко и злобно ревели обезьяны, от укусов клещей и звенящих над ухом москитов не помогала ни сетка, ни инсектицид. Утром Элл встал с опухшим от укусов лицом и больной головой.

Почёсывая зудящие от волдырей руки и щёки, Хейс вышел из палатки. Вокруг было тихо и солнечно, светлой бирюзой отливало ясное, безоблачное небо. Будто и не было этой чёрной беспокойной ночи.

Хейс решил не терять даром времени. Осыпав Викиму заверениями, что он не будет охотиться на Боа, Элл, прихватив с собой парней Колвера, отправился в джунгли, на разведку. Но поиск питонов оказался тяжёлым и бесплодным. Несмотря на царивший там полумрак, нигде не ощущалось прохлады или хотя бы освежающего ветерка. Уже через несколько минут Элл изнемогал от влажной духоты. В глазах рябило от какофонии красок: голубого, красного, жёлтого, зелёного цвета... Надоедливо, пронзительно орала попугай, швырялись сверху увесистыми плодами обезьяны, больно хлестали звенящие под тесаком лианы, горела от укусов невиданных насекомых кожа...

Так продолжалось и в другие дни. С каждым часом люди Хейса всё больше скисали, да и сам он чувствовал себя уже на грани безумства от «зелёного ада». И когда однажды утром люди Хейса с трудом поднялись с кроватей и отказались идти в джунгли, Элл был вынужден вызвать по рации Колвера и попросить разрешения на передышку, чтобы группа могла дожидаться линьки питонов.

Но тот и слушать ничего не хотел.

Элл с досадой выключил рацию и взбешённый покинул вертолёт. День ещё только начинался, но уже стояла адская жара. Спасаясь от обжигающих солнечных лучей, он укрылся под пышной листвой одного из отряда могучих деревьев джунглей и бессмысленным взором уставился на поляну. Солёные струйки пота стекали по лицу, разъедавая почерневшую кожу, но Элл всё сидел и сидел под деревом, тупо глядя на молчаливых индейцев, копошившихся у хижин.

Неожиданно одна из девушек, которая уже не раз заглядывалась на Хейса, кротко приблизилась к нему.

— Эй!... — окликнула она его, смущённо поправляя на шее ожерелье из чучел колибри.

Элл очнулся, недоумённо посмотрел на девушку.

— А-а, это ты, Чилиана... Что тебе?

— Мне больно видеть белого человека хмурым.

Элл невольно улыбнулся. Ему льстило, что даже в этом затерянном мире он привлекает внимание женщин.

Элл поднялся, быстрым взглядом окинул индианку. Круглолицая и стройная, девушка была ему по плечо. Большие, тёмные, как ночь, бархатные глаза её доверчиво смотрели на него и как бы просили о таком же отношении.

И тут Хейс понял, что фортуна снова пришла к нему на помощь. Уж кто-кто, а он повидал в жизни немало женщин и хорошо знал, на какое мужество они способны, когда кого-то любят.

Элл осмотрелся и поманил девушку в заросли дикой акации.

***

...Они лежали на мягком мху, как на перине. Чилиана что-то нежно нащёптывала, заглядывала в глаза, ласково перебирала его белокурые волосы. Элл поглаживал её голые плечи, думал о своём и молчал.

— Скажи, почему ты невесёлый? Что мешает радоваться?

— Устал я, Чилиана. От джунглей устал.

— Зачем же ты ходишь туда?.. Мачири говорят, что бледнолицые охотятся за Боа. Это правда?

— Правда, — не замедлив, ответил Хейс и словно прыгнул в холодную воду: по телу пробежали мурашки: как-то отнесётся к этому Чилиана?

— Разве ты не знаешь, что тот, кто увидит Боа, потом пожалеет об этом?! — обеспокоенно воскликнула она.

— Но почему?

— Не знаю... — огорчённо ответила Чилиана.

— Боа принесёт мне счастье. Ты только подсажи, где найти её?

— Я не могу...

— Тогда я ухожу. Потому что ты не любишь меня.

— Подожди!... — Девушка вскочила на ноги, до крови закусила губы. — Подожди!

***Чилиана уверенно пробиралась вперёд. Хейс старался запомнить путь, отмечая его зарубками на деревьях. Чуть заметная тропинка, по которой они шли, вскоре оборвалась, и Чилиана остановилась.

— Дальше идти мне нельзя.

Хейс кивнул, осмотрелся. Место было унылым, мрачным. Ни голоса птиц, ни возни обезьян. Повсюду стеной теснились заросли колючего кустарника, нависали громады гигантской секвойи. Хейс невольно почувствовал себя среди них одиноким, незащищённым карликом.

Первым желанием Хейса было вернуться. Но Элл не любил оставлять дело незаконченным. К тому же до окончания срока контракта, заключённого с Колвером, оставалось три дня. Всего три дня!...

— Подожди меня здесь, — сказал он девушке и, пересилив страх, двинулся в заросли.

Элл медленно пробирался сквозь колючий кустарник и сплетения лиан. Нервы его были напряжены до предела. Он поминутно крутил головой, обшаривая глазами заросли, ловя взглядом каждое движение веток и лиан, часто останавливался, чутко прислушиваясь к любому шороху, и всё-таки

упорно стремился вперед, стараясь не думать о возможной встрече с ягуаром.

Неожиданно заросли расступились, открыв перед ним крохотную полянку.

Элл на мгновение остановился, облизал пересохшие губы и решительно ступил на полянку. Сделал один шаг, другой, третий... Под ногами гулко хрустнули опавшие сучья — и Элл провалился в глубокую яму. Он взмахнул руками, инстинктивно стремясь за что-нибудь ухватиться, но вместо этого выронил на полянку свой кольт и тесак.

Элл метался по дну ямы и изрыгал неистовые ругательства. Безоружный, с разбитой при падении рацией, он очутился словно в ловушке.

«Что же делать? Как выбраться отсюда?..».

В голову лезли самые тревожные мысли. Если, например, начнётся дождь, то потоки мутной воды в считанные минуты зальют его здесь. И сколько же за ночь набьётся сюда ядовитых тварей, мохнатых пауков, кровожадных клещей, ненасытных москитов? Останется ли тогда от него что-то живое?..

Он взглянул на светящийся хронометр. Уже прошло несколько часов с того времени, как они с Чилианой ушли из селения. Она, наверное, вернулась. И если не расскажет там всё, как было, — он пропал. Ведь никто не знает, где его искать...

Он опустил на корточки, прижался к стене и стал ждать.

«Только бы вырваться отсюда! И тогда — к чёрту, к дьяволу всех миллионеров с их невероятными причудами и толстыми чековыми книжками!» — поклялся себе Хейс.

Так он просидел долго. Вдруг что-то невыносимо острое впилося ему в шею. Он подскочил от боли и вытащил из кожи крохотного клеща. Однако в следующую секунду такая же острая боль пронзила затылок. Элл застонал и опять подумал о Чилиане. Если его ищут, то люди должны быть уже близко. Надо только дать им о себе знать.

Он набрал в лёгкие воздух, громко, протяжно закричал: — Э-э-э-эй! Сюда-а! Я здесь!...

Элл кричал долго, до хрипоты, в перерывах напряжённо вслушиваясь в тишину ночи. И вдруг уловил неясный

шорох. Элл радостно вскинул голову. И... ужаснулся. На кромке ямы показалась невероятно крупная змеиная голова. Несколько секунд она раскачивалась над ямой, а затем поползла вниз.

Элл забился в угол. Он ещё надеялся, что глубина ямы не позволит змее добраться до него, но она всё ползла и казалась бесконечной. Элл закрыл глаза. В тот же миг его тело сдавили холодные, плотные кольца, и он потерял сознание.

Когда Элл очнулся, то с удивлением отметил, что жив и лежит не на дне ямы, а невдалеке от неё, у разлапистых корней поваленной секвойи. Рядом, широкими толстыми кольцами, свернулся огромный сетчато-чёрный питон. Узкие глазки его, не отрываясь, следили за ним, словно запоминая. Элл поспешил отодвинуться. Он не понимал, почему питон отпустил его. Может, просто был сыт.

Позади Хейса хрустнули сучья. На сердце его снова защемило: «Кто там ещё?». Но обернулся только тогда, когда потревоженный шумом питон, развернув кольца, скрылся под корнями секвойи.

Элл не поверил своим глазам: из зарослей кустарника к нему бежала Чилиана.

— Ты? Здесь? Одна?!

Девушка молча припала к нему.

Элл нетерпеливо оторвал от себя индианку, попытался подняться. Но одеревеневшие ноги слушались плохо.

— Почему ты одна?

Горькая улыбка скользнула по её губам.

— Сердца твоих белых братьев трусливы. Что же Чилиане оставалось делать?

— Ах, ублюдки! — выругался Элл. — Как же ты нашла меня?

— Чилиана не сова, но видит ночью не хуже, чем днем.

Опираясь на её худенькие плечи, спотыкаясь и охая, Элл едва тащился по лесу. Яркий свет светлячков хорошо помогал ориентироваться по оставленным зарубкам. Чудесное, если не сказать фантастическое, избавление от гибели в злосчастной яме постепенно наполняло всё его существо радостью.

И хотя он никогда не верил в бога, уже готов был молиться за благополучие питона и Чилианы.

***

...В селение они вернулись только к утру. Элл настолько был измучен, что как свалился на раскладушку, так и забылся в беспробудном сне. Он спал весь день и всю ночь. А проснувшись, долго не вставал, испытывая невероятную усталость. За пологом палатки о чём-то спорил пилот, звучали голоса играющих ребятишек мачири, доносился стрекот цикад, гомон птиц...

Элл потянулся и вдруг разом вспомнил всё, что случилось с ним накануне. В голове мелькнул знакомый образ свернувшейся у ног змеи, с чуть заметным венчиком на плюснутой голове.

«Да ведь это была Боа!» — чуть не вскрикнул Элл. Он вскочил на ноги и заметался по палатке, отыскивая одежду, оружие, компас и прочее снаряжение. Он понимал, что предаёт сейчас и себя, и Боа, и Чилиану, но ничего не мог поделаться с собой. Каким-то наваждением обещанный поток хрустящих банкнотов заслонил всё остальное. Он уже видел себя не жалким просителем любой, даже самой чёрной работы и приютившимся в мрачной лачуге, но обладателем огромного состояния, владельцем белокаменной виллы, не хуже, чем у Колвера, настоящим джентльменом, перед которым отныне будут услужливо открываться все двери деловых офисов, дорогих магазинов, дансингов и казино...

Элл выскочил из палатки.

— Вот что, ребята! — обратился он ко всей своей группе. — Хватит спорить. Живо собирайтесь!

— Куда, шеф?

— Опять в этот проклятый ад?

— Ничего, ничего... — возбуждённо ответил Хейс. — В последний раз. Читайте, что Боа у нас. Я теперь знаю, где её искать. Скоро доллары потекут к нам рекой!

Элл притих, увидев выходящего из хижины жреца.

Викима был мрачен.

— Белые люди опять уходят в джунгли. Разве Викима не обещал им свою помощь?

— Успокойся, мудрейший, — усмехнулся Элл. — Мы не охотимся на Боа. Клянусь тебе!

Викима недоверчиво покачал седой головой.

— Смотри, бледнолицый... Нельзя долго дразнить ягуара.

И отошёл.

Хейс бешено сплюнул, поздравил пилота.

— Быть в полной готовности, — шепнул он ему и решительно рванулся со своими парнями в густые заросли джунглей. Жрец проводил их тяжёлым взглядом.

Вскоре вся группа была у поваленной секвойи. Хейс по опыту знал, что змеи редко селятся в одиночку, и если подняться в чаще шум, они торопятся покинуть свои жилища. Поэтому он приказал стучать палками по деревьям и внимательно наблюдать за обстановкой. Через несколько минут, потревоженные неожиданным грохотом, из дупел деревьев и скрытых нор выползли питоны, стремясь укрыться в зарослях кустарника. Но молодчики Колвера, подбодряемые Хейсом, повсюду настигали их, в упор расстреливали из автоматов и рубили тесаками их «венценосные» головы.

Всё это время Элл напряжённо следил за корневищами вывороченной секвойи и мысленно молил «его» Боа не показываться из норы. Когда жуткая бойня закончилась, он с облегчением вытер вспотевший лоб. Но в тот же миг в корнях секвойи послышался шорох, и оттуда выползла ещё одна змея. Самая большая. Хейс, находился всех ближе к ней. Он сразу узнал недавнюю спасительницу, и ему стало не по себе.

Между тем Боа приподнялась, на какое-то мгновение застыла, словно изваяние. Её немигающие маленькие глаза уставились на Хейса. Он похолодел, но не смог сдвинуться с места.

— Берегись! — услышал Элл. Из-за спины ударила автоматная очередь.

Змея судорожно дернулась и плюнула в Хейса. Он всё-таки успел закрыть глаза. В тот же миг всё лицо его словно огнём обожгло. Что-то огненно-липкое просочилось под веки, вызвав там дикую боль. Элл рухнул, как подкошенный, закатался по земле, сдирая с лица ядовитый плевок.

Все бросились к нему на помощь. Водой из фляжек торопливо промыли глаза, осторожно протёрли марлевыми тампонами лицо...

Хейс попытался открыть обожжённые веки. В глазах застряла острая резь, вокруг всё рябило и расплывалось, как в тумане... «Вот она, в чём ещё одна тайна Боа, — с горечью подумал он. — Только бы не ослепнуть!»

Неожиданно где-то совсем рядом забухали барабаны мачири, послышалась быстрая, возбуждённая речь индейцев.

Спутники Хейса встревожились:

— Нас засекли, шеф!

— Теперь живыми не выпустят!

— Что будем делать, мистер Хейс?

Элл тяжело поднялся, зло процедил:

— Добычу ко мне в сумку. Попробуем прорваться... Патронов не жалеть!

И всё-таки к вертолёту добрался один Хейс.

«Опять повезло!» — радостно подумал он, подбегая к заветной машине.

Викима попытался преградить ему путь, но Элл, не колеблясь, разрядил в него кольт.

Уже подтягиваясь в кабину, он услышал за спиной звонкий голосок Чилианы. Что-то дрогнуло в его сердце, но Элл даже не обернулся.

— Пошёл! — крикнул он пилоту.

Двигатель несколько раз чихнул, потом мощно загрохотал, и вертолёт плавно поднялся с поляны.

***

Вечером Хейс был уже в Калифорнии. Море было всё такое же тихое, изумрудное. И всё так же, как две недели назад, плясали по белому песку затухающие солнечные блики, в обнимку брели с пляжа парочки...

Глаза Хейса болели, не переставая, но Элл весело помахал пляжу, открыл калитку палисадника виллы, медлительной походкой прошёл по аллейке, нажал на двери виллы кнопку звонка.

Швейцар, увидев его, испуганно отшатнулся, но потом вышколено принял от Хейса шляпу.

— Доложите хозяину, что мистер Хейс желает видеть его, — с напускной беззаботностью бросил Элл.

Швейцар вначале замялся, но затем молча удалился.

Приглаживая волосы, Хейс подошёл к зеркалу. Из рамы на него смотрело чужое, словно опалённое порохом, иссиня-зелёное лицо. Хейс поразился. Но тут же утешил себя: «Ничего! Теперь пластические операции не составляют труда. Были бы деньги!».

— Мистер Хейс?

Элл проворно обернулся. Из приёмной к нему спешил секретарь Колвера.

— Хелло, приятель! — развязно хлопнул его по плечу Хейс. — Я пришёл за своим миллионом. Проводи-ка меня за ним поскорее!

Секретарь печально сдвинул брови.

— К сожалению, это невозможно. Мистер Колвер сегодня утром умер.

ДОЗНАНИЕ ФЕРРАРИ

рассказ

Солнце медленно опускалось в лазурную воду венецианской лагуны. Его лучи ярко высвечивали площадь Святого Марка с её величественным пятикупольным собором и Дворцом Дожей, десятки каналов с изумительными по архитектуре мостами и небольшую таверну “Веселый дрозд”. Здесь, в таверне, в глубокой задумчивости застыл за столиком уютной веранды, нависшей над водой Канале Гранда, необычный для такого заведения посетитель, старейший член Совета сорока — Верховного судебного трибунала республики — Энрико Феррари. Суровый патриций не замечал ни теплого дыхания заходящего солнца, ни удивительных эффектных отражений в зеркальной глади канала монументальных дворцов, инкрустированных цветным мрамором, ни тревоги тучного хозяина таверны, то и дело предупредительно заглядывавшего на веранду к неожиданному грозному гостю. Феррари — вершителя человеческих судеб — давно волновало лишь то обстоятельство, в котором он оказался на закате своей судебной деятельности: один из обвиняемых, некий аптекарь Джованни Росси, на вид тщедушный и недалекий, ускользнул от расплаты за учинённое им злодейство.

Феррари с трудом поднял тяжелые веки, обвел недоумевающими глазами террасу. Да... Именно здесь прошлой весной вот за этим столиком погубил доброго человека коварный аптекарь. День в день год назад, поздним вечером, он распил со, своим молодым помощником Рикардо кувшинчик красного вина, и через несколько минут Рикардо умер в муках. Было учинено расследование. Когда проверили остатки вина в обеих кружках, оно оказалось отравленным. На Джованни, оставшегося живым и здоровым, пало подозрение в убийстве: аптекарь имел дело с ядами и, по слухам, волочил-ся за женой Рикардо, красавицей Анжелой. Однако прямых улик не было — пили вместе одно и то же вино. Правда, как удалось установить Феррари, незадолго до роковой выпивки

в таверне аптекарь резко изменил ритм жизни: стал спать не по ночам, а днем. Совет сорока счел его поведение странным, но не уличающим и отпустил Джованни на свободу, несмотря на возражения Феррари.

С того самого дня 1503 года многое изменилось в Венеции, у людей появились новые заботы. Но Энрико Феррари потому и оказался сегодня в этой старой таверне у Большого канала, что никак не мог забыть о злодействе в таверне. Беспokoила и загадочно-насмешливая улыбка, скользнувшая по лицу Джованни, когда тот, довольным решением Верховного трибунала, покидал его мрачные стены. Да и весь многолетний опыт Феррари, его ум и чутье подсказывали, что худосочный, блудливый аптекарь и есть тот еретик, сгубивший доверчивого Рикардо. Но как это доказать? Ведь аптекарь тожепил отравленное вино и... остался жив. Невероятно!... Может, как рассказывал однажды знакомый лекарь, близкий к роду Борджиа, знавшему толк, в ядах, люди и впрямь обладают неодинаковой устойчивостью к смертельным дозам различных веществ в зависимости от времени их введения в организм в течение суток? И что в один период времени они могут убить, а в другой, даже в большей дозировке, остаются безвредными, а наивысшая сопротивляемость им – поздним утром? А Джованни? Пил отравленное вино вечером. Или: для него это было – как раннее утро?

В голове Феррари будто разорвалась молния. Он рванул на груди тесемки черного атласного плаща, чтобы легче дышалось, и громко хлопнул в ладоши:

– Хозяин!

Тот словно ждал этого зова, мгновенно вырос перед столиком.

– Слушаю, сеньор!

– Бутылочку вина и пару бокалов.

Заказ моментально был исполнен.

– Можно? – услышал Феррари знакомый вкрадчивым голос, и сердце его замерло на миг.

Да! Аптекарь не изменил привычке проводить воскресные вечера в таверне, – и значит, он, Феррари, просто обя-

зан не упустить сегодня свой шанс раскрыть, наконец, тайну Джованни Росси.

Он повернулся к двери:

– Входи, Джованни, входи. Я давно жду, – отозвался Феррари и указал на свободный дубовый стул. – Садись.

Вошедший – невысокий, узкоплечий, лет сорока мужчина, одетый в скромную поношенную блузу зеленоватого цвета, – испуганно попятился.

– Ну что ты, Джованни? Смелее. Это же твое любимое место.

Аптекарь нерешительно топтался в узком проеме.

– Отведаем? – предложил Феррари, показав на бутылку.

Тот неуверенно кивнул.

– Скажи мне, Джованни, – опять обратился к нему Феррари, когда они отпили из бокалов, – все-таки это ты отравил Рикардо?

Аптекарь вздрогнул и отрицательно замотал головой.

– Ну-ну, Джованни. Опять ты за свое. Уж покайся, облегчи душу.

Джованни и на этот раз не произнес ни слова, лишь нервно потянулся к бокалу. Осушив его, он продолжал молчать. Феррари ждал. И вот лицо аптекаря порозовело, он осмелел и с дерзкой ухмылкой бросил:

– Кто теперь докажет?

– Я, – сказал Феррари.

– Как же?

– Фактом твоей смерти. Отказавшись покаяться, ты подписал себе смертный приговор и сегодня умрешь.

– Вы не посмеете... Верховный трибунал не простит вам, он признал меня невиновным.

– Посмею, Джованни, посмею. Своей смертью ты оправдаешь меня.

– Как это?!

– Я дал тебе яд, ты выпил его с вином из этой бутылки, и теперь часы твоей жизни сочтены.

Феррари впился глазами в лицо охваченного страхом аптекаря. Тот вдруг застонал и схватился за горло.

– Вы дали мне яд?

– Да. Так что покайся, и, быть может, я успею позвать для тебя лекаря.

– А для себя? Вы тоже пили это вино!

– Я последовал твоему давнему примеру не спать по ночам. А вот ты, как я слышал, вернулся к прежнему образу жизни. Значит, организм твой сейчас готовится ко сну и не будет сопротивляться яду. Я разгадал твою тайну, Джованни? Ты ведь так поступил с беднягой Рикардо?

Джованни сполз со стула и, скорчившись, закатался по полу.

– Помогите, – сдавленно простонал он.

Феррари встал, шагнул к нему и спросил:

– А ты покаешься, Джованни?

– Да. Да...

«Уловка удалась, – довольный собой, подумал Энрико. – Да иного исхода и быть не могло!»

Он выпрямился, хлопнул в ладоши:

– Хозяин!

Тот мгновенно вырос перед ним.

– Слушай и запоминай, хозяин...

Аптекарь, стоя на коленях у ног Верховного судьи, уже торопливо каялся в содеянном злодействе. Неожиданно он захрипел, глаза его закатились, на губах появилась пена.

Что-то дрогнуло в душе Феррари. Прежняя неприязнь к аптекарю сменилась тревогой: «И впрямь, не отошёл бы он в мир иной...»

– Что с тобой, Джованни? Я согрешил, обманул тебя.

Но тот судорожно дёрнулся и снова растянулся на полу, раскинув руки.

– Святая Мадонна! – воскликнул хозяин таверны. Он опустился на пол рядом с Джованни, расстегнул его блузу, приложился ухом к груди.

– Умер, – сказал он со вздохом. – Сердце, должно быть, не выдержало.

Феррари устало закрыл глаза и перекрестился: «Прости всех нас, Господи!...»

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Кто стрелял в «Бирюзе»?	7
Тайна пансионата «Уют»	72
Бизнесмен Ладнов	142
Фальшивая коронка	172

Рассказы

Мат королю	225
Последнее звено	241
Фортуна Элла Хейса	258
Дознание Феррари	275

Литературно-художественное издание

Владимир Гаврилович Колабухин

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

Повести и рассказы

Книга выпускается
в авторской редакции

Вёрстка и дизайн обложки
Михаил Китайнер

Корректор
Мария Иванова

Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура PetersburgС.
Усл. п. л. 16,28. Уч.-изд. л. 11,23
Тираж 150 экз. Заказ № 62-16

ООО «Издательско-полиграфический комплекс «Индиго»
г. Ярославль, ул. Свободы. 97

Отпечатано на собственном полиграфическом оборудовании